

Коллектив авторов

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник материалов Второй
международной научной конференции

Коллектив авторов

**СПЕЦИФИКА
ЭТНИЧЕСКИХ
МИГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ НА
ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
СИБИРИ В XX-XXI
ВЕКАХ: ОПЫТ И
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник материалов Второй
международной научной
конференции

УДК 31
ББК 60
А22

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

авторов Коллектив
А22 **СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
СИБИРИ В XX-XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И
ПЕРСПЕКТИВЫ : Сборник материалов Второй
международной научной конференции / Коллектив
авторов. — [б. м.] : [б. и.], 2018. — 178 с
[б. н.]**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта: «Проект организации Второй международной научной конференции «Специфика этнических миграционных процессов в Центральной Сибири в XX — XXI веках: опыт и перспективы»

УДК 31
ББК 60

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

**Специфика этнических миграционных
процессов на территории Центральной
Сибири в XX — XXI веках: опыт
и перспективы**

*Сборник материалов Второй Международной научной конфе-
ренции*

(27–29 сентября 2018 г.)

Красноярск

Сибирский федеральный университет

2018

Сборник материалов международной конференции по национальным и миграционным вопросам «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX—XXI веках: опыт и перспективы» охватывает широкий круг проблем по научным подходам к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири, этнокультурной динамики и этнической мобильности в XXI веке.

Предназначено для экспертов, специалистов, осуществляющих практическую деятельность в сфере реализации государственной национальной политики, специалистов в области межнациональных и миграционных отношений; представителей научного сообщества, специализирующихся в области этнологии и религиоведения; преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта: «Проект организации Второй международной научной конференции „Специфика этнических миграционных процессов в Центральной Сибири в XX—XXI веках: опыт и перспективы“»;

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Regional Fund of Science to the research project: "Project of the organization of the Second International Scientific Conference «Specificity of ethnic migration processes in Central Siberia in the XX—XXI centuries: experience and prospects".

**Часть 1. Современные
миграционные процессы
на территории Центральной
Сибири: научные подходы
к изучению**

Трудовая миграция в климатическом пространстве Красноярского края

*Парфенова Елена Ивановна,
Институт леса им. В. Н. Сукачева ФИЦ КНЦ СО РАН*

Прибывая из места происхождения к месту постоянного проживания или временной трудовой деятельности или учебы, трудовые мигранты преодолевают не только большие географические расстояния, культурные и бытовые различия, но, как правило, попадают в непривычную климатическую среду. Цель нашей работы — количественно оценить климатические дистанции между условиями, в которых живут иммигранты у себя на родине и условиями в отдельных регионах Красноярского края, куда они прибывают.

Объекты и методы

Данные по происхождениям иммигрантов, прибывших в Красноярский край из других регионов, были взяты с сайта Красноярскстата [1]: основными источниками въезжающих в край являются Армения, ЕТР, Украина, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Китай, Грузия.

Данные по климату мест происхождения иммигрантов были взяты для столиц или крупных городов этих регионов [2] (см. табл. 1). В качестве регионов трудовой деятельности мы рассмотрели четыре крупных промышленных района края (с юга на север), климатические характеристики которых были представлены по данным их райцентров: Минусинск, Красноярск, Богучаны, Норильск [3].

Из климатических показателей мы использовали два, наиболее явно отражающих условия жизнедеятельности зимнего и летнего периодов: январскую и июльскую температуры.

Были найдены различия в этих показателях между местами происхождения иммигрантов и местами проживания в Красноярском крае (Табл. 1). Для наглядности были построены графики расположения этих данных в осях: разность июльских температур (Y) — разность январских температур (X) (рис. 1. а, б, в, г).

Результаты

По данным Табл. 1. построены портреты миграции в пространстве разниц климатических показателей зимы и лета мест происхождения и трудо-

вой деятельности в четырех районах Красноярского края. Нулевая точка на каждом из этих графиков показывает условия для местных жителей в данном регионе, а величина расстояния до нуля показывает дистанцию, которую физически и психологически должен преодолеть мигрант, прибыв на данную территорию (Рис. 1). Из графиков наглядно видна степень различий в климатических условиях происхождения и трудовой деятельности для приезжающих в наш край из других регионов: диапазон разниц летних температур оказался не так велик, а зимних — чрезвычайно велик.

Обсуждение и выводы

В нашей работе были приняты некоторые допущения. Климаты мест происхождения аппроксимировались климатами крупных городов, несмотря на различия в распределении климатических характеристик по территории каждой страны происхождения. Такой подход имеет практику применения; например в работе Зоркальцева и Хажеева [4] плотность населения страны рассматривается как функция среднегодовой температуры в ее столице.

В биологических и экологических науках широко используется метод трансферных функций, суть которого заключается в оценке расстояний между условиями происхождения объекта и условиями поселения, как показателя успешности приживаемости [5]. Нам представляется, что этот метод может быть применен для оценки степени дискомфорта при перемещении людей в непривычную для них климатическую среду. Для этого необходимо дополнить исследование данными по адаптации иммигрантов к жизни на новом месте. Это могут быть как многолетние статистические данные по срокам проживания в крае выходцев с других территорий, так и данные опросов респондентов-мигрантов об их восприятии условий среды и по субъективному ощущению удовлетворенностью жизнью. Последний метод сейчас широко применяется зарубежными исследователями даже в оценке последствий изменений климата [6].

На основании анализа рис. 1. можно рекомендовать сезонные работы для трудовых мигрантов из определенных регионов РФ и зарубежья.

Таблица 1. Климатические показатели мест происхождения и трудовой занятости иммигрантов в Красноярском крае

Происхождение	Январь	Июль	Для Минусинска		Для Красноярска		Для п. Богучаны	
			Дельта января	Дельта июля	Дельта января	Дельта июля	Дельта января	Дельта июля
Бишкек	-2.6	24.9	-18.6	-5.3	-14.5	-6.2	-21.7	-5.9
Астана	-20.2	23.9	-1.0	-4.3	3.1	-5.2	-4.1	-4.9
Ташкент	1.9	27.8	-23.1	-8.2	-19.0	-9.1	-26.2	-8.8
Киев	-6.3	19.6	-14.9	0.0	-10.8	-0.9	-18.0	-0.6
Воронеж	-9.3	20.2	-11.9	-0.6	-7.8	-1.5	-15.0	-1.2
Ереван	-3.6	26.4	-17.6	-6.8	-13.5	-7.7	-20.7	-7.4
Баку	3.9	26.2	-25.1	-6.6	-21.0	-7.5	-28.2	-7.2
Улан-Батор	-21.6	18.2	0.4	1.4	4.5	0.5	-2.7	0.8
Харбин	-17.4	23.1	-3.8	-3.5	0.3	-4.4	-6.9	-4.1
Пхеньян	-6.0	24.3	-15.2	-4.7	-11.1	-5.6	-18.3	-5.3
У_Каменогорск	-16.0	20.0	-5.2	-0.4	-1.1	-1.3	-8.3	-1.0
София	0.5	22.0	-21.7	-2.4	-17.6	-3.3	-24.8	-3.0
Хошимин	26.0	28.0	-47.2	-8.4	-43.1	-9.3	-50.3	-9.0
Пекин	-3.3	26.7	-17.9	-7.1	-13.8	-8.0	-21.0	-7.7
Бангкок	27.0	30.0	-48.2	-10.4	-44.1	-11.3	-51.3	-11.0
Анкара	0.3	23.5	-21.5	-3.9	-17.4	-4.8	-24.6	-4.5
Берлин	0.7	19.8	-21.9	-0.2	-17.8	-1.1	-25.0	-0.8
Кишинев	-1.9	22.1	-19.3	-2.5	-15.2	-3.4	-22.4	-3.1
Тель-Авив	13.0	27.0	-34.2	-7.4	-30.1	-8.3	-37.3	-8.0
Анталья	9.6	28.3	-30.8	-8.7	-26.7	-9.6	-33.9	-9.3
Тбилиси	2.3	24.9	-23.5	-5.3	-19.4	-6.2	-26.6	-5.9
Душанбе	1.7	27.4	-22.9	-7.8	-18.8	-8.7	-26.0	-8.4
Норильск	-27.0	14.3	5.8	5.3	9.9	4.4	2.7	4.7
Минусинск	-21.2	19.6	0	0	4.1	-0.9	-3.1	-0.6
Красноярск	-17.1	18.7	-4.1	0.9	0	0	-7.2	0.3
Богучаны	-24.3	19.0	3.1	0.6	7.2	-0.3	0	0

Таблица 1. Климатические показатели мест происхождения и трудовой занятости иммигрантов в Красноярском крае

Литература

1. ПРЕСС-ВЫПУСК: Миграция населения Красноярского края в 2017 году. Красноярскстат. 27.03.2018. http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/resources
2. Исаченко А. Г., Шляпников А. А. Ландшафты. Природа мира. 1989. М., Мысль. 504 с.
3. Справочник по климату СССР. Вып. 24. Часть 2. Температура воздуха и почвы. 1967. Л. Гидрометеоиздат. 504 с.
4. Зоркальцев В. И. Хажеев И. И. Как климат влияет на экономику // ЭКО. — 2015. — №7. с. 147—162.
5. Rehfeldt G. E., Tchebakova N. M., Parfenova E. I., Wykoff W. R., Kuzmina N. A., Milyutin L. I. Intraspecific responses to climate in *Pinus sylvestris* // *Global Change Biology*. — 2002. — Vol. 8. — P. 912—929.
6. Rehdanza K. and Maddison D. 2005. Climate and Happiness/ *Ecological Economics* Volume 52, Issue 1, Pages 111—125. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2004.06.015>

Иммиграционная политика и формирование культурной идентичности в полиэтническом и мультилингварном пространстве (на примере Австралии)

*Добряева Ирина Сергеевна,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета*

Данная статья посвящена анализу особенностей иммиграционной политики Австралии как эффективной модели управления полиэтническим и мультилингвальным пространством в контексте формирования культурной идентичности. Вопрос формирования культурной идентичности и роль языка в модели культурной и этнической идентичности рассматривается как с точки экономической целесообразности, так и в контексте вопросов формирования культурной, иммиграционной и языковой политики, а также мер языкового планирования, основанных на предпосылке важности языкового и культурного разнообразия и толерантности в эпоху глобальной миграции.

Этническое и языковое разнообразие являлось неотъемлемой чертой Австралии, как до колонизации, так и в период колонизации. Экономический успех и открытие золотых месторождений в 1850х годах вызвали прилив иммиграционных потоков в Австралию из стран Европы, Азии, Южной Америки. Выход Австралии на мировую арену связан с военными действиями на стороне Великобритании. В первой половине XX века наметилось абсолютное доминирование английского языка во всех без исключения сферах общественной жизни. Монолингвизм как символ лояльности Великобритании во время первой мировой войны способствовал закреплению монолингвизма как требования австралийского национализма.

Конец второй мировой войны для Австралии был ознаменован широко-масштабной иммиграционной программой, вызванной необходимостью экономического развития страны, за которой последовало изменения ее демографического профиля и экономики. Будущий министр по иммиграционной политике, Артур Калузэл, отмечал в 1947 г., что целью правительственной иммиграционной программы является полная ассимиляция прибывающих в страну иммигрантов и принятие ими австралийского образа

жизни: языка, ценностей и привычек австралийцев.

Фундаментальное отличие австралийской иммиграционной политики касалось статуса иммигрантов, которые сначала признавались постоянными резидентами, а затем получали гражданство. Отмечалось, что предоставление возможности натурализации являлось одним из наиболее эффективных средств, облегчающих ассимиляцию.

В связи с этим в 1950 годах возникла необходимость в определении характерных признаков австралийского характера и австралийского общества, с которыми иммигрантами приходилось ассимилироваться. Так, по определению правительства, иммигранты должны были знакомиться культурой Великобритании, знать ее язык и литературу. В то же время озвучивались требования языкового характера, например, можно было услышать такую насмешку: «Наш новичок плохо говорит по-английски и совсем не говорит по-австралийски.» [1, 72] Подобные высказывания имплицитно содержали мысль: знать британскую культуру далеко не означает то же самое, что быть знакомым с австралийской культурой. При этом язык представляет собой элементарный и необходимый компонент этнической и культурной идентификации, входящий в один из трех основных компонентов многоаспектных моделей идентичности: происхождение, наследие (принятие специфических культурных моделей) и феноменология. [2,108]

В 1950—60 годы появились статьи в которых делались бесчисленные попытки определить особенности австралийской культуры и австралийской национальной идентичности. Среди прочих был сделан вывод, что австралийской культуре и австралийскому характеру присуще некое чувство самозащиты. Высказывались ожидания и одновременно скептицизм по поводу того, что европейские космополиты смогут улучшить австралийскую культуру.

На ранних стадиях разработки иммиграционной политики было признано необходимым формировать менталитет австралийцев и создавать условия для того, чтобы они могли принимать иностранцев на должном уровне, поскольку нелиберальное отношение к иммигрантам создавало препятствия для их ассимиляции. С целью установления дружественных отношений между австралийцами и прибывшими иммигрантами по всей Австралии были организованы Советы добрых соседей (Good Neighbour Councils), которые оказали неоценимую помощь в налаживании новой жизни.

Политика ассимиляции, волна национализма, и политика «Белой Австралии» привели к подавлению существовавшего разнообразия австралийского общества. С конца 1960-х г., после отмены политики «Белой Австралии», мультикультурализм и плюрилингвизм вновь стали отличительными признаками Австралии. Одним из важнейших аспектов асси-

мияции являлось изучение английского языка иммигрантами. Акцент делался на изучение английского языка детьми иммигрантов, поощрялось использование английского языка дома для скорейшей ассимиляции детей иммигрантов в австралийское общество.

Постепенно решение проблем языковой политики для новых австралийцев было переведено из плоскости «ассимиляции» в плоскость «интеграции», что представляло собой отказ от уверенности в неминуемой ассимиляции иммигрантов как следствие возникшей социальной напряженности в австралийских городах в силу концентрации в них иммигрантского населения. Интеграция определялась как конечная цель, которая может выражаться в добровольном желании общества пойти навстречу иммиграции. Кроме того, термин «интеграция» не предполагал явной потери этнической идентичности. Как следствие, удалось преодолеть некоторые ограничения в развитии и распространении *LOTEs (Languages other than English)*, например, использование своего родного языка в быту. Чувства толерантности австралийцев к иммигрантскому населению планировалось воспитывать через изучение языков иммигрантов, что позволяло уравновесить взаимоисключающие идеи ассимиляции и культурного разнообразия.

В 1973 в Австралии была организована Срочная телефонная переводческая служба, оказывалась поддержка двуязычным и этническим школам. В 1974—75 в Сиднее и Мельбурне произошло объединение иммигрантских сообществ в Советы этнических сообществ, выдвигавшие требование изучать языки и культуры иммигрантов как основное условия сосуществования многонационального общества, что в итоге могло бы привести к плюралистическому обществу.

В конце 1970х годов пришло понимание, что поликультурная реальность австралийского общества должна быть отражена в школьной программе. Допуск к другим языкам и другому менталитету должен был способствовать достижению потребностей поликультурного общества. Двуязычное образование и этнические школы рассматривались как способствующие этнической идентификации учащихся и помогающие им быстрее адаптироваться к условиям австралийской жизни. Подрастающее поколение австралийцев должно было стать билингвами.

Доклад Франка Габалли в 1977 г. провозглашал переломный момент в развитии Австралии, оформления ее объединения в мультикультурную нацию, изменение иммиграционных моделей; одновременно наблюдалось изменение отношения к переселенцам со стороны австралийского общества, а также отношения между самими этническими группами. Культуре давалось следующее определение, основанное на работах Е. В. Тейлора « Это образ жизни, собирательное понятие, включающее в себя знание, верования, искусство, мораль, закон, обычаи и другие свойства, которые накопил человек, будучи членом общества». [1, 126]

Таким образом, 30 лет спустя после начала послевоенной государственной иммиграционной политики можно было констатировать изменения в отношении этнической и, в частности, языковой политики Австралии. В стране были созданы условия, для оказания поддержки различным миноритарным языкам и культурам.

Премьер-министр Австралии М. Фрейзер в своей речи, посвященной анализу Программ по переселению, организации и функционированию специализированных служб для иммигрантов, говорил уже о мультикультурной Австралии и превозносил достоинства оказания населению языковой и культурной поддержки. «Австралия постепенно превращается в объединенную, мультикультурную, способную к согласию нацию... Правительство будет и впредь способствовать сохранению культурного наследия различных этнических групп и межкультурному пониманию». [1, с 6]

Населению Австралии, для которого английский язык не является родным, предоставляются переводческие услуги. Так, деятельность Комиссий по этническим делам осуществляется на 70 языках. Профессиональными переводчиками осуществляется помощь в судебных заседаниях, правовых центрах этнических сообществ, медицинской практике, сфере бизнес коммуникаций, организации и проведении телефонных переговоров и консультаций с членами правительства, представителями сообществ, социальной службы и т. д. Все службы функционируют 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Правительство М. Фрейзера проложило официальный путь мультикультурализму, обеспечивая всей необходимой информацией о вновь прибывающих в страну переселенцах бюрократические структуры и неправительственные агентства. [3] В 1979 был учрежден Австралийский институт мультикультурализма. По мнению теневого министра по делам иммиграции, Дж. Зубржицки, мультикультурализм состоит из четырех основных элементов: социальной связи, культурной идентичности, равенства возможностей и равной ответственности перед обществом. [1, 131]

В свою очередь, наряду с восхвалением культурных различий и толерантности в процессе строительства мультикультурной Австралии, критика мультикультурализма включала такие аргументы как возможность социального расслоения и этнической стратификации, закрепления социальных различий с потенциальной возможностью социального конфликта как результата разделения политического и культурного единства австралийской аморфной культуры на различные группы. По мнению Ф. Кнопфельмахера, единственно возможной политикой была политика поддержания англomorфной гегемонии с целью проведения политики ассимиляции этносов англomorфной культурой страны, предполагавшая структурную ассимиляцию в австралийское общество и делающая невозможным этнический сепаратизм. [1, 133]

В 1980е годы реализация мультикультурных программ была затруднена в связи с децентрализацией языковой политики, ушедшей с федерального уровня на уровень штатов, и сокращением расходов на мультикультурные программы и переподготовку учителей языка, вызванным экономическим кризисом. Английский язык был признан доминирующим языком континента. Ему отводилось центральное место в обеспечении связей внутри австралийского сообщества.

С целью ослабить доминирующую роль английского языка в таких областях как юриспруденция, администрирование, образование и даже повседневная коммуникация, 3 мая 1982 была опубликована статья «Планирование билингвизма в Австралии» [1, 169], в которой сообщалось о намерении правительства об определении и принятии второго языка, на котором должны говорить в Австралии. Данная инициатива вызвала незамедлительный резонанс, было указано, что попытка провозгласить какой-то из многочисленных этнических языков в качестве второго официального языка может привести к расколу общества как на этнические так и на лингвистические группы. Преподавание этнических языков вновь пребывающим детям мигрантов рассматривалось как разобщающий шаг, а критика билингвизма основывалась на том, что дети начинают одинаково плохо говорить как на родном, так и на английском языке. Бывали случаи, когда активисты этнических групп выступали за провозглашение английского языка официальным и первым языком австралийской нации.

В целом, Австралия представляет собой модель языкового планирования, которая иллюстрирует один из способов сравнительно бережного обращения с этническими языками, это выражается предоставлением относительной автономии различным языковым образованиям, подтверждая, что независимо от непрекращающихся споров по поводу мультикультурализма Австралии, многоязычие является ценностью само по себе.

В настоящее время языки Австралии могут быть классифицированы следующим образом: индигенные языки, пиджины и креольские языки, языки сообществ, в том числе этнических сообществ, аборигенный английский, и австралийский английский — официальный язык страны, используемый 90% населения как первый язык, имеющий региональные и социальные варианты. [4]

Таким образом, произошел возврат к схеме послевоенной иммиграционной политики, которая не подвергает сомнению социальную целостность австралийского общества, но является результатом толерантного отношения и принятия идей культурной диверсификации. Разница заключается в том, что теперь, когда Австралия стала независимым государством, культурное этносознание и самоидентификация австралийцев более четко определены, в том числе через концепты австралийского языка, что является результатом продуманного языкового планирования

как в части концептуального и инструментального корпуса языка, так и планирования статуса языка. Так, в тесте на гражданство, наряду с тестом на знание английского языка, есть вопросы, отражающие знание истории, культуры и основных концептов австралийской культуры, например ключевого концепта австралийской культуры *Mateship*, в котором сконцентрирована вся история развития и ценностные ориентиры австралийской нации. [5]

В заключение необходимо подчеркнуть, что Австралия является ярким примером успешного создания формирующих нацию ценностей, отраженных в концептосфере ее языка, направленных на передачу, поддержание и усиление национальной идентичности. В отличие от новой европейской идентичности, предполагающей наднациональный и национальный элементы [2], австралийская культурная идентичность представляет собой слияние (креолизацию) черт различных этнических культур при доминирующей роли австралийской культуры. Важную роль в формировании австралийской культурной идентичности сыграли тенденции экономического развития страны, нашедшие свое отражение в иммиграционной политике Австралии.

Литература

1. Гришаева, Е. Б. Мультикультурализм и языковая политика в Австралии. [Текст] Е. Б. Гришаева. — Красноярск: [КрасГУ] 2005.
2. Гришаева, Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): монография/ Е. Б. Гришаева. — Красноярск: [КрасГУ] 2006.
3. Сайт правительства Австралии [www/http:australia.gov.au](http://www.australia.gov.au)
4. Dobryaeva, I.S. Language Situation in Modern Australia /I.S. Dobryaeva// НЖ СФУ. Humanities and Social Sciences, 2015 (7) С 907—915.
5. Dobryaeva, I.S. Semiotic Development Potential of Henry Lawson's Individual Concept «Mate/Mateship»/ I.S. Dobryaeva// НЖ СФУ. Humanities and Social Sciences, 2016 (9 (№3)). С 625—636.

Этническая миграция и коренные малочисленные народы Красноярского края: обзор научных исследований

Амосова Мария Анатольевна

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

(г. Красноярск)

В свете Основ государственной политики в Арктике на ближайшую перспективу, Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года интерес к тематике коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока вновь приобретает актуальность, возникает необходимость осмысления объективной картины жизнедеятельности северных народов и предстоящих изменений. Однозначно одно: все большее осознание национальных интересов в Арктическом регионе, являющемся исконной средой жизни многих коренных малочисленных народов, с каждым годом все активнее будет подчеркивать остроту обеспечения жизнедеятельности коренного населения и сохранения их культуры. Однако важно отметить, что привлекательность разнообразных бытовых и социальных благ, существующих у населения крупных городов и поселков, приводит к тому, что представители малочисленных народов выезжают из национальных поселков, прекращают вести традиционный образ жизни и осуществлять традиционные виды хозяйствования малочисленных народов, исчезает традиционное природопользование, утрачиваются знания культуры коренных народов.

Методы исследования. Были отобраны актуальные статьи русскоязычных и англоязычных авторов на научных сайтах, такие как: scopus.com, elibrary.ru, scholar.sfu-kras.ru, scholar.google.ru. После был сделан вывод о состоянии культуры коренных народов.

Обзор литературы. В современном обществе стоит проблема сохранения знаний и культуры коренных малочисленных народов. Опубликовано множество статей и книг по данной проблеме. Одна из статей Натальи Копцевой и Владимира Кирко «Постсоветская практика сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Россий-

ской Федерации» (2014). В статье представлены данные многолетних полевых исследований коренных малочисленных народов Севера и Сибири, проживающих на территории Красноярского края. В настоящее время малочисленные коренные народы Красноярского края подвергаются серьезному влиянию модернизации и глобальных преобразований. Некоторые постсоветские культурные практики поддерживают формирование позитивной этнокультурной самобытности коренных народов Севера и Сибири. Музеирование культуры нганасанов подтверждает вывод о том, что таймырский неошаманизм значительно отличается от шаманизма архаичных и традиционных культур. Музеи культурного наследия нганасан указывают на то, что культура оказывает сильное влияние на современные рыночные механизмы. Так же говорится, что шаманизм уже не типичен для нганасанов. В статье Tariq Zaman «Mobile technologies for preservation of indigenous knowledge in rural communities» (Мобильные технологии для сохранения знаний коренных народов в сельских районах, 2016) изучили возможности мобильных технологий в трех сельских общинах, содействуя сохранению знаний коренных народов. Авторы размышляют и признают тот факт, что представление знаний коренных народов будет трансформироваться в процессе оцифровки в рамках ограничений и возможностей инструментов и считают, что продолжение местных ассигнований и совместное проектирование инструментов приведет к интегрированному, интуитивно понятному процессу сохранения знаний коренных народов в местных сообществах. Статья Копцевой Н. П. «Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия». Ставится проблема исследования специфических постсоветских практик сохранения уникального культурного наследия коренных малочисленных народов. Рассматриваются правовые механизмы, информационные культурные практики, художественные культурные практики. Высказывается предположение о том, что современные практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири генетически связаны с советской культурной политикой. По-прежнему ключевая роль принадлежит государственному регулированию, которое осуществляется не столько посредством правотворчества, сколько посредством деятельности исполнительных органов власти в субъектах Российской Федерации. Основной метод — полевые исследования в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока под руководством автора в 2010—2013 гг. Важными методами выступают опрос и анкетирование, обработка результатов анкетирования, фокус-группы, экспертные интервью. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы, содержание элементы научной новизны: 1. В Республике Бурятия меры государственной поддержки этнокультурных идентичностей коренных ма-

лочисленных народов с помощью правовых механизмов носят «вторичный» по отношению к федеральному законодательству характер. Республика не имеет собственного уникального регионального законодательства, связанного с сохранением уникального культурного наследия коренных народов, мерами государственной поддержки родных языков этих народов. Однако данная ситуация означает, что поддержка процессов этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов в этом субъекте Российской Федерации осуществляется с помощью других механизмов, которые, видимо, не особенно нуждаются в специальных правовых гарантиях.

2. Для государственной политики по поддержке этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов в Республике Бурятия характерны специфические постсоветские практики, связанные с тем, что исполнительный орган государственной власти — Министерство культуры — берет на себя организацию, координирование, бюджетное финансирование ряда мероприятий, истоки проведения которых коренятся в советской культурной политике. Это календарные национальные праздники, поддержка народного творчества, художественной самодеятельности. Сложно сказать, какими были бы процессы этнокультурной идентичности без данных активных действий государства. Можно предположить, что процессы ассимиляции, которые фиксируют демографы, были бы гораздо более интенсивными, чем в настоящее время.

3. Государственная языковая политика в Республике Бурятия по отношению к родным языкам коренных народов также связана не с правотворчеством, а с поддержкой существующих педагогических и информационных практик по преподаванию родных языков в школах, а также по функционированию информационных ресурсов на эвенкийском языке. Сойотский язык находится в более сложной ситуации, чем эвенкийский. Очевидно, что культурное наследие сойотов нуждается в более интенсивной государственной защите, чем в настоящее время.

Статья Резникова К. В. «Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона». В статье анализируются материалы полевых исследований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Красноярского края (2010–2014). Ученые, аспиранты, студенты исследовали языковую ситуацию коренных малочисленных народов Красноярского края — долган, ненцев, селькупов, есейских якутов. В настоящее время все коренные исследования подтверждают, что восстановление языков коренных народов — это главное условие сохранения их уникальной культуры. Однако современные языковые процессы коренных народов Красноярского края не имеют одинаковой направленности. Эти процессы различаются у разных этнокультурных групп. В поселке Хатана (Таймыр) местные долганы практически не говорят на родном языке. В средних школах он изучается по типу иностранного языка. Наоборот, ненцы имеют проблему

изучения русского языка, чтобы их дети могли получить полноценное среднее образование. Сохранение языка имеет также экономическую основу — сохранение традиционных способов хозяйствования, в том числе домашнего оленеводства.

В статье Копцевой Н. П. «Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири» предметом исследования являются коренные малочисленные народы Центральной Сибири. Современные практики, которые осуществляют различные социальные субъекты для сохранения и развития уникальных социальных и культурных институтов коренных малочисленных народов, также исследуются по поводу их эффективности или незначительности для сохранения социальных институтов коренных народов Центральной Сибири. Полевые исследования с 2010—2013 гг. учеными СФУ, Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева и других университетов. Дана отрицательная оценка постсоветским практикам сохранения традиционных социальных институтов коренных малочисленных народов Центральной Сибири на современном этапе. В статье Копцевой Н. П. «К вопросу о государственной политике в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера». приводится оценка состояния сохранения языков коренных народов Севера в Красноярском крае. Приводит классификацию языков ЮНЕСКО:

1) «неустойчивые» языки, для которых характерно то, что большее количество детей данной этнокультурной группы говорят на этом языке, однако сам язык используется лишь в ограниченных сферах жизнедеятельности этноса;

2) языки, «находящиеся в опасности», где дети данной этнокультурной группы перестали изучать язык как свой родной;

3) языки, «находящиеся в серьёзной опасности» (их в качестве разговорного используют исключительно старшие поколения);

4) языки, переживающие критическое положение (на них разговаривают только пожилые люди);

5) языки, которые вот-вот полностью исчезнут.

Далее следуют полевые исследования коренных народов Красноярского края в течение 2010—2013 гг. опираясь на классификацию ЮНЕСКО приходит к выводу о том, что под угрозой процесса исчезновения находятся языки кетов, нганасан, чулымцев, селькупов. Сравнивается ситуация с Канадой. Рассказывается об опыте по сохранению языка аборигенов. Там нормативно-правовые акты канадского государства гарантируют право использовать свои родные языки. Языки коренных народов должны быть языками внутрисемейных и межсемейных коммуникаций. Языки должны использоваться в социальных внутриобщинных коммуникациях. Обучение родному языку является базовой образовательной практикой в школах.

Границы использования языков аборигенов постоянно расширяется за счет включения в сферу действия этих языков новых видов социальных коммуникаций. Тем самым коренные народы Канады имеют ярко выраженную мотивацию к соответствующей этнокультурной идентичности, ядром которой выступает владением родным языком. В заключении автор пишет о необходимости принятия региональных нормативно-правовых актов и законов, регулирующие сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов, которые дают государственную гарантию права использовать в социальных коммуникациях родные языки. В статье Rohaty Mohd. Majzub « Perceptions of students and lecturers on the preservation of endangered languages» (Восприятие студентов и преподавателей по сохранению языков, находящихся под угрозой исчезновения) говорится об отношении студентов преподавателей к проблеме исчезновения коренных языков в Малайзии. Несмотря на программу «Vision 2020» написанной экс-премьером Малайзии для поддержки коренного языка, отмечается спад. Приводятся причины резкого снижения знания коренного языка, например, в сети Интернет никто не общается на этом языке, а только на официально признанным государством, нет учебных программ по коренным языкам и т. д. Исследование проводилось с помощью опроса, где были заданы 3 вопроса, а после ответы были сгруппированы:

а) Согласны ли вы с утверждением о том, что исчезающие языки меньшинств в Малайзии должны быть сохранены? Если да, то почему?

б) Каковы препятствия для сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения?

с) Какие стратегии вы рекомендуете защищать и улучшать сохранение языка, находящегося под угрозой исчезновения?

Обработка ответов дала следующие результаты:

На первый вопрос большинство ответило так: Сохранение своей культуры, религии и языка; практикуют инклюзивность, что означает уважение и принятие всех этнических групп и их уникальность. На второй вопрос большинство респондентов дали такие ответы: Незнание или отсутствие знаний о группах коренных народов «Роль языков, находящихся под угрозой исчезновения, не может быть полностью понята»; Отсутствие вклада от групп коренных народов «Группы коренных народов отделены от основных групп в основной деятельности. Жизнь и уединение в домах. Они кажутся ограничительными в своих мыслях и взаимодействуют с мейнстримом». На третий вопрос ответы следующие: «Сохранение языка живым требует тысяч ораторов, поэтому нам нужно активное вмешательство. Правительству следует продолжать выделять адекватный бюджет для этих групп»; «Чтобы сохранить культурное наследие, правительство должно защищать языки, находящиеся под угрозой исчезновения. Более того, во всем мире существуют образовательные программы для родного языка

для защиты исконных языков». В заключении вывод о том, что большинство малайзийских студентов и преподавателей поддерживают идею сохранения коренного языка. Предлагается малайзийским школам разработать учебную программу для изучения языка. Выводы также указывают на необходимость дальнейшей оценки успешных проектов по сохранению находящихся под угрозой исчезновения языков во всем мире. Используя YouTube как платформу, исследователи, ученые и сообщества теперь могут более эффективно сотрудничать в деле поощрения языковой активизации. Языки, находящиеся под угрозой исчезновения, которые, возможно, никогда не были услышаны за пределами отдаленной деревни, теперь можно охватить глобальную аудиторию.

Результаты исследования. Благодаря изучению статей по данной проблеме, можно обобщить полученные результаты. Сохранение культуры коренных малочисленных народов является главной целью государства. На сегодняшний день продолжаются исследования по сохранению культуры коренного народа. Результаты государственных методов по сохранению культуры не приносят положительного эффекта. Молодежь коренного населения предпочитает уезжать в более комфортабельные условия, все знания об их культуре знает только старшая группа населения, молодая часть населения не заинтересована в этом.

Дискуссия. Коренным малочисленным народам не хватает грамотной поддержки для сохранения культуры и популяризации их культуры среди остального населения страны. Несмотря на принятие нормативно-правовых актов, законов продолжают стремительно утрачиваться культурные знания.

Выводы. Для сохранения культуры коренного населения чаще всего применяется музеевание, но, по сравнению с ростом развития новых технологий, это не дает положительного эффекта. Надо находить новые методы по сохранению культуры, например, то же самое применение новых технологий для популяризации культур КМН по стране. Благодаря этому методу культура народа получит новую жизнь в сетевом пространстве, что может заинтересовать молодую часть населения. Сегодняшней поддержки, к сожалению, недостаточно. Также для возрождения культуры необходима сама инициатива коренного народа.

Литература

1. Koptseva N.P., Kirko V.I. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of the indigenous peoples of the North and Siberia in the Russian. *Life Sci J*, 2014, 11 (7), 180–185.
2. Zaman T. Mobile technologies for preservation of indigenous knowledge in rural communities. <https://ieeexplore.ieee.org/document/6637561/>
3. Копцева Н. П. Влияние современных культурных практик на этниче-

скую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21680539>

4. Копцева Н. П. К вопросу о государственной политике в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера. — Режим доступа: https://narfu.ru/upload/iblock/e73/4-_koptseva.pdf

5. Копцева Н. П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_10989.html

6. Резникова К. В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-traditsionnyh-yazykov-korenyh-malochislennyh-narodov-kak-obespechenie-osnovy-kulturnogo-raznoobraziya-regiona>

7. Rohaty Mohd. Majzub. Perceptions of students and lecturers on the preservation of endangered languages. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042811005301>

Миграционная политика в контексте перспективного развития России

Вейлерт Наталья Владимировна,

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета,

Грязнухина Татьяна Владимировна,

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, кандидат исторических наук

Миграционные процессы являются очень важной частью государственной жизни России. Так, по данным ООН доля мигрантов среди экономически активного населения России составляет около 10% [1], но важно отметить и то, что при увеличивающихся темпах прироста населения за счет миграции эта цифра к 2025 году, вероятно, увеличится в два раза, особенно в экономических центрах. Неизбежным при этом является усиление изменений в социокультурном составе страны. Если до 1991 года большую часть миграций составляли внутренние миграционные процессы, то после распада Советского Союза усилились потоки иноязычного и инокультурного состава мигрантов. Миграционные потоки позволяют России поддерживать численность населения в довольно сложной демографической ситуации, сложившейся на всей территории страны. В связи с исчезновением государственного контроля, на территории Российской Федерации усилились внутренние миграции населения в центральные районы страны, что приводит к уменьшению населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Сокращение численности населения на приграничных областях, например, вдоль границы России и Китая, представляет не только демографическую, но и политическую проблему, являясь угрозой внешней безопасности. В опубликованной в 2012 году Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года указаны следующие риски, связанные с миграционными процессами:

☒ Мигранты новых поколений, прибывающие в Российскую Федерацию из государств-участников Содружества Независимых Государств, по сравнению с их предшественниками, обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессиональной и квалификационной подготовки. ☒ Сложности с получением гражданского статуса Российской Федерации мигрантов приводят к тому, что иностранные граждане находятся в изоляции от коренного социума местности, в котором, в свою оче-

редь, нарастает неприязненное настроение по отношению к мигрантам вплоть до ксенофобии [2]. Помимо этих, официально признанных рисков, можно выделить еще несколько угроз, которые несут миграционные процессы для российского общества: ☒ Неблагополучное экономическое и санитарное положение в странах, поставляющих мигрантов. ☒ Формирование национальных общин (особенно в Сибирских регионах и на Дальнем Востоке, а также Северном Кавказе). Основная угроза этих диаспор состоит в их сосуществовании с, так называемым, западным дрейфом внутренней миграции населения. Западный дрейф вызывает отток коренного населения в центральные, европейские регионы (например, в Москву, Санкт-Петербург) [3], где наиболее развит частный сектор экономики, а также существуют налаженные связи со странами Европы и СНГ. Для пресечения этой угрозы государство предполагает стимулировать миграцию, особенно в пограничные районы Сибири и Дальнего Востока, русских, оставшихся на территории бывшего СССР, после распада Советского Союза [4]. В. Т. Сакаев выделяет угрозу роста преступности, в связи с расширением и усилением влияния преступных организаций, основанных на этническом признаке [5]. Но также стоит отметить экономическую опасность миграции, поскольку из-за недостаточной проработки миграционного законодательства, Россия может слишком широко открыть границы, что может привести к самым неблагоприятным последствиям. ☒ Происходит изменение этнического состава России и субъектов Российской Федерации. Так, например, вследствие активной миграции 1990-х гг., на территории России сформировались крупные этнические объединения армян, азербайджанцев, корейцев, турок, китайцев [5]. В некоторых регионах в связи с наличием таких диаспор нарушается этнический баланс, что отражается на качестве жизни и ощущении безопасности коренного населения, а также ведет к различным конфликтам на национальной почве. ☒ Под влиянием миграционных процессов происходит смена конфессионального состава населения, увеличение доли мусульман в населении Российской Федерации. Так же создается благоприятная почва для развития терроризма, политического и религиозного экстремизма. Мигранты, не получающие достаточного уровня помощи в адаптации к аборигенной среде, становятся податливыми и внушаемыми по отношению к идеям экстремистского толка. ☒ Наличие нелегальных мигрантов так же способствует развитию, так называемой, теневой экономики. Бедность таких мигрантов, вызывает общее снижение уровня жизни, увеличение количество беспризорных детей. ☒ Увеличение числа трудовых мигрантов вызывает социальное напряжение, поскольку более требовательное коренное население не получает рабочих мест, а социальная структура региона получает дополнительную нагрузку в связи с переездом семьи мигранта и необходимостью обеспечивать ей должный уровень жизни. ☒ Формирование этнических объединений, жи-

вущих по собственным внутренним правилам и обладающим отличной от российской самоидентификацией ведет к усилению ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости.

Все вышеперечисленное может привести к изменению вектора формирования общероссийской идентичности, что прежде всего связано с уменьшением числа людей русского этноса, являющегося системообразующим для России в целом. Параллельно могут произойти и изменения в политической структуре Российской Федерации, так как предпочтения мигрантов и их потомков, проживающих на территории России, будут несомненно влиять на нее. Интересным государственным мероприятием является Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [6]. Оставаясь в рамках заботы о соотечественниках, этот проект позволяет несколько улучшить общую демографическую ситуацию внутри России. При первом оглашении Государственной программы, она воспринималась как достаточно либеральная мера, поскольку предоставляла получение гражданства и возможности проживания на территории Российской Федерации большому количеству лиц (граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации; лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получивших гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства; потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств). Таким образом, программа Соотечественники нацелена на восполнение демографических убытков, обеспечивая приток в страну лиц, уже владеющих культурой и языком Российской Федерации. Важно также отметить, что расселение

соотечественников проводится в соответствии с политическими (приграничные регионы) и экономическими интересами страны. В упоминаемой выше Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года также намечаются и конкретные вехи демографического развития России: к 2025 году население Российской Федерации должно достигнуть 145 миллионов человек [2], что невозможно без привлечения обширных миграционных потоков. Несмотря на серьезные риски, которые несут миграционные процессы как для социальной, так для политической и экономической сфер государственной жизни, миграция является необходимым явлением, обеспечивающим сохранение численности населения Российской Федерации. При грамотном урегулировании

процессов миграции, сочетающем в себе не только приемлемую с политической точки зрения стратегию, но и учитывающем экономические интересы страны, Россия имеет все шансы значительно улучшить свое экономическое положение и общий уровень жизни, как коренного населения, так и иностранного. Но для этого необходимо учитывать последствия миграции, а также важно определить ее границы и допустимые пределы, которые не принесут вред Российской Федерации, а обогатят ее новыми ресурсами.

Литература

1. Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. — 2010. — 12 С.
2. Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Президент России. — 2012. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>
3. Мкртчян Н. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции [Электронный ресурс] / Н. Мкртчян // Отечественные записки. — 2004. — №4 (19). — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadnyu-dreyfvnutrirossiyskoj-migracii>
4. Метелев И. С. Геополитические последствия современных миграционных процессов в Сибири и на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.sworld.com.ua/konfer26/262.pdf>
5. Сакаев В. Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски [Текст] / В. Т. Сакаев // Ученые записки Казанского университета. — 2013. — Том 155, кн. 1. — С. 214—221.
6. Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. №637 [Электронный ресурс] // Президент России. — 2006. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/23937>

Проблемы адаптации коренных народов Южной Сибири к городским условиям

*Тиникова Елена Евгеньевна,
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории*

Российская историческая урбанистика сегодня является весьма популярным направлением в социально-гуманитарных науках и находится на стадии институционализации. Об этом свидетельствует рост количества публикаций по данной тематике, а также число проводимых научных конференций, посвященных истории российского города. Одним из перспективных направлений современной урбанистики можно считать изучение проблемы социальной адаптации сельских мигрантов к городской среде.

Для Южной Сибири с учетом ее национальной специфики проблема социальной адаптации сельских мигрантов к городским условиям через изучение адаптационных процессов коренного тюркского населения является особо значимой.

После распада СССР изменились характер и вектор соотношения городского и сельского населения. Начиная с 1991 года городское население стало сокращаться. Происходило это не только за счет снижения естественно-го прироста городского населения и «административной рураризации» (то есть сокращение сети поселков городского типа в пользу статуса «сельских населенных пунктов»), но в том числе из-за обратного оттока населения в сельскую местность. Только за 1991—1992 годы в село из города мигрировало около 120 тысяч человек. Оставшиеся же в городах многие недавние городские жители (в первом или втором поколении) с целью адаптации к новым социально-экономическим реалиям, стали комбинировать возможности города и деревни. Начался феномен «дачеизации». И если в период благополучных 2000-х годов данная тенденция в регионах пошла на спад, то в условиях нового экономического кризиса многие горожане вновь стали использовать свои дачи в качестве сельскохозяйственных земель.

Во многом данные процессы обусловлены особенностями советской модели урбанизации, а именно ее ускоренными темпами. Когда в результате интенсивного индустриального освоения страны во второй половине XX века в городские поселения хлынул миграционный поток из села. Однако

за небольшой период (всего несколько десятилетий) новые городские жители не успели адаптировать к новым городским реалиям, полностью вписаться в социокультурное пространство города. Но если для восточнославянских народов, проживающих на территории Южной Сибири, адаптация проходила спокойнее, то для тюркоязычных народов она сопровождалась необходимостью преодоления дополнительных барьеров, прежде всего, языкового.

В результате уровень урбанизации коренного городского населения в национальных республиках Южной Сибири сегодня сравнительно не высок. В Хакасии, например, согласно Всероссийской переписи 2010 года лишь чуть больше 38% хакасов проживало в городских поселениях республики, в Горном Алтае всего около четверти алтайцев являются городскими жителями. Для тувинцев также характерна малая территориальная мобильность: согласно проведенному в 2014 году социологическому опросу 70% горожан-тувинцев проживали в течение жизни в одном городе, 24% — в двух городах и лишь 6% сменили более двух городов в качестве места жительства [2, с. 856].

Для определения роли этнического фактора (различия между группами городского населения в языке, материальной и духовной культуре, быте, привычках и навыках) как ключевого для адаптации к новому месту жительства и новым занятиям необходимо учитывать современные тренды в развитии городской и сельской среды, а также особенности социально-демографического развития изучаемых этносов.

Дело в том, что сегодня уже достаточно сложно провести четкую границу между городом и селом: «сельская» среда уже не является типично сельской. Особенно если речь идет о крупных селах или расположенных близко с городскими поселениями. Жители таких сел часто бывают в городе, а зачастую работают там.

Проведенные среди тувинцев и хакасов социологические опросы свидетельствуют о том, что сельское коренное население республик Южной Сибири имеет достаточно широкую и объективную информацию о городском образе жизни. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, многие респонденты имеют опыт проживания в городе в период получения среднего специального или высшего профессионального образования. Во-вторых, значительная часть респондентов (60% опрошенных в селе тувинцев [2, С. 58]) работали или сейчас работают в городе. В-третьих, миграции в города привели к тому, что подавляющее большинство респондентов в сельской местности имеют близких родственников в городах (98,2% опрошенных в селе хакасов [3, с. 22]). Контакты же с городскими родственниками и друзьями способствуют распространению урбанистических форм культуры в сельской местности.

Поэтому сельский образ жизни во многом утрачивает свои традици-

онные характеристики. Однако исследователи отмечают следующие сохранившиеся его особенности: ограниченность в выборе формы досуга, культурной деятельности, отсутствие развитой рыночной инфраструктуры, ведение личных подсобных хозяйств, преобладание среди населения людей пенсионного возраста, занятость населения преимущественно в аграрном секторе [4, с. 412].

Урбанизационные процессы среди коренного населения Южной Сибири способствуют резкому учащению разного рода контактов тюркских народов с окружающим населением, что влечет за собой перманентную межэтническую интеграцию и ассимиляцию. Данные тренды не могут не сказаться на проблеме этнической идентичности этих народов, особенно если речь идет о метисах, рожденных в смешанных браках.

Учеными установлено, что в условиях изменяющегося общества, трансформации привычного уклада жизни несколько изменяется функциональная составляющая этничности, которая начинает защищать индивида от общих катаклизмов и помогает ему в этом адаптационном процессе, облегчает интеграцию в новых условиях с помощью этнической самоорганизации [2, с. 120].

Следует отметить тот факт, что многие тюрки Южной Сибири помимо этнокультурных проблем адаптации к городской среде сталкиваются с еще одной трудностью — их внешнее отличие от основной массы горожан европейской внешности. З. В. Анайбан, С. П. Тюхтенева полагают, что именно внешний облик делает межгрупповую дистанцию более значимой, чем весь остальной набор культурных и политических характеристик [2, с. 120].

Под руководством З. В. Анайбан еще в 2006 году был проведен этносоциологический опрос среди жителей Южной Сибири, результаты которого оказались весьма любопытными. Так, в Туве взаимосвязь и взаимозависимость таких показателей как важность этнической принадлежности и оценка жизни у всех жителей Тувы вне зависимости от национальной принадлежности выражена одинаково в равной степени, в то время как в Хакасии эта связь более четко обозначилась у представителей титульной национальности, чем у русских. Таким образом, более приспособленными к современной жизни оказались тувинцы, для которых этническая принадлежность не представляет особой значимости.

В целом Зоя Васильевна отмечает, что «актуализированная этничность помогает русским легче приспособливаться к новой жизни, а тувинцев мобилизует на борьбу с трудностями, давая им определенную психологическую опору, что, в свою очередь, можно прогнозировать в качестве пролога их будущей адаптации» [2, с. 126–127]. Полагаем, что данное утверждение справедливо и в отношении хакасов и алтайцев.

Однако роль национального языка в социальной адаптации к городским условиям значительно отличается у хакасов, тувинцев и алтайцев.

Связано это, прежде всего, с особенностями национального состава республик Южной Сибири. В Хакасии, где численность хакасов на протяжении XX — начале XXI века колебалась в районе 12%, несмотря на юридическое признание равноправного функционирования русского и хакасского языков в качестве государственных, хакасский язык так и не стал повсеместно использоваться. Хакасский язык сегодня занесен в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО. Неуклонно сокращается число хакасов, говорящих на родном языке. По данным же современных социолингвистических исследований, язык своей национальности считают родным 80% хакасов (среди молодежи 20 — 24 лет — 56%), но совершенно свободно владеют родным языком менее половины хакасов (42%), причем преимущественно проживающих в сельской местности. Пятая часть говорит на хакасском языке с большими затруднениями, каждый десятый вообще не говорит на нем. Как средство общения в семье хакасский язык используют около 5% хакасов, 67% разговаривают на хакасском и русском, остальные только на русском. В производственной сфере почти во всех возрастных и социально-профессиональных группах основным языком общения является русский язык [5, с. 64].

Противоположная языковая ситуация наблюдается сегодня в Туве, где численность тувинцев существенно превалирует и составляет более двух третей населения республики. Здесь родным языком владеют 98,6% тувинцев, на русском же языке думают и свободно говорят — всего 53%. По результатам опроса, проведенного под руководством З. В. Анайбан, 97% городских тувинцев разговаривают дома на родном языке и лишь 3% используют в семейно-бытовом общении в равной степени оба языка [2, с. 56]. Естественно, именно языковой барьер в Туве дополнительно осложняет адаптацию тувинцев к городской среде. Похожая ситуация сложилась на Алтае, здесь около 86% алтайцев указывают родным алтайский язык, в городе Горно-Алтайске этот показатель ниже — 77,6% [6, с. 21].

Следует отметить, что изучение адаптации коренных народов Южной Сибири к городским условиям может стать актуальной темой отдельного междисциплинарного исследования. Разработка региональной модели адаптационных процессов в городских поселениях Южной Сибири среди коренного населения на обширном фактическом материале позволит не только решить ряд теоретических проблем, связанных с оценкой современной российской модели урбанизации, но в том числе по-новому взглянуть на социальные проблемы современного периферийного города.

Литература

1. Хольшина М. А., Брюханцева О. А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. №23. С. 855–857.

2. Анайбан З. В., Тюхтенева С. П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008. 217 с.
3. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан, 2011. 252 с.
4. Ефимова А. А. Образ жизни сельского жителя // Молодой ученый. 2015. №20. С. 411–414.
5. Грошева Г. В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX — начало XXI века) // Вестник Томского государственного университета. 2007. №303. С. 61–68.
6. Национальный состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. Горно-Алтайск, 2005.

**Часть 2. Социокультурная
адаптация и интеграция
мигрантов как фактор
современной этнической
мобильности**

«Этнические» рынки в г. Иркутске: взаимосвязь повседневных практик, властной риторики и медийных образов

Брызгина Диана Евгеньевна,

Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)

Одной из характерных черт жизни современных сибирских городов являются «этнические» рынки, которые формировались вследствие притока мигрантов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. В частности, для Иркутска рынки стали ключевым важнейшим механизмом выживания населения в период экономического спада, элементом инфраструктуры, определяющим пространственную организацию города, местом взаимодействия горожан с мигрантами и т. д. [1, с. 105]. Вокруг рынков складывались обширные экономические и социальные сети, транспортные потоки и системы снабжения, в результате чего они быстро стали ключевым элементом социальной и экономической жизни города.

Комплексность и значимость «этнических» рынков определили не только возможности развития, но и массу проблем для города, которые до сих пор задают повестку дня для муниципальной власти и активно обсуждаются в местных и региональных медиа. В связи с этим впервые предлагается подход к изучению «этнических» рынков с позиции регулирования городского развития. Изучение того, каким образом местные власти видят «этнические» рынки, как формируется их позиция, как она соотносится с представлениями жителей города, медийной репрезентацией и городскими реалиями позволяет выявить степень эффективности воздействия муниципальной власти на процессы трансформации городской среды, особенности и характер взаимодействия городской администрации с местным сообществом на примере «этнических» рынков, а также воздействие медийной репрезентации и властной риторики на пространственное развитие города.

Исследование основано на анализе материалов полевых наблюдений за рынками, интервью с горожанами, проведенными в 2015–2017 гг., а также на анализе содержания медийных публикаций (информационных агентств), посвященных «этническим» рынкам г. Иркутска.

В 1989 — начале 1990-х гг. с ослаблением советского режима и с последующим распадом СССР активизируются миграционные процессы, в результате чего Иркутск столкнулся с наплывом китайских мигрантов, основной деятельностью которых была торговля «с рук» — торговцы концентрировались в самой проходимой и людной части города. Рынок получил народное название — «Шанхай», «Шанхайка». Новый культурный и социальный феномен привлекал внимание горожан, интерес которых усиливался тяжелым экономическим положением, в условиях которого китайская торговля стала ключевым механизмом экономического выживания населения (дешевые товары, широкий ассортимент и т.д.).

Длительное время рынок развивался и жил по собственным законам, пока не привлек внимание городской администрации, которая в середине 1990-х гг. начинает активно вводить меры по урегулированию стихийной торговли. В рамках этой деятельности городские власти оборудовали территорию для торговцев, на которой формировалась своя структура. Затем уличная торговля превратилась в контейнерную. В последствии рынок получил статус муниципального учреждения, что закрепило за администрацией право сдавать торговые места в аренду на свое усмотрение.

В этот период основными функциями «Шанхайки» выступали, прежде всего, снабжение населения товарами, обеспечение занятости (как мигрантов, так и местного населения), мелкооптовая торговля (за покупками приезжали из других городов Иркутской области и других рынков города, в результате чего сложилась сеть «этнических» рынков), источник доходов в местный бюджет (аренда прилавков), притяжение мигрантов (из ближнего и дальнего зарубежья). Впоследствии, «Шанхайка» превратилась в полиэтничное пространство. «Китайская» торговля по-прежнему доминирует в его деятельности, однако, ассортимент товаров расширяется за счет появления «некитайского» сегмента. В связи с ростом миграционных потоков из Центральной Азии, на рынке формируется и развивается киргизская торговля, представленная «Бишкекскими рядами», из которых со временем вырос торговый центр. Более того, в деятельность рынка активно вовлечены и другие этнические группы, а также местное сообщество не только в качестве посетителей, но и работников рынка.

Важным аспектом функционирования «китайского» рынка в городе являются меры по его ликвидации, которые реализуются практически с начала его существования. Многочисленные попытки свернуть торговлю в центре города и расчистить пространство не были успешными. В результате них часть торговли была перенесена на периферию города — появился «Китай-Город», а «Шанхайка» и другие «этнические» рынки трансформировались в торговые центры.

Таким образом, рынки из нового, экзотического феномена превратились в элемент городской жизни и пространства, органично встроенный

в него и выполняющий ряд важнейших функций.

Значение рынков для города определяется рядом параметров: влиянием на пространственную организацию (рынки являются не только торговой инфраструктурой, определяющей функциональное развитие территорий, но и центром транспортной системы города); особенности социальных отношений (рынки обеспечивают регулярное взаимодействие горожан с иноэтничными мигрантами, определяют характер социальных контактов в процессе эксплуатации рынка, освоения его пространства); символическое значение (формирование представлений о мигрантах, городском пространстве, стереотипизация образов, связанных с рынками). С последним связана особая роль «этнических» рынков в процессе коммуникации как горожан с городом, так и с городской администрацией, так как образы и представления о рынках становятся важным элементом (1) представлений горожан о рынках и (2) управленческой картины города, которая лежит в основе деятельности власти по его преобразованию.

Важнейшим инструментом конструирования этих образов в современном обществе являются масс-медиа. Их особое значение в этом процессе отмечается рядом исследователей, которые утверждают, что медийные образы следует рассматривать как важный элемент политического процесса, так как именно на их основе формируются представления власти о преобразуемой реальности. Западные исследователи, анализируя влияние СМИ на политический процесс, выделяют следующие подходы, характеризующие воздействие масс-медиа на политику: роль СМИ как средства влияния на граждан (П. Бурдые), альтернативный подход — СМИ рассматриваются как транслятор интересов человека (П. Лазарсфельд) [2, с. 138].

Анализ материалов региональных электронных медиа демонстрирует, что все торговые локальности города, присутствующие в медийном дискурсе, в целом, имеют сходные черты, среди которых можно выделить несколько ключевых:

— **Иноэтничность и концентрация мигрантов, лежащие в основе существования и функционирования рынков.** В подавляющем большинстве медийных сюжетов «этнические» рынки описаны как места, обеспечивающие занятость мигрантов из КНР и Средней Азии, деятельность которых рассматривается как основное содержание функционирования рынков. Несмотря на то, что подобный ракурс имел под собой основания (поскольку появление феномена «этнических» рынков в жизни Иркутска является следствием притока мигрантов и развития челночной торговли), в настоящее время ситуация на рынках существенно изменилась. Рынки, маркируемые в СМИ как «китайские», уже давно изменили свое внутреннее содержание, утратив те элементы, за которые они получили особый «этнический» статус, так как состав работников рынков представлен не только мигрантами, но и местными жителями. Однако их участие в качестве торговцев

не находит отражения в медиа, в результате чего, рынки в сознании горожан остаются объектами, функционирующими на «этнической» основе.

— **Закрытость и обособленность мигрантских сообществ.** Автономный характер рынков в контексте социальной жизни города подчеркивается в медийных текстах с помощью характерной лексики: «гетто», «улей», «анархическая республика», «город в городе» и т. д. Другими показателями, указывающими на замкнутость мигрантских локальностей в медиа, является описание рынков как закрытых пространств, развивающихся по собственным, непонятным внешнему наблюдателю законам, не допускающих проникновение посторонних в эту систему.

— **Нелегальность и криминализация, связанная с деятельностью рынков.** В центре внимания практически всех проанализированных медиа-источников чаще всего оказываются сюжеты о нарушениях различных отраслей законодательства, сопровождающих функционирование рынков. Регулярно фиксируются практики несанкционированной торговли, несоблюдение технических требований и правил безопасности, теневая занятость торговцев и случаи ограбления покупателей на рынках. Все эти проблемы упоминаются в тесной взаимосвязи с проблемой нелегальной миграции, которая рассматривается в качестве одной из ключевых причин неконтролируемого характера рыночных локальностей. Об этом свидетельствует регулярное появление в СМИ сообщений о поимке нелегальных мигрантов, занятых в деятельности рынка.

— **Деструктивное влияние на развитие города с точки зрения как внешнего облика, так и внутригородской организации.** В публичных заявлениях представителей городской администрации неоднократно заявляется о том, что «этнический» рынок портит визуальное восприятие города своим неприглядным видом; отличается устаревшей, «архаичной» организацией, нарушающей внутреннюю структуру города. В связи с чем, рынок описывается как «клубок проблем» пространственного, социально-политического и экономического характера, создающий «головную боль для местной власти».

Анализируя место «этнических» рынков в символическом пространстве, следует обратить внимание, прежде всего на то, что медиа сохраняют укоренившееся в сознании иркутян первоначальное содержание понятия «этнических» рынков. Его основу, по большей части, составляют отрицательные черты, которые, благодаря медиа, стереотипизируются и оказывают соответствующее влияние на отношение местных сообществ к рынкам. «Этничность» локальностей подкрепляется не только медийными описаниями, но и визуальной репрезентацией: дизайн зданий и вывесок, наименования рынков, сочетание цветов и т. д. Столь яркая демонстрация статуса рынков подчеркивает их уникальность относительно других городских объектов, выделяя их из пространства города. Это способствует тому,

что их иноэтничность трансформируется в образ «чужого», вызывая реакцию отторжения у горожан. В результате образы рынков, транслируемые средствами массовой информации, способствуют исключению территории исторического центра города, где располагается «Шанхайка», из жизни общества и, вследствие этого, порождают ситуацию оспаривания пространства. Для власти это становится причиной и поводом для принятия решения о необходимости устранить «этнические» рынки из жизни Иркутска и реализации мер по ликвидации/переносу рынка на окраину города.

Тем не менее, выделение рынков из пространства города, основанное на репрезентации их «этнического» статуса, в совокупности с риторикой, подчеркивающей нелегальный характер рыночных локальностей и противоречивое воздействие на пространственное развитие города, усиливает негативные представления о рынках. Эти представления, в свою очередь, определяют характер властных практик, регулирующих деятельность «этнических» рынков в городе.

Значение «этнических» рынков в реалиях Иркутска тесно связано с представлениями о консолидации мигрантов в единую общность, обеспечивающей их функционирование. Это обуславливает символическое обособление рыночных локальностей от городского сообщества, которое, в свою очередь, определяет специфику деятельности, образ жизни мигрантов, а также практики их взаимодействия с горожанами. Однако восприятие рынков в качестве исключенного и, как следствие, оспариваемого пространства противоречит самой природе рынков, основу существования которых составляет интеракция мигрантов с принимающим сообществом в процессе экономического обмена. Таким образом, «этнические» рынки, вопреки складывающимся в медиа образам, являются местом взаимного узнавания и привыкания, обеспечивающим инклюзию мигрантов в жизнь местного сообщества. В этом отношении мероприятия власти по ликвидации рынков оказываются направлены на упразднение не просто одной из ключевых инфраструктур города, но и важного механизма адаптации мигрантов к принимающей среде.

Литература

1. Дятлов В. И. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 103–119.
2. Чубик А. П. Реальность в средствах массовой информации / А. П. Чубик // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. №6. С. 136–139.

Мессенджер «WeChat» во взаимодействии университета со студентами из КНР

*Елохина Юлия Валерьевна,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск)*

WeChat (微信 Wēixìn, «Вичат»), китайский аналог популярных мессенджеров, был запущен компанией Tencent в 2011 году. С помощью данного приложения пользователи могут общаться посредством текстовых и звуковых сообщений, делать бесплатные звонки и видео-звонки, оплачивать свои повседневные расходы, делать денежные переводы другим пользователям, публиковать фотографии и с помощью специальной функции общаться с людьми, которые находятся поблизости от пользователя. Как заявляется на сайте компании разработчика, приложение WeChat «улучшает жизнь для сотен миллионов пользователей», поскольку совмещает набор самых разнообразных функций, формируя новый «мобильный цифровой стиль жизни». [1]

Отметим, что «WeChat» активно используется гражданами КНР не только в пределах своей страны. Китайцы, приезжающие в другие государства с целью учебы, работы или путешествий, активно пользуются мессенджером во время своего пребывания за границей. При этом, как отмечает ряд исследователей, использование «Вичата» позволяет гражданам Китая не только сохранять устойчивые связи с соотечественниками, оставшимися на Родине, но и активно взаимодействовать с соотечественниками, находящимися за границей. [2]

Пожалуй, одними из первых (наряду с представителями туристической отрасли) практическую пользу от мессенджера «WeChat» оценили сотрудники международных служб вузов. В отличие от ряда социальных сетей «Вичат» предоставляет пользователям некоторые функции, позволяющие формировать сообщества «здесь и сейчас».

Функция по поиску в непосредственной близости других пользователей «WeChat» оказалась по-настоящему оценена теми гражданами КНР, которые выехали за границу и столкнулись с трудной ситуацией. Представляется, что среди таких граждан много студентов, приезжающих на обучение в Россию и вынужденных встраиваться в другой социальный контекст. В этой связи поиск тех, кто знает, как адаптироваться к новому

месту пребывания, как решить те или иные бытовые или административные вопросы, занимает считанные секунды.

Эта функция представляет интерес в связи с тем, что позволяет формировать сообщества для решения тех или иных вопросов, в том числе связанных с преодолением трудностей в реальной жизни, или для быстрого оповещения. Это хорошо можно проследить на примере китайских граждан-студентов университета.

В ситуации, когда набора формальных практик не хватает для решения широкого круга вопросов, возникающих как в отношении административных, так и бытовых вопросов, возникают модели взаимодействия, которые, с одной стороны, удобны и эффективны, с другой стороны, понятны и привычны. В этой связи использование мессенджера «WeChat» китайскими студентами для выстраивания взаимодействия как с соотечественниками, так и с представителями вуза становится той моделью, которая отвечает всем названным выше критериям.

В практику международных отделов, работающих с контингентами иностранных студентов, большую долю которых составляют граждане КНР, вошла практика распространять информацию (например, о необходимости прийти в международный отдел для подачи документов на продление визы, о подаче документов на перерегистрацию и т.п.) через мессенджер «WeChat». Иные способы (объявления, передача информации через деканат или преподавателей) не работают настолько молниеносно, как размещение информации в мессенджере. «WeChat» является хорошим помощником и чтобы быстро отыскать какого-то иностранного студента, который давно не появлялся в поле зрения сотрудников международного отдела.

Коммуникация между иностранным студентом и сотрудником международного отдела не сводится только к решению административных формальностей, связанных с соблюдением миграционного режима. Через «WeChat» могут быть заданы любые иные вопросы, озвучены просьбы о помощи или совете. Китайские студенты, обучающиеся в университете не первый год, как правило, присылают звуковые сообщения, содержащие тот или иной вопрос на русском языке. Сотрудник международного отдела в ответ отправляет звуковое сообщение, содержащее ответ или просьбу пояснить вопрос, если сам вопрос был сформулирован непонятно.

Большие возможности «WeChat» открывает для международных служб вуза в поиске и наборе студентов. Через мессенджер пересылаются аппликационные формы, обсуждаются условия обучения и проживания.

Интересен и тот факт, что при приеме китайской делегации начинает возникать традиция обмениваться не только визитками с контактной информацией, но и qr-кодами аккаунта «WeChat». Необходимо отметить, что эта практика пока не вытеснила полностью практику по обме-

ну визитками. Можно предположить, что обмен визитками, из которых понятен статус человека, останется обязательной частью церемониала, в то время как менее статусные члены делегации (переводчики, секретари, помощники), непосредственно осуществляющие взаимодействие по всем вопросам, помимо визитки обязательно поинтересуются, есть ли у принимающей стороны «WeChat».

Литература

1. Вичат // Компания Tencent: официальный сайт. — <https://www.tencent.com/en-us/system.html> (дата обращения: 04.09.2018)

2. Корешкова Ю. О. «Вичат» как образ жизни: инструмент социальных связей китайских мигрантов в России / Ю. О. Корешкова // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX — XXI веках: опыт и перспективы [Текст]: материалы международной научно-практической конференции (30 ноября — 2 декабря 2017 г.) / Сиб. федер. ун-т; отв. ред. Н. П. Копцева. — Красноярск: СФУ, 2018. — С.131—138.

Динамика миграционных процессов Республики Хакасия

*Лушникова Ольга Леонидовна,
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории*

Увеличение интенсивности миграционных потоков актуализировало проблему адаптации мигрантов в новых условиях. В первую очередь мигранты сталкиваются с проблемами бытового, экономического характера. Однако более глубокими оказываются противоречия социокультурного характера, которые приводят к межнациональной напряженности в регионе. Для того чтобы выявить тенденции развития миграционных процессов в Республике Хакасия, необходимо понять, каким образом формировался национальный состав региона, какие процессы происходят сейчас, а также каковы миграционные настроения населения.

Современный национальный состав населения Хакасии сформировался под влиянием разных миграционных потоков. Условно можно выделить несколько основных потоков, пополнивших население территории Хакасско-Минусинской котловины в начале XX — начале XXI вв. *Первый поток* связан с началом индустриализации на территории Хакасии (1930—1950 гг.). Необходимость освоения природных богатств территории и создания крупных очагов промышленности стимулировала приток дополнительных трудовых ресурсов, которые пополнялись за счет прибывших из других районов страны. В этот период в основном увеличилась численность русских, украинцев, немцев (см. Табл. 1). При этом большая часть украинцев пополнила преимущественно городское население, а значительная часть немцев — сельское население.

Таблица 1.

Национальный состав населения Хакасии (по данным переписей населения) [1]

	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все население	275,5	411,4	445,8	498,4	566,8	546,0	532,4
русские	208,4	314,5	349,4	369,0	450,4	438,4	427,7
хакасы	44,7	48,5	54,7	57,3	62,9	65,4	63,7
украинцы	8,2	14,6	9,5	10,4	13,2	8,4	5,0
немцы	0,3	10,5	10,5	11,1	11,2	9,2	6,0
белорусы	1,5	3,6	3,3	3,5	н.д.	2,6	1,5
мордва	3,8	3,9	3,6	3,4	н.д.	1,8	1,1
татары	3,2	3,8	3,6	4,2	н.д.	4,0	3,1
чуваша	0,6	1,9	3,3	3,3	н.д.	2,5	1,8
киргизы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,6	1,9
шорцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1,0	1,1
тувинцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,5	0,9
азербайджанцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1,7	1,5
прочие	4,8	10,1	7,9	9,2	14,2	9,9	17,1

Национальный состав населения Хакасии (по данным переписей населения) [1]

Второй миграционный поток (1950—1960 гг.) начался в период освоения целинных и залежных земель. В это время увеличилась численность русских, чувашей, причем большая часть этих мигрантов пополнила преимущественно сельское население. Основная часть чувашей мигрировала в республику в 1950-1960-х гг. в связи с плановым решением СССР о переселении людей из густонаселенных районов европейской части в малонаселенные территории Сибири. Чуваша-переселенцы преимущественно проживают на территории Усть-Абаканского района в аале Доможаков, где составляют 80% от численности населения села.

Третий поток миграции связан со строительством объектов Саянского территориально-производственного комплекса (ТПК) (1970—1980 гг.), благодаря чему произошло увеличение численности городского населения. Увеличилась численность русских, немцев, украинцев, татар. Причем, большая часть украинцев, белорусов и татар проживала в городской местности, тогда как основная доля немцев и чувашей — в сельской местности.

Четвертый поток можно выделить лишь условно, т.к. он связан с вынужденной миграцией (1990—2000 гг.). За этот период на территории республики было зарегистрировано более 2000 вынужденных переселенцев. Наибольшее количество (42%) из Таджикистана (где шла гражданская война), а также из Грузии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана [2, С. 123].

На сегодняшний день по данным последней переписи населения на территории республики проживают представители более 100 народов и этносов. С одной стороны, можно говорить о тенденции сокращения численности немцев, украинцев, белорусов, татар и чувашей, что может быть связано как с ассимиляцией, так и возвращением на исторические родины репатриантов. С другой стороны, все более ускоренными темпами увеличивается численность киргизов, таджиков и узбеков: согласно данным Всероссийской переписи 2010 г. численность мигрантов из стран Центральной Азии увеличилась в 1,5—3 раза [3, С. 98–99, 4, С. 116–117] (по неофициальным данным эти цифры больше).

Увеличение доли мигрантов на территории Хакасии вызывает неоднозначную реакцию со стороны местного сообщества. Мониторинг по изучению миграционной ситуации и настроений местного населения (принимающего сообщества), проводимый Министерством национальной и территориальной политики Республики Хакасия, показал, что две трети респондентов (64% опрошенных) отмечают, что приезжие работают там, где они сами работать бы не стали; что благодаря мигрантам снижаются цены на продукты и другие товары (56% опрошенных); что они выполняют работу быстрее местных (56% опрошенных). Но при этом более 40% опрошенных местного населения убеждены, что мигранты создают напряженность и угрозу стабильности [5]. Результаты других социологиче-

ских исследований свидетельствуют об увеличении доли населения, считающего, что миграция является причиной обострения межнациональной напряженности: в 2013 г. — 17,9% опрошенных, в 2014 г. — 26,6%, в 2015 г. — уже 30,6% [6].

Вместе с тем такое «негативный» настрой наиболее выражено проявляется по отношению к представителям лишь некоторых народов и этносов [7, С. 18] (см. Рис. 1).

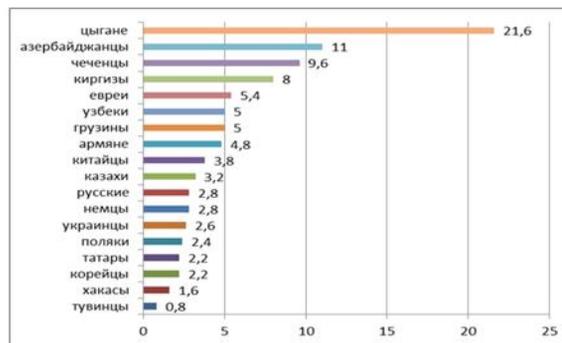

Рис. 1. Соотношение представителей народов и этносов, к которым население испытывает чувство неприязни (в % от ответивших)

Данные, представленные на рис. 1, подтверждают стойкий стереотип неприязни населения по отношению к цыганам, а также сохранившаяся в сознании людей настороженность по отношению к чеченцам (отголоски 1990-х гг.). Неприязнь к представителям стран бывшего Советского союза наиболее выражена по отношению к азербайджанцам, грузинам, армянам, киргизам, узбекам.

В целом, можно сказать, что в сознании жителей Саяно-Алтайского региона понятия «миграция» и «мигранты» наполнены отрицательными коннотациями [8, С. 221]. Такое настороженное отношение к мигрантам создает много трудностей на пути их интеграции с местным сообществом, а также усугубляет общее состояние межнациональной обстановки в республике. В этих условиях необходимо правильно выстроенная политика, направленная на формирование толерантного пространства, что обеспечит поддержание спокойной бесконфликтной обстановки в регионе и повысит уровень качества жизни мигрантов.

Литература

1. Составлено по: Численность и состав городского и сельского населения РСФСР по возрасту, состоянию в браке, национальностям, образованию и обучению. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января

1959 года. М.: Издание ЦСУ при Совете Министров ВСФСР, 1960. С. 332–333.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: «Статистика», 1973. С. 67.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Национальный состав населения СССР. Часть 1. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Книга 3. Статистический сборник. М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1989. С. 201.; Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 42–43.; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской Переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. Служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1). С. 98–99.; Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. Служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 1. С. 116–117.

2. Тугужекова В. Н. Этнические и миграционные процессы в современной Хакасии // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптивные возможности населения. М., 2007. С. 114–128.

3. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 946 с. (Итоги Всероссийской Переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. Служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1).

4. Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. Служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 1. 847 с.

5. Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2016 год // Правительство Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/otchety-i-doklady/39690/> (дата обращения: 20.02.2018)

6. Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. №2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (дата обращения: 13.04.2018.).

7. Состояние и тенденции развития межнациональных и этноконфессиональных отношений в Республике Хакасия (по материалам социологического исследования 2014 г.) / Отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2014. 134 с.

8. Евдокимов А. И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №3 (59).

2016. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9071> (дата обращения: 13.04.2018.).

Миграционная политика Португалии по интеграции иммигрантов

*Попова Юлия Владимировна,
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального
университета*

На протяжении большей части истории Португалии в стране фиксировалось преобладание эмиграции. До конца XX в. число иммигрантов, проживающих в Португалии, оставалось относительно низким и в основном было обусловлено колониальным прошлым страны, ее историческими и культурными связями, а также ее основными экономическими связями. В 1980 году из 58 000 иностранцев, законно проживающих в Португалии, 48% были Африканского происхождения, 31% — из Европы и 11% — из Южной Америки (главным образом Бразилии).

Португалия занимает одну из первых позиций в МІРЕХ (Индекс политики интеграции мигрантов) — данный индекс основан на политике и структурных условиях интеграции страны и не анализировал практику интеграции мигрантов на индивидуальном или групповом уровне. Как отметили авторы данного интеграционного индекса: «семейная» иммиграционная политика и модель реформы гражданства 2006 года явно помогли большому числу иммигрантов воссоединиться со своей семьей и стать гражданами РТ даже во время кризиса (Huddleston et al., 2015, с. 178).

Этническое разнообразие иммигрантов в Португалии породило новые проблемы для португальского общества: в области образования, культуры, понимания ценностей, практики и социальных норм в обществе. В Португалии поликультурная медиация была включено в государственную политику интеграции иммигрантов в рамках проекта межкультурного посредничества в государственных службах (MISP). Этот проект основан на трех принципах: принципе посредничества, принципе межкультурности и принципе коммунитарного вмешательства. Это проект, разработанный городскими советами в партнерстве с организациями гражданского общества, а именно, ассоциаций иммигрантов.

Основная цель проекта межкультурного посредничества в сфере государственных услуг (МКНМ) заключается в содействии социальной сплоченности, повышению качества жизни и межкультурной общительности граждан в муниципалитетах со значительным культурным разнообразием

путем позитивного и превентивного управления этим разнообразием в рамках посреднической деятельности и участия местных действующих лиц.

Проект предусматривает создание муниципальных групп межкультурного посредничества (EMMI), базирующихся в муниципалитетах, которые содействуют вмешательству.

Важным этапом стало создание CNAI — «Национального Центра Поддержки Мигрантов» (The National Immigrant Support Centers»). Структура, используемая в центре для поддержки мигрантов, состоит из нескольких ступеней. Сначала мигрант попадает в зал ожидания, где оператор узнает цель визита и определяет уровень владения португальским языком. В зависимости от проблемы обратившемуся либо назначают куратора, либо он может получить консультацию по телефону (SOS line) в специально оборудованной для этого комнате. Куратор индивидуально рассматривает дело каждого обратившегося за помощью мигранта, проводит интервью с целью более подробного выяснения цели визита, если необходимо объясняет правовые нормы, изучает документы, помогает записаться на следующую встречу к необходимым специалистам.

В CNAI мигранты могут обратиться в:

1. Службу пограничного контроля и приема иностранцев (Foreigners and Borders Service) — восстановление паспорта, выдача или продление вида на жительство, воссоединение семей, депортация и т. д.

2. Службу по труду и занятости (Working Conditions Authority) — поиск работы, улучшение условий труда.

3. Службу социальной защиты (Social Security) — социальное страхование, социальное обеспечение, защита от домашнего насилия, предоставление ежемесячной и ежегодной компенсации, оплата взносов социального страхования по безналичному расчету и т. д.

4. Службу центрального ЗАГСа (Central Registry Office) — учет браков, разводов, рождаемости, смерти. Помощь в оформлении или получении документов.

5. Службу региональных больничных отделений (Regional Health Administration) — предоставление информации о доступе к системе здравоохранения, получение медицинской помощи.

6. Службу контроля в сфере образования (Regional Directorate of Education) — предоставления информации различного рода, например, об определении детей в начальную и среднюю школу, способов получения стипендии, возможности бесплатного изучения португальского языка, повышение уровня владения языком для улучшения условий работы.

Проблемы социокультурной адаптации и интеграции учебных мигрантов в России (на примеров вузов г. Новосибирска)

*Береговая Оксана Александровна,
Сибирский институт управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (г. Новосибирск),
Лопатина Светлана Сергеевна,
Сибирский институт управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (г. Новосибирск),
Отургашева Наталья Вадимовна,
Сибирский института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (г. Новосибирск)*

Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», необходимо создавать условия для привлечения в Россию иностранных студентов [1]. Развитие учебной миграции в Россию является на сегодняшний день одним из перспективных и стратегических направлений государственной образовательной политики. Каждый десятый мигрант в мире — это учебный мигрант [2, с. 123], под которым понимают лицо, обучающееся за пределами своей родины или страны, гражданами которой они являются, на период более года. Вопрос учебной миграции — это вопрос адаптации иностранных студентов к новой (иной) социокультурной среде.

На сайте Минобразования Новосибирской области было организовано анкетирование иностранных студентов. Данные анкетирования были получены в ходе стажировки авторов в Министерстве образования Новосибирской области в феврале-мае 2018 года и используются в настоящей статье. Всего прошли анкетирование 234 иностранных студента из 15 вузов г. Новосибирска.

Исследование показало, что большинство иностранных студентов удовлетворены выбором вуза и направлением обучения (76%), принимают участие в студенческих мероприятиях (72%), достаточно коммуникабельны и имеют широкий круг общения, отлично и хорошо владеют русским языком (56% и 30%), активны в отношении овладения навыками будущей профессии (22%).

Однако, для студентов из стран кроме СНГ самой главной является языковая проблема. Несмотря на то, что 67% из них до приезда в Новосибирск изучали русский язык, 33% опрошенных вообще не могли говорить на русском языке. Полностью понимают учебный материал только 24% респондентов, 60% понимают частично и 16% вообще не понимают. 97% нуждаются в дополнительных занятиях по русскому языку, из них 2 часа в неделю — 42%, 4 часа в неделю — 38%, 6 часов в неделю и более — 20%.

По данным нашего опроса, адаптационную поддержку иностранные студенты из стран кроме СНГ получают в основном в академической среде от преподавателей (31%) и сотрудников деканата или кафедры (16%). По их мнению, только 9% однокурсников оказывают им адаптационную поддержку. Приехавшие в Новосибирск иностранные студенты по большей части самостоятельно осваивают социокультурную среду (посещают выставки, кинотеатры, театры, интересные места) — 78%, занимаются спортом — 40%. Однако серьезным социокультурным барьером является слабая адаптационная поддержка иностранных студентов вне учебной среды (оформление различных документов, посещение банка, продление медицинской страховки и т.п.).

Несмотря на трудности и проблемы социокультурной адаптации студенты положительно относятся к учебе в России: 58,5% опрошенных иностранных студентов считают, что российские вузы обеспечивают качественное образование; 38,5% уверены, что в России хорошие перспективы для профессионального роста; 48% из них планируют остаться жить и работать в нашей стране, а 16% продолжить обучение в России.

Перспективным направлением адаптационной работы может стать также организация тьюторской и волонтерской деятельности среди студентов, специализирующихся в области международных отношений, так и среди самих иностранных студентов старших курсов обучения, а также магистрантов. Для первых — это будет хорошей практикой межкультурной коммуникации, для вторых — реализацией накопленного потенциала, в том числе, навыка общения на русском языке.

Литература

1. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. №1662-р. URL: http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009 (дата обращения 20.05.2018).

2. Митин Д. Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия Политология. — 2010. — №3. — С. 123—133.

**Часть 3. Педагогические модели
обучения русскому языку как
иностранному**

Государственная языковая политика РФ в отношении коренных малочисленных народов Севера: состояние и перспективы

*Былкова Екатерина Сергеевна,
Томский государственный университета
(г. Томск)*

Константин Дмитриевич Ушинский, один из основоположников педагогической науки в России, чьи труды посвящены не только методикам воспитания, но и изучению родного языка, писал: «Когда исчезает народный язык — народа нет более» [1]. Тем самым он подчёркивал, что язык — наиболее важный «соединительный» компонент, который позволяет говорить о прошлых, ныне живущих, будущих поколениях как о едином целом.

Таким образом, говоря об актуальности данного вопроса, можно привести данные о том, что, например, эвенкийский язык как предмет в школе изучают менее 30% эвенкийского населения, поскольку остро стоит проблема нехватки квалифицированных кадров. В результате лишь только 5,6% эвенков могут в полной мере владеть этим языком [2]. Возникают сложности в формировании языковой среды для закрепления навыков у школьников, поскольку вне учебных заведений области использования эвенкийского языка слишком ограничены. Нельзя не сказать, что на такое положение дел влияет процесс глобализации и то, что во многом традиционный образ жизни КМНС сложно приспособливается к современным социально-экономическим реалиям. Отсюда вытекает проблема необъективности языковой политики в некоторых регионах. Она выражается в сокращении использования традиционных языков КМНС, с одной стороны, и в повсеместном применении русского языка, с другой.

Однако стоит отметить, что государство пытается поддерживать и защищать исчезающие языки, обеспечивая проведение образовательного, воспитательного процессов на родных языках, вырабатывая меры по их сохранению. Существует специальная Ассоциация коренных малочисленных народов севера, которая занимается разработкой специальных документов, программ развития КМНС. На федеральном уровне подобную деятельность реализует Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНС и ДВ

РФ); также время от времени на всех уровнях власти обсуждается важность поддержки КМНС, поскольку в данном случае идёт речь об исчезновении огромного культурного пласта, уникального уклада и традиций.

Тем не менее, этих решений недостаточно, поскольку зачастую они носят рекомендательный и декларативный характер, тем самым выявляя несовершенства федерального и регионального законодательств. Зачастую чиновники, занимающиеся в этой области, обладают поверхностными знаниями о специфике проблем граждан Севера, не имея достаточных представлений об укладе, традициях северян, что приводит к принятию решений, которые остаются только на бумаге.

Таким образом, нужно говорить о более глобальном направлении государственной политики — финансированию языковых программ (например, «Языки в дошкольном образовании»), открытии центров по возрождению не только языков КМНС, но и хозяйственного уклада. Однако население больше стремится в города, разрывая связи со своим культурным наследием. Процессы языковой ассимиляции усиливаются ввиду этого обстоятельства, вследствие чего оставшимися носителями того или иного языка остаются лишь пожилые люди, занимающиеся традиционными для данной местности промыслами, а также старожилы небольших сёл и деревень.

В то же время сами жители Севера занимают пассивную и выжидательную позицию, считая, что федеральные власти в состоянии решать их проблемы [3]. Во многом данная ситуация и осложняется этим противоречием.

Главная задача государственной языковой политики должна состоять в выстраивании партнерских отношений между государством и КМНС. Во-первых, стоит признать право КМНС на выбор своего пути существования; во-вторых, предоставить им возможность предлагать и реализовывать те или иные проекты по развитию их территорий, а также сохранению традиционного уклада и культуры.

Для поиска компромисса необходимо привлекать внимание этнографов, лингвистов, политиков к актуальности этой проблемы. В этом и заключается практическое значение данного вопроса: проведение обдуманной государственной политики по сохранению культуры, традиционного уклада и функционированию языков КМНС станет возможным путём обсуждения и привлечения внимания общественности к этой проблеме.

Литература

1. Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для детей и родителей / К. Д. Ушинский. — Новосибирск: Дет. лит., 1994. — 424 с.
2. И. П. Баишева. Сохранение и возрождение национальных традиций эвенков через учебно-воспитательную работу // Титкачирук. 2012, №1 (25), стр. 63.
3. Юдин В.И Государственная политика России в отношении коренных

малочисленных народов Севера: социально-политический анализ // Власть. — 2012. — №2. — с. 40—45.

Кинодиалог в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции при обучении РКИ

*Сатива Гамбоа Хуан Себастьян,
Колумбия,
Добряева Ирина Сергеевна,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета (г.
Красноярск)*

Международные контакты активизируют и выводят на первый план фатическую (контактоустанавливающую функцию) языка. Языковая норма диалога приобретает не только лингвистическое, но и социально-лингвистическое и этическое значение. В процессе преподавания языка возникает необходимость формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся. Лингвокультурологическая компетенция — это заложенные в языковых единицах знания о системе культурных ценностей и нормах поведения в обществе, а также способность свободно использовать эти знания в коммуникации. [1, 66]

Каждая культура в зависимости от комбинации внешних факторов создает набор определенных ценностей, формирующих систему лингвокультурных кодов. [2, 44] Семантика имени собственного способна актуализировать многие коды лингвокультуры — от зооморфно-духовного до табу. [2,45] Будучи рекуррентными элементами языка, имена собственные могут указать на определенную ономастическую традицию, а также выступить индексом текущего лингвокультурного контекста. Имена собственные глубоко национальны, по словам Г. Д. Гачева, ономастикон любого народа вмещает себя «космос национальной культуры».

Антропонимическая система русского языка имеет трехчленную форму: имя, отчество, фамилия. Полные имена — первая часть трехчленной формулы, закреплённой документально. Неполные имена представляют собой лаконичные безоценочные дериваты от полных имен. Квалитативы (мелиоративной и пейоративной оценки) — это производные от полных имен со значением субъективной оценки. Формы и семантика русского имени изучаются на литературном материале с опорой на художественные тексты, [3] на материалы словарей, [4] данные государственных и семей-

ных архивов, интернет дискурс, диалектный материал. [5]

Данная статья посвящена анализу возможностей использования кинодиалога для изучения семантики форм русских имен. Кинодиалог определяется как квази-спонтанный разговорный текст, являющийся вербальным компонентом художественного фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным (аудиозрительным) рядом. [6, 9] По мнению Д. Труби, автора книги «Анатомия сценария» [Труби, 2010], кинодиалог отличается от обыденной речи большей информационной насыщенностью, и неременной стилизованностью, оставаясь при этом достаточно естественным. [6,50] В качестве материала для анализа были выбраны фильмы *Морозко* (1964 г., реж. А. Роу) и *Даурия* (1971 г., реж. В. Трегубович).

Русское имя отличается многообразием форм — суффиксальных образований, сочетаний имени и отчества и т. д. Каждая из форм русского имени имеет свои социолингвистические приметы. Наличие в русском социуме вариантов имени, принадлежащих одному и тому же человеку, создает необходимость выбора наиболее уместной формы для данной ситуации общения, что можно проиллюстрировать хорошо известным носителям русского языка диалогом из фильма *Москва слезам не верит* (1979 г., реж. Ю. Меншов):

Гоша, он же Гога, он же Жора, он же Георгий Иванович здесь проживает? — Нет, здесь только Георгий Иванович. — Значит я по адресу.

В сказке *Морозко* (1964 г., реж. А. Роу) можно найти похожую парадигму: *Звать-то тебя как? Зовут меня Настей. А кличут все по-разному. Батюшка родимый — Настенькой. Сестрица — Настькой, а мачеха — ведьмой проклятою и змеей подколодной.*

Можно увидеть, что в основе использования различных форм имени лежит экстралингвистическая реальность. Предпочтительный выбор говорящим формы имени определяется коммуникативной ситуацией, детерминированной характером языкового существования индивидов в социуме, членами которого они являются. На выбор формы имени также влияют такие особенности коммуникативной ситуации, как наличие или отсутствие личных контактов, регулярность — нерегулярность общения, степень близости коммуникантов, коммуникативное намерение говорящего, возрастной фактор, факт присутствия или отсутствия называемого лица (и его близких родственников), гендерный фактор, а также характер отношения говорящего к именуемому лицу и традиция семейного именованья. [5, 5–9]

Для анализа закономерностей употребления различных форм имени была разработана *Социокультурная матрица*, включающая такие социокультурные параметры как *родственные связи между адресатом и адресан-*

том высказывания, пол, возраст, соотносительный статус адресата и адресанта, а также дискурсивные характеристики: тип дискурса, вид речевого акта, функциональное и прагматическое использование той или иной формы имени. В результате применения данной матрицы и анализа контекста были выделены следующие элементы значения в виде семантических оппозиции: свой-чужой, родственник — неродственник, ровесник — неровесник, повседневная — экстренная (исключительная) ситуация, сила-слабость, восхищение-презрение, контроль над ситуацией — потеря контроля, эмоциональный — нейтральный контекст, взрослый — ребенок, мужской — женский, официальный — обиходный (свойский).

Сказочный дискурс фильма *Морозко* помогает наглядно понять разницу между двумя суффиксами: *Настенька* и *Настька* (см выше). Интересно, что англоязычная версия не различает формы *Марфушенька* и *Марфушка* и использует только последнюю — *Marfushka*, в то время как в русском варианте формой обращения к данному персонажу является преувеличенно-ласковое *Марфушенька-душенька*. Традиционное русское имя *Иван* также используется в форме *Иванушка*, называя героя, преодолевающего обстоятельства и добивающийся успеха вопреки неверию остальных в его силы и способности.

Фильм *Даурия*, снятый по одноименной повести К. Седых, повествует о жизни забайкальских казаков в период 1914 и 1918 гг. Специфика традиционной русской культуры сельского общения, в отличие от городской, связана со слабой расчлененностью коммуникативной сферы, что определяет преобладание неофициальных форм имен в спонтанной речи, ориентированных на сферу личного и бытового общения. [5, 6] Специфика использования форм имени в фильме также связана с укладом жизни казаков, который регулируется сводом норм и правил, среди которых: ответственность за происходящее, поддержка слабых добросовестность, семейные ценности.

14 из 20 рассмотренных имен имеют полную форму, 10 из 20 имеют неполную форму имени. Наиболее распространенным является суффикс — *к-*. 7 из 20 имен имеют данный суффикс, причем 4 из них используются только в данной форме. Некоторые имена имеют только одну форму имени, напр. Федот (сила, постоянство, независимость, отсутствие у персонажа романтической и родственной линий), Ганька и Митька (отсутствие характеристик взрослого человека). Наибольшее количество форм имени отмечено у главных героев: Даши и Романа (см. табл.1).

Таблица 1. Формы имени в фильме *Даурия* (1971 г., реж. В. Трегубович)

1. имя (уменьшительное)	2. полное имя	3. суффикс -к-	4. суффикс -х-	5. суффикс -ушк- юшк-	6. суффикс -ньк-, -чк-	7. суффикс -утк-
1. Алеша, Леша	Алексей	Алешка				
2.	Тимофей		Тимоха			
3.	Аграфена			Аграфенушка		
4.	Василий		Васюха			
5. Епиша	Епифан					
6.	Елисей			Елисеюшка		
7. Рома	Роман	Ромка	Ромаха	Ромушка	Ромочка	
8. Даша	Дарья	Дашка			Дашенька	Дашутка
9.		Ганька, Митька				
10	Федот					

Таблица 1. Формы имени в фильме *Даурия* (1971 г., реж. В. Трегубович)

Комментарий таблице

— Имя (неполное) (обращение, референция): является менее формальным, чем полное имя. Используется нейтрально по отношению к младшим, доверительно по отношению к ровесникам, не используется по отношению к старшим: *Че случилось, Епиша? Даш, ты в лавку?*

— Полное имя (обращение, референция): более формальное или уважительно, наделяет адресата характеристиками взрослого человека, адресат и адресант взрослые: *Какой Роман казак без коня?*

Задание 1: Образуйте форму уменьшительного имени от полного имени. Напр. Анастасия, Павел, Михаил, Василий, Надежда, Дмитрий, Степан.

— суффикс *-к-* (обращение, референция): наиболее распространен и как следствие, многозначен: 1) о своих детях: а) о сыновьях (контроль над ситуацией) *Ганька, запряг лошадь? Митька, марш домой;* б) о дочерях (потеря контроля над ситуацией, эмоционально): *Где Дашка?* 2) о людях младше себя (хорошее отношение): *Петьку хоть щас в гвардию. Я вам не Ромка, я командир Красной Армии.* 3) о ровесниках и равных по статусу (обида, конкуренция, уничижительно): *И Лешка среди них (женихов)? Я за Лешку не пойду.* 2) дружеское, неформальное: *А что, Ромка, за дядьку-то хорошо вломил?*

— суффикс *-х-* (обращение, референция) (неформ) (ср. Плохого человека Лехой не назовут): доминирующим элементом являются мужские характеристики: сила, смелость, рискованность, надежность, самостоятельность.

Данный суффикс наделяет адресанта аналогичными характеристиками. Адресат обычно мужчина: *Мы с Тимохой летом на прииски пойдем. Так это же Васюха Улыбин. Пошли, Тимоха. Туча, Ромаха идет. — Успеем.*

— суффикс — *ушк-*, *юшк-* (обращение): в высшей степени эмфатический: про мужчину в ситуации стресса, адресант не должен быть младше и слабее. *Попей, Елисеюшка, полегчает. Аграфена! Аграфенушка!*

— суффикс — *ньк-*, *-чк-* (обращение): эмоциональное, положительное отношение нежность, желание переубедить (если поведение адресата рассматривается как неразумное): *Ромочка, беги, Федот. Дашенька, ты не плачь, а мы убежим.* Адресант не должен быть младше и слабее.

— суффикс — *тк-* (референция) (ср. детка, малютка): адресат младше и слабее (как ребенок), покровительство, готовность защитить (обычно о детях): *Дашутку ни за что бы не отдал, если бы не ты был сватом.*

— отчество (обращение): использование отчества связано со статусом адресата: а) формальный контекст: б) изменившийся статус: *Роман Северьянович, иди-ка сюда. Здравствуй, Василий Петрович;* в) желание изменить статус, показаться более взрослым, может использоваться шуточно: *Здравствуйте, Дарья Епифановна;* г) использование отчества без имени: Кирилловна, Ильич — (просторечное, деловой контекст)

Использование отчества не связано с возрастом, для вежливого обращения к старшим используется тетя, дядя: *Тетья Аграфена, где Епифан? — Дядя Епифан, завтра охота на волков.*

Задание 2: образуйте отчество (муж и женск) от имен: Петр, Кирилл, Илья, Северьян, Анатолий, Иван, Епифан, Лука.

— фамилия (референция): фамилия используется для идентификации (в т.ч. при совпадении имен), доминирующим становится смысловой элемент «чужой»: 1) а) чужим является адресат или б) использование фамилии сигнализируется о присутствии чужого: *Семенов (есаул) (карательный отряд), купец Кандауров* 2) формальный контекст, в т.ч. разговор по телефону. *Спасибо, говорит, Каргин, за службу. [Говорит] Улыбин.*

Примечательно, что в русском языке в формальном контексте сначала идет фамилия, потом имя: *Как фамилия? — Сытин Николай.* (ср *What's your name? — Nikolay Sytin*)

— *Задание 3:* выберите правильную форму имени:

— (казак — казаку): Увижу с *Дашуткой/Дашенькой*, ноги переломаю.

— (хозяин лавки — атаману (после порки): *Попей, Елисеюшка/Елисей Каргин*, легче станет.

— *Мы с Тимохой/Тимофеюшкой* летом пойдем на прииски.

— (отец — сыну): *Митька/Митенька*, марш домой.

— (сваты — родителям): Не отдадите ли вы *Дарью/Дашку* за *Алексея/Алешку?*

— отец (очень сердитый) — Где *Дашка/Дашутка?*

— Здорово, *Рома/ Роман/ Ромушка/ Роман Улыбин*.
— *Роман/ Рома Северьянович*, иди-ка сюда.
— *Дашенька/Дарья*, не плачь, а мы убежим. — *Ромушка/Роман*, цветочек мой, поймают.

— Носочки сестрице *Марфушеньке/ Марфе/ Марфушке* вяжу.

Таким образом, являясь аутентичным культуроспецифическим лингвистическим компонентом киноязыка, кинодиалог предоставляет фонетическую и интонационную модель, а также подкрепленный видеорядом пример коммуникативной ситуации использования форм имени собственного. Приведенный выше анализ форм имени может использоваться в качестве комментария перед просмотром фильмов, что поможет лучше ориентироваться в происходящем и сделать восприятие смысловой информации более целостным, а также в качестве самостоятельного материала для изучения семантики форм русских имен.

Литература

1. Пименова, М. В. Концепт и культурная картина мира в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции. [Текст] / М. В. Пименова. // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сборник научных статей.- СПб.:Изд-во СПбГЭУ, 2018.-600 с.

2. Синячкин В. П. Имена собственные как коды лингвокультуры в практике преподавания РКИ [Текст] / В. П. Синячкин // Русский язык за рубежом. — 2017. — №6. — С. 42—48.

3. Катермина В. В. Имя и общество (на материале русских художественных текстов) [Текст] / В. В. Катермина // Русский язык за рубежом. — 2013. — №6. — С. 69—74

4. Суперанская, А. В. Словарь русских имен [Текст]: около 5000 русских имен / А. В. Суперанская. — Москва: Эксмо, 2005. — 443 с.

5. Астафьева, Е. А. Факторы, определяющие выбор формы личных имен в дискурсе диалектной языковой личности [Текст] / Е. А. Астафьева // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — №407 (июнь). — С. 5—10.

6. Кинодиалог. Образ — смысл. Перевод: коллективная монография / В. Е. Горшкова, Е. А. Колодина, и др.- Иркутск: МГЛУ УФЛИ, 2014. — 367 с.

7. Максимов, В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке [Текст] / В. И. Максимов.- Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. — 223 с.

Дискурс в условиях межкультурной коммуникации при обучении русскому языку как неродному в средних общеобразовательных школах

*Дорохова Марина Владимировна,
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Ир-
кутского государственного университета
Каверзина Анастасия Владимировна,
Иркутский государственный университет (г. Иркутск)*

В последние годы учителя русского языка (далее — РЯ), учащиеся-мигранты и учащиеся-носители РЯ всё чаще сталкиваются с серьёзной проблемой — невозможностью усваивать материал на уроке РЯ на должном уровне. Вследствие этого возникает конфликтный дискурс как между учителем РЯ, учащимися, так и их родителями.

В Иркутске учится 1020 детей-мигрантов (статистика 2017—2018 уч. гг.). Особенно остро стоит данная проблема в старших классах (9—11 классы). В связи с тем, что дети-мигранты именно в старших классах должны сдавать экзамены (ГИА, ЕГЭ), многие родители-мигранты стараются привезти детей в Россию в возрасте 10—12 лет. Таким образом, учащиеся-мигранты поступают в 5—7 классы российских средних образовательных школ (далее — СОШ).

Дети-мигранты из Таджикистана сталкиваются с проблемой, что в своей родной системе языка не изучали такие морфологические категории, как существительное, прилагательное, глагол, например, они не знают отличия между самостоятельными и служебными частями речи, хотя в учебнике 5 класса (авторы Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов и др.) темы «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Местоимение» и др. должны быть изучены школьниками ещё в первом полугодии. Если учащийся-мигрант поступает в российскую школу в 6 класс, то он не имеет этих знаний, что приводит к дискурсу различий на первых уроках русского языка.

Концептологические основания исследования

В интерпретации понятия дискурс будем исходить из идеи В. З. Демьянкова, который считает, что дискурс организуется вокруг концепта (Демьянков, 2001). Соответственно под дискурсом в условиях межкультурной

коммуникации в СОШ будем понимать целеустремленную речевую деятельность, организованную вокруг концепта ЕГЭ.

Дискурс в СОШ, как в любой другой сфере, начинается с фатической фазы (Дементьев, 1997). На этапе установления контакта (дискурсивных отношений — ДО) необходимо учитывать, что каждый коммуникант имеет собственное представление о «реальном мире» (Бабушкин, 2001), т.е. выстраивает индивидуальную модель мира, исходя «из тех знаний о предметах, „запас“ которых имеется благодаря прошлому опыту» (Кушнерук, 2013, с. 111).

Важно учитывать и то, что дискурс СОШ обнаруживает взаимодействие персональной формы (учащийся-мигрант, родители учащегося-мигранта, родители учащегося-носителя русского языка) с институциональной (учитель и администрация СОШ). Если мы говорим о «возможном мире» в персональной форме со стороны учащегося-мигранта, то в данном дискурсе можно наблюдать множество «возможных миров» в условиях межкультурной коммуникации до соприкосновения с «реальным миром» институционального дискурса.

Например, для каждого из учащихся-мигрантов в его «реальном мире» ликвидность предложения администрации СОШ будет оцениваться по-разному, т.е. содержать множество смыслов (Кравец, 2001, с. 96; Попова, 2007), в зависимости от наличия или отсутствия возможного обучения учащегося-мигранта русскому языку на родине, знания русского языка как иностранного на уровне А2 или В1. Только в этом случае на фактической стадии дискурса появляется возможность приблизить персональный возможный мир учащегося-мигранта к реальному институциональному — СОШ, в связи с тем, что в «реальном мире» существуют соответствующие требования к знанию русского языка, действующие в институциональном дискурсе СОШ.

Родители учащегося-мигранта и учащийся-мигрант, имеющие опыт взаимодействия с СОШ, наделяют один и тот же объект вокруг концепта ЕГЭ, теми же признаками, что и СОШ. Во-первых, успешная сдача ЕГЭ и дискурс вокруг концепта ЕГЭ по математике и другим точным наукам невозможен без знания русского языка. Во-вторых, учащийся-мигрант обязан сдать ЕГЭ, в том числе и по русскому языку. В соответствии с этим в институциональный дискурс вступает учитель русского языка и литературы. Если учащийся-мигрант знает русский язык, то учитель русского языка и литературы может ещё на фатической стадии вступить в дискурс согласования в ходе коммуникативной эстафеты.

К сожалению, протагонист (учитель русского языка и литературы) чаще всего не может вступить в дискурс согласования на фатической стадии, в связи с тем, что не знает язык антагониста (таджикский, узбекский, киргизский и т.д.). Это возможно только в том случае, если антагонист не зна-

ет русский язык. Вследствие этого дискурс на фатической стадии переходит к дискурсу различий.

Методология

Следуя С. Крипке, «термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах» (Крипке, 1982, с. 350), в частности, в дискурсе СОШ вокруг концепта ЕГЭ, является жёстким десигнатором. Например, «стол — имя существительное, ед. ч., м.р.».

Таким образом, жёсткие десигнаторы, независимо от «реального мира» всех коммуникантов СОШ, имеют одно и то же значение в каждом из возможных миров коммуникантов СОШ, т.е. являются основными структурообразующими признаками «возможных миров» (причинной конструкцией).

В диссертации А. А. Кибрика «Анализ дискурса в когнитивной перспективе» был предложен метод дискурс-анализа, а также рассмотрены процессы, связанные с наполнением дискурса в когнитивном и информационном аспектах: «1) активация познания представлений из окружения; 2) построение плана действий; 3) поиск информации в долговременной памяти; 4) формирование новых понятий и представлений; 5) обнаружение связей между представлениями» (Кибрик, 2003, с. 42).

Исследование дискурса СОШ может быть проведено с помощью метода дискурс-анализа и когнитивного моделирования (когнитивные карты): используя причинные конструкции (жёсткие десигнаторы/аргументы) в контексте целого, учитывая всю систему отношений между коммуникантами (фатическую стадию, дискурс согласования и дискурс различий).

Каждый из жёстких десигнаторов имеет аксиологическое измерение, как следствие, определённый когнитивный вес и аксиологическую оценку («+»/«-») (Axelrod, 1976). Когнитивные веса, играющие решающую роль в принятии практических решений, с одной стороны, группируются в совокупности коммуникантами СОШ (учащийся-мигрант, учитель СОШ, администрация СОШ, родители учащегося-мигранта, родители учащегося-носителя русского языка), с другой — администрацией СОШ и учащимся мигрантом (рис. 1). Исходя из того, какую аксиологическую оценку будет иметь тот или иной жёсткий десигнатор, можно построить когнитивную карту.

По мнению О. П. Кузнецова, «когнитивный анализ основан на понятии когнитивной карты — ориентированного графа, ребра которого поставлены в соответствие когнитивного веса. Когнитивные карты служат как средством структурирования и формализации ситуации, так и средством ее анализа» (Кузнецов. Режим доступа: <http://posp.raai.org/data/posp2005/Kuznetsov/kuznetsov.html>).

Для учителя русского языка и литературы ключевым жёстким десигнатором является «изучение русского языка в национальной школе» и «зна-

ние русского языка родителями учащегося-мигранта», что способствует в ходе коммуникативной эстафеты дискурсу согласования (см. рис. 1). Именно эти жёсткие десигнаторы имеют положительную оценку и больший когнитивный вес, что склоняет чашу в сторону успешности в ходе дискурса согласования и возможности достижения перлокутивного эффекта — успешной сдачи ЕГЭ.

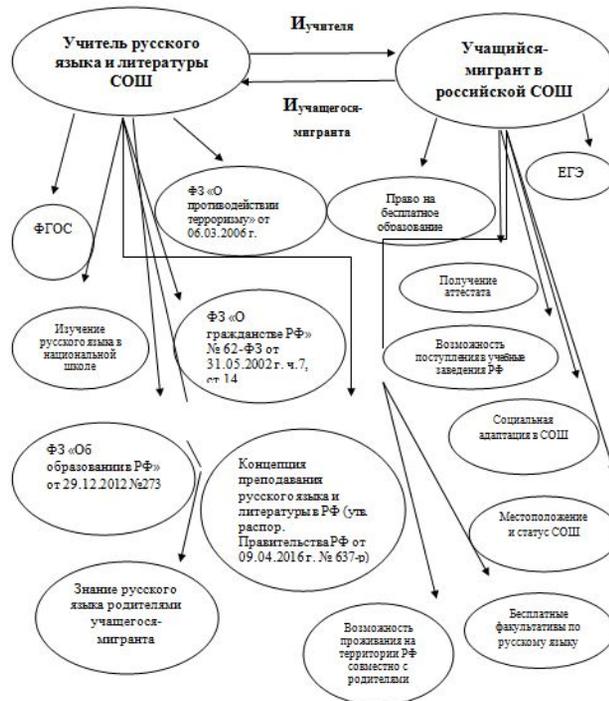

Рис. 1. Соотношение когнитивных весов концепта ЕГЭ в структуре взаимодействия «учитель русского языка и литературы — учащийся-мигрант»

Таким образом, учащиеся-носители РЯ и учащиеся-мигранты, изучавшие ранее в национальных школах русский язык, обучающиеся в 5 классе по учебнику Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова и др., знакомы с такими грамматическими категориями РЯ, как род, число, падеж.

В случае, если учащиеся-мигранты, которые ранее не посещали национальные школы, где изучают русский язык, или российские дошкольные образовательные учреждения, не могут аудировать на таком же уровне, как учащиеся-носители РЯ. В результате еще на фатической стадии коммуниканты переходят к дискурсу различий, значит, перлокутивный эффект — «сдача ЕГЭ» — не может быть достигнут.

Общеизвестно, что в большинстве языков стран СНГ категории рода отсутствуют или представлены зеркально по отношению к грамматической системе РЯ. Например, в таджикском языке стол женского рода, соответственно согласуется с прилагательными в женском роде. Именно по этой причине учащиеся-мигранты не могут приобрести новый для себя грамматический навык: быстро и верно определить род имени существительного.

Учитель русского языка и литературы должен также учитывать такие жёсткие десигнаторы, как «ФГОС», «ФЗ «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 №273», «Концепцию преподавания русского языка и литературы в РФ (утв. распоря. Правительства РФ от 09.04.2016 г. №637-р)», следовательно, учитель русского языка и литературы обязан выполнить условия вышеперечисленных жёстких десигнаторов, т.к. в их основе лежит концепт ЕГЭ. При этом учитель русского языка и литературы должен в рамках институционального дискурса в ходе коммуникативной эстафеты вступить в дискурс согласования с учащимися-носителями русского языка и с учащимися-мигрантами. Задача учителя не только руководствоваться вышеуказанными жёсткими десигнаторами, но и выполнить ФЗ «О гражданстве РФ» №62-ФЗ от 31.05.2002 г. ч.7, ст.14 и ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. №35. Безусловно, учитель СОШ находится в сложной ситуации, когда он обязан вступить в ходе коммуникативной эстафеты в дискурс согласования, даже в том случае, когда жёсткие десигнаторы имеют отрицательную оценку и склоняют когнитивные веса в противоположную сторону. В данных условиях учителя СОШ рекомендуют родителям учащихся-мигрантов и самим учащимся-мигрантам пойти на класс ниже, если это 7—9 классы. Если это не учитывается учащимися-мигрантами и их родителями, то коммуникативная эстафета приводит к дискурсу различий, т.к. не выполнение условий вышеперечисленных жёстких десигнаторов будет иметь отрицательную аксиологическую оценку и склонит когнитивные веса в сторону дискурса различий еще на фатической стадии — неуспеваемость по основным школьным предметам, в том числе по русскому языку и литературе.

Для большинства учащихся-мигрантов важно наличие такого жёсткого десигнатора, как «проживание на территории РФ совместно с родителями». Желание учащегося-мигранта проживать в полной семье является одним из основных жёстких десигнаторов, который как следствие связан с другим жёстким десигнатором — «социальная адаптация в СОШ». Если у учащегося-мигранта есть полная семья, русские друзья, то вероятность дискурса согласования во время обучения в СОШ значительно повышается, следовательно, в ходе коммуникативной эстафеты может быть достигнут перлокутивный эффект, т.е. учащийся-мигрант успешно сдаст ЕГЭ. Жёсткий десигнатор «социальная адаптация в СОШ» непосредственно связан с такими жёсткими десигнаторами, как «право на бесплатное об-

разование», «бесплатное посещение факультативов по русскому языку», «местоположение и статус СОШ». Школа, расположенная недалеко от места проживания, а также обучение в данной школе сограждан учащихся-мигрантов, позволяет быстрее выучить русский язык, так как учащийся-мигрант находится в равных условиях с другими учащимися. «Право на бесплатное образование» и «бесплатное посещение факультативов по русскому языку» позволяет учащемуся-мигранту находится не только в одинаковых условиях с другими учащимися-мигрантами, но и заниматься самообразованием. Интенцией учащегося-мигранта является «получение российского аттестата», сдачи «ЕГЭ» и в итоге «поступление в средние специальные и высшие учебные заведения РФ». Если администрация СОШ может предложить учащемуся-мигранту «бесплатное посещение факультативов по русскому языку» и «местоположение и статус СОШ», «обучение в данной СОШ сограждан учащихся-мигрантов», когнитивные веса будут иметь положительную аксиологическую оценку и склонятся в пользу именно этой школы. Последнее будет способствовать желательному перлокутивному эффекту (скорейшему установлению контакта и переходу коммуникации на стадию дискурса согласования) (Каплуненко, 2007; 2012). Таким образом, вокруг концепта «ЕГЭ» уже заложены жёсткие десигнаторы, имеющие положительную аксиологическую оценку: «получение аттестата», «возможность обучения в российских средних специальных и высших учебных заведениях».

Обсуждение

Решением этой проблемы занимаются не только школы РФ, в частности, школы, гимназии и лицеи города Иркутска и Иркутской области. В течение двух лет активно на территории города Иркутска и Иркутской области реализуется социальный проект АНО ДО «Хочу всё знать» при поддержке правительства Иркутской области и Общественной палаты Иркутской области. Активное участие в социальном проекте принимают не только общественные деятели, но и преподаватели Иркутского государственного университета, учителя СОШ города Иркутска и Иркутской области.

В результате работы над этим социальным проектом было выявлено, что на фатической стадии, стадии адаптации учащихся-мигрантов, учителями допускаются ошибки, причем не по причине их некомпетентности, в связи с тем, что некоторые языки, в частности, таджикский имеют кириллическую письменность. В СОШ при письменном тестировании учащимся-мигрантам удаётся переписать текст, при этом учащиеся-мигранты не понимают лексическое значение слов, соответственно не могут осуществлять дальнейшую работу с текстом. Последнее еще на фатической стадии может привести к дискурсу различий, хотя протагонист и антагонист стремятся продолжить коммуникативную эстафету.

Приведенный ниже пример «учитель русского языка и литературы ↔ учащийся-мигрант» (У_{РЯиЛ} ↔ У-М) иллюстрирует дискурс на бесплатных факультативных занятиях в АНО ДО «Хочу всё знать».

Пример 1. Дискурс «учитель русского языка и литературы ↔ учащийся-мигрант» (УРЯиЛ ↔ У-М):

УРЯиЛ: Здравствуйте, меня зовут Марина Владимировна. Скажите, пожалуйста, как Вас зовут?

У-М: Здравствуйте, меня зовут Нурулло.

УРЯиЛ: Скажите, пожалуйста, в каком классе Вы учитесь и сколько Вам лет?

У-М *(улыбается, но не понимает о чём его спрашивают)*.

Учащийся-мигрант не продолжает дискурс, т.е. данная ДФ завершается дискурсом различий ещё на фатической стадии. Этот учащийся предварительно выполнил письменную часть теста, т.е. он смог, заглядывая в тетрадь соседа по парте переписать текст и ответить на вопросы по тексту. В ходе «Говорения» учащийся-мигрант смог лишь представиться на фатической стадии, но ответить на вопрос о его возрасте и о том, в каком классе он учится не смог. Следовательно, ещё на фатической стадии была допущена коммуникативная ошибка, т.е. протагонист и антогонист переходят к дискурсу различий. В этом случае без дополнительных занятий учащийся-мигрант не сможет обучаться в российской СОШ.

Пример 2. Дискурс «учитель русского языка и литературы ↔ учащийся-мигрант» (УРЯиЛ ↔ У-М):

УРЯиЛ: Здравствуйте, меня зовут Марина Владимировна. Скажите, пожалуйста, как Вас зовут?

У-М: Здравствуйте, меня зовут Гагик.

УРЯиЛ: Скажите, пожалуйста, в каком классе Вы учитесь и сколько Вам лет?

У-М: Я учусь в 7 классе. Мне 13 лет.

УРЯиЛ: На родине Вы изучали русский язык.

У-М: Да, я учился в армянской школе, где все предметы были на русском языке. Я знаю русский язык, но иногда произношу слова неправильно, с акцентом, поэтому мои друзья часто смеются надо мной.

УРЯиЛ: Вы любите русскую литературу?

У-М: Да, я очень люблю Пушкина и Лермонтова. Мне очень нравится стихотворение «Парус».

УРЯиЛ: Спасибо.

Этот пример фатической фазы дискурса в СОШ отличается позиционированием одного из жёстких десигнаторов, а именно: «изучение русского языка в национальной школе». Для учителя русского языка и литературы этот жёсткий десигнатор является ключевым, имеет положительную аксиологическую оценку и большой когнитивный вес, что склоняет чашу ве-

сов в сторону именно этого учащегося-мигранта — готовность перейти в ходе коммуникативной эстафеты к дискурсу согласования.

Заключение

В статье нами были рассмотрены когнитивные особенности дискурса в СОШ на фатической стадии коммуникации вокруг концепта ЕГЭ на материале видеозаписей уроков в рамках социального проекта АНО ДО «Хочу всё знать» при поддержке правительства Иркутской области и Общественной палаты Иркутской области. В ходе исследования было выявлено, что на этапе установления контакта в дискурсе в СОШ необходимо учитывать не только интенции коммуникантов, но и их «возможные миры». Важно помнить, что на возможный мир каждого из коммуникантов влияют личностные факторы (пол, возраст, владение русским языком на разговорном уровне/его отсутствие, уровень культуры и т.д.), т.е. исходить из тех знаний о предметах, которыми они обладают. Последнее непременно отражается не только на «возможном мире» учащегося-мигранта, но и на опыте учителя русского языка и литературы, его способностью на фатической стадии в рамках институционального дискурса выявить владеет ли русским языком учащийся-мигрант или только использует, например, кириллическую письменность для прохождения теста.

Исходя из теории «возможных миров», необходимо помнить, что существует «возможный мир» учащегося-мигранта и «реальный мир» СОШ, причем объект вокруг концепта ЕГЭ в каждом из возможных миров коммуникантов СОШ имеет одно и то же значение, т.е. обладает основными структурообразующими признаками «возможных миров» и является жёстким десигнатором. Таким образом, существуют десигнаторы со стороны учащегося-мигранта и со стороны учителя русского языка и литературы. Если эти десигнаторы общие для всех возможных миров учащегося-мигранта и учителя русского языка и литературы, то перед нами сложные жёсткие десигнаторы, характерные для дискурса в СОШ.

Руководствуясь сложными жёсткими десигнаторами, можно составить когнитивную карту дискурса в СОШ. Когнитивная карта представляет дискурс в СОШ ещё на фатической стадии: 1) различные жёсткие десигнаторы, связанные с концептом ЕГЭ; 2) с помощью когнитивных весов Р. Аксельрода (Axelrod, 1976) можно в ходе дискурса в СОШ вокруг этого концепта дать положительную или отрицательную аксиологическую оценку того или иного жёсткого десигнатора, 3) результат дискурса в СОШ на фатической стадии может привести либо к ДС, либо к ДР. В какую сторону склонятся когнитивные веса зависит от количества и самого когнитивного веса жёстких десигнаторов, имеющих положительную или отрицательную аксиологическую оценку.

Таким образом, правильно выполненный текст и правильные осознанные ответы при устном тестировании ещё на фатической стадии могут

привести к дискурсу согласования, соответственно, неверно выстроенный дискурс в СОШ на фатической стадии — к дискурсу различий.

Литература

1. Бабушкин, А. П. «Возможные» миры в семантическом пространстве языка. — Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. — 86 с.
2. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типологии речевых жанров // Жанры речи. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 34–44.
3. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. — 2001. — №1. — С. 35–47.
4. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — М., 2003. — 90 с.
5. Кравец А. С. Жёсткий десигнатор // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. — 2001. — №2. — С. 94–127.
6. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1982. — Вып. XIII. — С. 340–376.
7. Кузнецов, О. П. Когнитивное моделирование слабо структурированных ситуаций [Электронное издание]. — Режим доступа: <http://posp.raai.org/data/posp2005/Kuznetsov/kuznetsov.html>.
8. Кушнерук, С. Л. «Мир дискурса» в аспекте когнитивного моделирования // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — №1. — С. 105–114.
9. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
10. Русский язык. 5 класс: в 2-х ч. / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова; науч. ред. Н. М. Шанский. — М.: Просвещение, 2012. — Ч. 1. — 192 с.
11. Axelrod, R. The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. — Princeton. University Press, 1976. — 405 p.

Практико-ориентированная подготовка будущих педагогов с учетом миграционных процессов в Сибирском регионе

Коршунова Вера Владимировна,

Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета

В статье рассматриваются практико-ориентированная подготовка будущих педагогов в образовательной среде федерального университета с учетом миграционных процессов на территории Сибири. Статья раскрывает особенности изменения содержания профессиональной подготовки, знакомства будущих педагогов с процедурами медиации и примирения в сфере образования с учетом требований профессионального стандарта. Определяются актуальные направления практико-ориентированной подготовки будущих педагогов, предполагающие формирование и реализацию конфликтной компетентности в процессе воспитания будущих поколений, опирающихся на культурные ценности, ставящих человеческую жизнь, благополучие и гармоничное развитие личности.

Современные социально-культурные изменения в обществе связаны с глобализационными процессами, которые затрагивают политическую, экономическую, социальную сферу деятельности государств и образование. Процессы миграции в Сибири, как и в целом в России, характеризуются формированием глобального информационного пространства, рынка труда и открытием границ образовательного пространства. Следствие миграции в Сибирь является стандартизация, направленная на соотнесение стандартов подготовки будущих педагогов с международными программами образования, обеспечение конкурентоспособности образовательных услуг, их информационной совместимости с учетом поликультурной специфики региона. Влияние миграционных потоков в Сибири на образование определяет стратегию региональной образовательной политики в части внедрения в содержание подготовки будущих педагогов контекстов, связанных с формированием конфликтной компетентности, знакомства с технологиями медиации для сферы образования.

Отметим, что в сфере образования миграционные процессы приводят к интенсивным изменениям в региональной образовательной системе, ин-

теграции уровней образования в единое пространство, с учетом поликультурной специфики региона на основе существующих образовательных традиций [1].

Глобализация и миграционные процессы предъявляют новые и значительно важные требования к университетам как центрам знаний. Вузы в разной мере подвергаются воздействиям глобализации и миграции: одни как субъекты, другие как ее объекты. Учебные программы все чаще становятся проекциями глобальных и международных перспектив [2].

Педагогическое образование является составляющей системы образования, оно занимает ведущее место в структуре образования и связано с функционированием образовательных организаций и профессиональной подготовкой будущих педагогов [3].

Практико-ориентированная подготовка будущих студентов является одним из основных концептуальных принципов, определяет современную методологию обновления содержания образования в целом, в том числе и высшего педагогического.

В ходе исследования, осуществленного при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта №18-013-00528 «Исследование медиативных практик в сфере образования для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной среде» было проведено анкетирование субъектов образовательного процесса для прояснения их отношений к технологии медиации и анализа, имеющихся результатов этой деятельности на основе практического опыта Красноярского края. Предметом исследования являлись технологии медиации в сфере образования в контексте их поликультурности, востребованности для изменения содержания практико-ориентированной подготовки будущих педагогов.

Как показали результаты исследований конфликт в образовательной среде не редкое явление, в 30% он продолжается несколько недель. При этом в 40% случаев стороны молча в напряжении и стрессе живут с конфликтом, не имея знаний, возможностей и ресурсов для его разрешения и не зная куда можно обратиться.

В 60% — «делятся» конфликтом с коллегами (используют их для разрядки накопившегося эмоционального напряжения) и в 20% — докладывают выше стоящему руководству. Отдельно отметим, что коллеги и руководство осуществляют административно-регулирующую функцию. Как правило, в эти 20% входят только конфликты с коллегами. Конфликты с обучающимися, преподавателями и родителями на обсуждение не выносятся и остаются неразрешенными (отношения нарушаются).

Из ответов респондентов видно, что конфликтов в сфере образования гораздо больше, чем возможностей их урегулировать, имея личный ресурс и различные инструкции, принятые в образовательной организации.

Именно поэтому, становится актуальным и в последнее время все чаще обсуждается вопрос о поиске возможностей разрешения конфликтов среди участников образовательного процесса с участием специалиста — посредника (медиатора).

7% респондентов указали на то, что в процедуре посредничества действует независимая нейтральная третья сторона, — посредник — которая, участвуя в переговорах, помогает найти приемлемое соглашение.

Так, например, одной из типичных трудностей — привести стороны за стол переговоров является отсутствие знаний о технологиях примирения и медиации. Отметить, тот факт, что в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по УГС «Образование и педагогические науки» отсутствуют компетенции, направленные на управление конфликтами и реализацию медиации. В какой-то мере проблема формирования конфликтной компетенции решается в процессе подготовки и переподготовки педагогов и психологов в соответствии с требованиями Профессионального стандарта [5].

В связи, с чем важным аспектом в практико-ориентированной подготовки будущего педагога выступает необходимость соответствия компетенций, получаемых студентами — будущими педагогами, потребностям регионального рынка труда в сфере образования в соответствии с требованиями профессионального стандарта педагога.

В части выполнения требований профессионального стандарта в процессе практико-ориентированной подготовки будущих педагогов является овладение ими в процессе обучения в вузе и реализации практик, предусмотренных учебным планом, овладение трудовыми функциями и понимание принципов предотвращения и решения конфликта в образовательной сфере с учетом особенностей личностного и культурного развития участников образовательного процесса.

Очевиден тот факт, что профессиональная подготовка будущих педагогов предполагает создание условий, необходимых для формирования трудовых действий в соответствии с профессиональным стандартом педагога, а так же формирование готовности и способности к реализации конфликтной компетентности для осуществления воспитания молодого поколения, опирающихся на культурные ценности, ставящие человеческую жизнь, благополучие и гармоничное развитие личности на ведущие позиции.

В Институте педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета программы бакалавриата построены по модульному принципу, которые направлены на формирование универсальных и общепрофессиональных компетенций (содержания, форм и методов обучения, контроля). Учебный модуль включает в себя: учебные дисциплины, распределенную практику, в ходе которой студенты исследуют различные аспекты будущей профессиональной деятельности, отрабаты-

вают профессиональные функции и действия в соответствии с требованиями Профессионального стандарта педагога, а так же важные компетенции, предполагающие выстраивание продуктивной коммуникации и взаимодействие участников образовательного процесса.

Профессиональные пробы будущие педагоги первоначально осуществляют в квази –формате в специально организованной образовательной среде вуза при участии партнеров — образовательных организаций (руководителей и педагогов образовательных организаций с мест практик и супервизоров из числа представителей профессионального сообщества) и других учреждений-партнеров по реализации данной программы.

В практико-ориентированном подходе практикумы и практика включает три взаимосвязанных аспекта: профессионально-педагогический, учебно-методический и психологический. В процессе практико-ориентированной подготовки будущих педагогов в вузе особое внимание уделено внедрению новых образовательных технологий и овладению студентами современными технологиями обучения и навыками научно-исследовательской деятельности.

Обязательной составляющей каждого учебного модуля является независимая процедура оценивания образовательных результатов будущих педагогов, которая включает: итоговый контроль и промежуточную аттестацию, которые в рамках основной образовательной программы могут быть представлены профессиональным тестированием, решением педагогических кейсов, защитой проектов, выполнением заданий практико-ориентированных заданий образовательного кейса, участие в образовательных событиях института.

Практико-ориентированная подготовка будущего педагога тесно связано с реализацией деятельностного подхода и проведением образовательных событий. Так, например, компетентностное испытание КВЕСТЕ выступает в качестве педагогической технологии, позволяющей организовать включенное и осмысленное наблюдение и представляет студентам осуществить пробу профессионально-проектного действия в ситуации погружения в педагогические виды деятельности [4].

В этом случае реализация практико-ориентированной подготовки будущих педагогов реализуется на основе модели формирования готовности студента педагогического бакалавриата к реализации профессиональных функций и действий на основе требований профессионального стандарта педагога с учетом поликультурной специфики Сибири.

Можно сделать вывод, что практико –ориентированная подготовка будущих педагогов в федеральном университете является инструментом обеспечения качества предоставляемых образовательных услуг, доступности информации, обязательным условием для развития поликультурного региона и позволяет совершенствовать профессиональную подготовку сту-

дентов.

При этом формирование конфликтной компетентности будущих педагогов должна обеспечивать условия эффективной реализации профессиональной педагогической деятельности образовательной организации, способствовать выстраиванию продуктивного взаимодействия с участниками образовательного процесса, партнерами и коллегами с целью обеспечения качества обучения, воспитания и развития будущих поколений в условиях поликультурного и многонационального региона.

Литература

1. Александров, Д.А., Баранова, В.В., Иванюшина В. А. Дети и родители — иммигранты во взаимодействии с российской школы // Вопросы образования. — 2012. — №1.

2. Артамонова Е. И., Ставрук М. А. Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования // Педагогическое образование и наука. — 2010. — №1. — С. 11–20.

3. Пушкарёва Е. А. Единое образование в условиях глобальных преобразований: к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2012. — №2. — С. 59–66.

4. Интеграция мигрантов в поликультурной среде сибирского региона средствами электронной платформы непрерывного образования / В. В. Коршунова, О. Г. Смолянинова, Д. О. Труфанов, Т. А. Феньвеш; отв. ред. О. Г. Смолянинова. — Красноярск: Гротеск, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-86426-208-5.

5. Практика взаимодействия сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета [Коллективная монография] / Е. А. Безызвестных, Я. М. Дайнеко, В. В. Коршунова, А. А. Машанов, Ю. В. Попова, М. В. Ростовцева, О. Г. Смолянинова, Д. О. Труфанов, Т. А. Феньвеш; отв. ред. О. Г. Смолянинова. — Красноярск: Гротеск, 2016. — 236 с. — ISBN 978-5-86426-207-8.

Концептуализация образа «Родины» в творчестве Р. Бернса

Воротилина Анна Валерьевна, Никитина Галина Сергеева, Шатрова Полина Викторовна,

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета,

Добряева Ирина Сергеевна,

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

Тема Родины является одним из центральных образов в творчестве шотландского поэта Роберта Бёрнса (1759—1796). Актуальность данной темы в его творчестве связана, с одной стороны, с тем, что в течение своей жизни поэт много путешествовал. Это были переезды в поисках работы, которые вынудили его в определенной жизненной ситуации покинуть Шотландию в поисках заработка. С другой стороны, творчество Р. Бернса находится под влиянием потери Шотландией политической независимости, когда управление страной перешло Британии, что актуализировало потребность в этническом самоопределении шотландцев. [1]

Р. Бернс, преданно воспевавший свою родину, стал символом Шотландии не только в самой стране, но и для шотландской диаспоры по всему миру. Так, 25 января, день рождения поэта — национальный праздник в Шотландии, который отмечают торжественным обедом (Burns Night или Burns supper): прославленные Бёрнсом блюда вносятся под музыку шотландской волынки, затем читаются одно из самых известных стихотворений поэта Auld Lang Syne:

Should auld acquaintance be forgot, / And never brought to mind /
Should auld acquaintance be forgot, / And auld lang syne!

Созданный Р. Бернсом образ Шотландии является элементом национальной идентификации шотландцев. Два наиболее существенных семантических измерения образа Шотландии в творчестве Р. Бернса, выделяемые в данной работе: *Расстояние и Время*.

1) *Расстояние актуализируется через триаду*: Родина — расставание — чужбина. Концептуализация данного измерения происходит через противопоставление родной страны, представленной как Природа (природные объекты, животные, растения, погода, настроение, действия) через Прощание, когда поэт вынужден ее покинуть и воспоминание о родной стране в другой стране, Чужбине, Чужому.

Расстояние концептуализируется через следующие признаки:

Природа: 1) Образ природы в поэзии Бернса представлен сельским пейзажем, это можно объяснить тем, что Шотландия в 18 веке была сельскохозяйственной страной: fruitful vales, lambkins. Человек-фермер или пахарь был в определенном смысле хозяином природы. В своем стихотворении *To a mouse* Бернс приносит природе свои извинения от лица человека за принесенный вред: I'm truly sorry man's dominion/Has broken nature's social union,...

2) охота: a-chasing the deer, following the roe, forests, wild-hanging woods

Человек — охотник связан с лесом, такими животными как олень (deer), заяц (hare): В стихотворении *The Wounded Hare*: INHUMAN man! curse on thy barb'rous art/And blasted be thy murder-aiming eye;

3) романтика: Maker art, that formed this Fair — Красавица, созданная Творцом («My native land sae far awa») — такая метаформа используется поэтом для характеристики своей страны. Часто описываются реки и берега рек, которые являются местом романтических встреч поэта: Ayr «bonie banks of Ayr», Tay «wimpling by sae clear», Devon «clear winding», «sweet Devon», Nith «sweeter flows the Nith to me» (сравнение с Темзой), bonie banks and braes. Горы также являются местом прогулки влюбленного поэта: Amang thae wild mountains shall still be my path,

4) Highlands: имеет особое значение для Шотландии, mountains, high-cover'd with snow. The hills of the Highlands for ever I love — холмы Страны Гор навсегда я люблю («My heart's in the Highlands»). Highlands –birthplace of valour the country of worth.

5) Погода: torrents, land-pouring floods, placid, azure sky.

6) Долины: straths, green valleys below, sloping dales, healthy moors and winding vales. Для описания природы используются следующие метафоры. sweeter — милее [течёт Нит], winding stream — извилистый поток, lovely — чудно, gaily — ярко [цветёт боярышник], sweetly — сладко [распускаются долины], bonie banks and braes — прекрасные берега и склоны («The Banks of Nith»).

7) Растения: символы sweet blushing flower (символ Шотландии), hawthorns gaily bloom and sweetly spread, broom.

Прощание (Farewell): «Farewell» является частотным словом в поэзии Р. Бернса, который много путешествовал по стране и за пределы страны. Поэт прощается как с людьми, так и с природой родной страны. «Farewell, my friends!» «Farewell to the Highlands»: Farewell to the Highlands, farewell to the North,

Лирический герой испытывает чувство страха: там, вдалеке, его может ждать опасность. И этому чувству противопоставляется спокойствие и ощущение безопасности, какие испытывал герой здесь, на Родине. Он не знает, чего ожидать в неведомой стране, и этому чувству содействует

описание приближающегося мрака ночного («Farewell Song To The Banks Of Ayr»). Healthy moors and winding vales (болота и извилистые долины); fatal, deadly shore (роковое смертоносное побережье), the bursting tears my heart (моё сердце разрывается).

Разлука с Родиной — вынужденная, тяжелая и грустная, но она ради Родины («My native land sae far awa»). И герой стремится к «друзьям ранних дней» (friends of early days) — родным пейзажам, растениям и животным («The banks of Nith»).

Расставание связано с такими эпитетами, как: sae far awa — такая далёкая [Родина], fairer never touch'd a heart — ничего чище, прекраснее никогда не трогало сердце [чем Родина], how true is love — как истинна любовь [к Отчизне] («My native land sae far awa»).

wayward Fortune's adverse hand — неблагоприятная рука капризной Фортуны [которая держит героя вдали от Родины]. («The banks of Nith») sad and heavy — грустно и тяжело [расставаться с Родиной]. («My native land sae far awa»).

Чужая страна: My native land sae far awa», my heart is not here. Чужбина — «The gloomy night is gath'ring fast», «fatal deadly shore», «loud roars», «death in ev'ry shape appear», «o sad and heavy, should I part», «wayward Fortune's adverse hand for ever, ever keep me here!»

— Однако, отношение к чужому в самой Шотландии описывается через следующие метафоры: with open arms the stranger hail, liberal mind (встречать незнакомцев с открытыми объятиями, либерально относиться ко всему новому).

— Чувства поэта по отношению к родине локализируются в сердце: мы находим следующие примеры со словом «heart» в текстах стихотворений: «The bursting tears my heart», «My heart in the Highlands», «My heart's in the Highlands wherever I go», «Round my heart the ties are bound», «Heart transpierc'd with many a wound».

2) *Время актуализируется через триаду*: прошлое (история) — настоящее — будущее. Концептуализация данного измерения происходит через историю страны, отраженную в названии страны, как область прошлого. Настоящее выражено символами, осуществляющими связь с прошлым. Будущее представлено как желание вернуться на Родину из скитаний в конце жизни и пожелание Родине процветания.

История: В качестве номинации образа Родина в творчестве Р. Бернса используются топонимы Каледония и Шотландия.

Caledonia: латинское название Шотландии. Происхождение связывают с названием кельтов Gael или с докельтскими племенами (каледонцы). В качестве названия к стихотворному произведению *Brave Caledonia* автор использовал старое название Шотландии — Каледония. Используя такие эпитеты, как: Brave Caledonia, bright caledonian, old Coila, автор подчерки-

вает славное прошлое родной страны, ее силу и мощь. Присутствует чувство гордости за родную страну: она лев в войне, она гордость своего рода. «A lambkin in peace, but lion in war.» Каледония здесь — это королева, правительница своих земель. Также присутствуют следующие характеристики этого образа: смелая, независимая, непокорённая, свободная (bold, independent, unconquer'd, free), когда на территорию страны нападали враги, и Каледония давала решительный отпор. В настоящее время Каледония используется для романтического/поэтического наименования Шотландии.

Шотландскую землю поэт сравнивает с английской: если последняя царственна, величественна, горда, то Родина не уступает, хоть её величие и в прошлом. Она намного милее, ближе к сердцу и прекраснее («The Banks of Nith»). Также Бёрнс пишет, что, несмотря на все скитания, его сердце всегда с Родиной («My heart's in the Highlands»).

Шотландия: Scotia — латинское географическое название, происходящее от племён Gaels. С IX в. смысл слова трансформировался и стал обозначать лишь северную часть Британии. Происхождение слова Scoti не известно. Однако данное название встречается в латинских текстах IV века, обозначая ирландскую группу, совершившую набег на Британию. Scotland — dearer, bonnie, bright, successive. my native land, Fair («of a' things Maker art, that formes this Fair», «fairer never touche'd a heart han her's»)

Столица: Сердце страны — Эдинбург (Edina), его прославляет поэт, используя красочные сравнения. Город-олицетворение всей Шотландии, он предстает величавым, с богатой историей. Столицу страны лирический герой называет Edina — обращение к далекой истории (происхождение названия города от имени короля Эдвина). Подчеркивается, что город Эдинбург и вся Шотландия имеют богатую историю. I shelter in thy honour'd shade — я укрываюсь в твоей чести («Address to Edinburgh») Heaven's beauties on my fancy shine — восхищение шотландскими девушками («Address to Edinburgh»)

EDINA! Scotia's darling seat,/All hail thy palaces and tow'rs,/Where once beneath a monarch's feet/ Sat Legislation's sov'reign pow'rs.

Символы *Лев на гербе (lion in war)* — так называет поэт Каледонию в одноименном стихотворении.

John Barley Corn: герой одноименного стихотворения Р. Бернса, который умирает, чтобы родиться вновь, тем самым ячменное зерно берет от скудной шотландской земли мужество и упорство, хранимое ею вечно. Джон — олицетворение всего шотландского народа.

Haggies: Образ Haggies- шотландского пудинга создается Р. Бернсом в его шутовском обращении к пудингу Address to Huggies. Он связан как с природой, так и с историей и настоящим. Entrails bright — яркие внутренности, rich — богатый (пудинг), distant hill — далекий холм- где Haggies ме-

тафорически сравнивается с пейзажем Шотландии («To a Haggis»). Таким образом, пудинг — еда сильных, олицетворение Шотландии.

Шотландец: 1) Как солдат выносливый, готов стоять за Родину, патриот (Bonnie Dundie (kilt). True Blue Scot — истинный неистовый шотландец, Son of Scotland — сын Шотландии 2) Гостеприимный: («Thy sons, Edina, social, kind, With open arms the stranger hail...») 3) Romantic: Шотландские девушки — прекрасны, сияют белизной, сравнение с цветком.

Будущее: Будучи разлучен со своей Родиной, поэт испытывает отрицательные эмоции, ничто не может его излечить, и он стремится к ней всем сердцем.

Таким образом, образ Шотландии концептуализируется через двойное удаление — пространственное и временное (Рис.1).

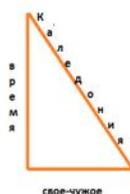

Рис 1. Модель семантических измерений образа Родины в творчестве Р. Бёрнса

Выводы:

— Родина для Р. Бёрнса — это конкретные представители шотландской флоры и фауны, пейзажи гор, долин и рек, города, национальные герои, блюда, а также история страны. Образ Шотландии концептуализируется через двойное удаление — пространственное и временное. Родина исполнена почета, доблести, величия и в то же время божественна, даёт силы, чиста и прекрасна, мила. Она является воплощением всех самых лучших качеств. Используются следующие эпитеты: honour'd land — почётная земля («The banks of Nith»), Maker art, that formed this Fair — Красавица, созданная Творцом («My native land sae far awa»).

Поэт испытывает и гордые, и нежные чувства по отношению к Родине. Будучи разлучен с нею, испытывает отрицательные эмоции, ничто не может его излечить, и он стремится к ней всем сердцем. Эмоции, как правило, вызваны расставанием с Родиной. На оси временного удаления-приближения актуализируются такие чувства и эмоции как патриотизм, гордость, вера в свои силы. На оси пространственного удаления-приближения актуальны следующие чувства и эмоции: любовь, тоска, радость. Данный образ обладает постоянством по причине неизменности прошлого. Связь с настоящим реализуется через символы. Будущее актуализиру-

ется через стремление вернуться на Родину в конце жизни и пожелания Родине процветания.

Литература

1. Бернс, Р. Стихотворения [Текст] / Р. Бернс; [сост. И. М. Левидова; — Москва: Радуга, 1982. — 701 с.
2. Burns, R. The Collected Poems of Robert Burns [Текст] / R. Burns; intr. T. Burke. — Ware: Wordsworth Poetry Library, 2008. — 600 p.
3. Burns, R. The Works of Robert Burns [Текст]: with an Introduction and Bibliography / R. Burns. — Ware: Wordsworth Editions Limited, 1994. — 635 p.

**Часть 4. Этнокультурная
динамика и этническая
мобильность в XXI веке**

Крайние проявления миграционного языкового контакта и их воздействие на этническое самосознание

Шмальц Марк Евгеньевич,

PhD, научный сотрудник Института общего языкознания и языковой типологии Университета им. Иоганна Гутенберга, г. Майнц (ФРГ)

О языковом контакте принято говорить, когда в данном месте и в данное время группа индивидуумов прибегает к употреблению более чем одного языка в быту [1, с. 1]. Очевидно, что всякий определяемый таким образом языковой контакт подразумевает миграцию, или переселение народов, поскольку едва ли можно представить себе, чтобы два народа пребывали в языковом контакте друг с другом изначально.

Языковой контакт может приобретать самые разнообразные формы, начиная от заимствования отдельных слов и кончая заимствованием отдельных морфологических показателей или даже целых парадигм. Последнее может уже в известном смысле рассматриваться как крайнее проявление языкового контакта, так как происходит чрезвычайно редко. В качестве примера может послужить показатель предположительного наклонения якутского языка, заимствованный ламунхинским диалектом эвенского языка вместе с соответствующими личными окончаниями [2, с. 291], сузивший, однако, в последнем свою функцию до эмфазы, которая помимо собственно модальной функции свойственна этому показателю и в якутском языке:

(1)	якутский	ламунхинский диалект эвенского
	"идти"	"знать"
1л. ед. ч.	<i>бар-даб-ым</i>	<i>һаа-й-дагим</i>
2л. ед. ч.	<i>бар-даб-ын</i>	<i>һаа-й-дагин</i>
3л. ед. ч.	<i>бар-даб-а</i>	<i>һаа-й-дага</i>
1л. мн. ч.	<i>бар-дах-ыт</i>	<i>һаа-й-дакит</i>
2л. мн. ч.	<i>бар-дах-хыт</i>	<i>һаа-й-дакит</i>
3л. мн. ч.	<i>бар-дах-тара</i>	<i>һаа-й-дактара</i>

Табл.1. Показатель предположительного наклона якутского языка, заимствованный ламунхинским диалектом эвенского языка вместе с соответствующими личными окончаниями

Такие последствия языкового контакта, какими бы впечатляющими с лингвистической точки зрения они ни были, не могут, однако, привести к переосмыслению этнической принадлежности или каким бы то ни было иным образом отразиться на этническом самосознании. Чтобы это произошло, изменения в языке должны быть более глубокими. К ним относятся возникновение смешанных языков¹ и «языковой сдвиг». Первое представляет собой частичное, однако систематическое, уподобление одного языка другому в области словарного фонда и/или грамматического строя. Второе характеризуется отмиранием одного из языков, подверженных контакту, вследствие перехода его носителей к исключительному употреблению иного языка. Смешанные языки будут рассмотрены ниже на примере языка медновских алеутов, североамериканского языка мичиф и южноамериканского языка медиа ленгуа. Языковой сдвиг будет представлен языком тундренных юкагиров.

С точки зрения сравнительного языкознания, смешанный язык можно более точно определить как «язык, чьи грамматическая и лексическая подсистемы восходят к более чем одному языку» [3, с. 21]. Язык медновских алеутов представляет собой смесь аттуанского диалекта алеутского языка с русским языком. Смешанный характер языка наиболее ярко проявляется в личных формах глаголов, которые образованы алеутскими корнями и русскими окончаниями [4]. Язык мичиф сочетает в себе именную группу, построенную по правилам французского языка, и глагольную группу, строение которой подчиняется правилам грамматики языка кри [5]. Язык медиа ленгуа характеризуется практически полным замещением туземной лексики испанской и сохранением грамматического строя языка кечуа [6].

Таким образом обсуждаемые три языка отличаются друг от друга по глубине взаимопроникновения и природе смешения. В языке медиа ленгуа водораздел проходит между лексикой и грамматикой, оставляя эти две подсистемы, если пренебречь немногими исключениями в области лексики, однородными. В языке мичиф наблюдается обусловленное синтаксическими соображениями смешение лексики, в то время как в языке медновских алеутов смешение затрагивает в том числе и морфологиче-

---

¹ Предметом данных тезисов являются только смешанные языки билингов, то есть людей одинаково хорошо владеющих двумя языками. Такие языки представляют собой особый и редкий случай смешанных языков, наиболее широко представленных разнообразными пиджинами и креолами, и потому особенно интересны.

ский уровень.

Во всех трёх случаях с окончательным укоренением соответствующего языкового узуса отмечается стремление носителей данных смешанных языков, для которых он становится родным, к обособлению от обеих этнических групп, положивших начало развитию этих языков, и становлению (суб) этносов на их основе. Такому обособлению с последующим переосмыслением этнической принадлежности способствовала неспособность носителей исходных языков понимать смешанные языки, в то время как носители последних в той или иной степени владели исходными языками. Следствием явилось употребление смешанных языков либо исключительно в среде его носителей, либо в качестве тайного языка, повлекшее за собой постепенное выделение его носителей в особую социолингвистическую группу, что также подстёгивало изменения в понимании своего этнического самосознания. Так медновские креолы, потомки русских промышленников и алеутских женщин находились на особом общественном положении, закреплённом в актах Российско-Американской компании, которое было ниже, чем у собственно русских, но выше, нежели у алеутов [4, с. 117]. В отличие от медновских алеутов, метисы, говорившие на языке мичиф, и уже в последней четверти XIX века отличающиеся от метисов-франкофонов по роду деятельности (первые занимались охотой на бизонов, вторые возделывали землю), а по языковым признакам — от индейцев кри, оказались на низшей ступени социальной лестницы. В соответствии с канадскими законами им не разрешается жить в индейских резервациях, не состоя в браке с индейцем. Они также лишены некоторых прав, которыми наделены индейцы, как то: права на бесплатное обучение и бесплатные медицинские услуги, права на жилищные субсидии и освобождение от налогов [7, 59– 61]. Положение языка медиа ленгуа отлично по крайней мере по двум причинам. Во-первых, его носители являются не потомками смешанных браков, а индейцами кечуа. Во-вторых, образованию этого языка и обособлению его носителей в субэтнос способствовало не присвоение им особого общественного положения извне, а скорее наличие особых предпосылок экономического и культурного характера которые, в свою очередь, происходили из географического положения, промежуточного между испаноязычными общинами и общинами, в которых употреблялся только язык кечуа [6, с. 375–376].

Нужно сказать, что возникновению смешанных языков не всегда сопутствует переосмысление этнической принадлежности. В некоторых случаях смешанный язык является следствием нежелания подвергнуться полной культурно-лингвистической ассимиляции. Это применимо, например, к языку маа, на котором говорят потомки скотоводов, прибывших несколько сотен лет назад в места проживания народов, говорящих на языках банту. С тех пор как начали производиться описания языка маа, количество

структурно-грамматических признаков, не свойственных языкам банту, в нём неуклонно сокращалось. Однако до сих пор значительная часть словарного фонда маа, в первую очередь общеупотребительные слова, по своему происхождению — кушитские [1, с. 199–200].

Более очевидной и естественной, если не сказать насущной, причиной изменения самоидентификации является языковой сдвиг, или всеобъемлющий переход к употреблению иного языка. В случае с языком тундренных юкагиров, который сопровождался языковым сдвигом, отмечается, однако, парадоксальная ситуация: подавляющее большинство современных носителей этого языка, которые исчисляются несколькими десятками, являются ныне потомками двух тунгусских, по видимому эвенских, родов, как раз и претерпевших языковой сдвиг. Следует отметить, что юкагиризованные, т. е. уже юкагироязычные, тунгусы Нижней Колымы существенно превосходили численно собственно юкагирское население этой области уже в середине XIX века: 438 против 157 человек [8, с. 89–94]. Почти трое из четырёх юкагиров происходили, таким образом, из тунгусов. Произошла по сути дела подмена одного этноса другим, вызванная языковым сдвигом. Решающее значение языка для самоидентификации тундренных юкагиров подтверждается тем, что несмотря на наличие преданий о тунгусском прошлом, они заявляли, что их язык — одульский, а сами они — одулы (самоназвание юкагиров, *прим. М. Е. Шмальца*). Объективности ради необходимо, однако, сказать, что переосмысление языковой принадлежности не является необходимым следствием языкового сдвига. Один из наиболее очевидных тому примеров — англоязычные представители кельтских народов.

Подводя итог, можно сказать что крайние проявления языкового контакта могут по-разному отразиться на этнической самоидентификации. Если контакт ведёт к возникновению смешанного языка, это сопровождается либо появлением нового (суб) этноса, либо консервацией уже имеющегося этноса. Языковой сдвиг может остаться либо без последствий для этнического самосознания, либо вылиться в переосмысление себя в качестве представителей иного, уже существующего этноса. Выявить закономерности этих явлений, а точнее, научиться предсказывать исход столь интенсивного языкового контакта — задача достойная, в том числе и в связи с повсеместно усилившейся миграцией, внимания современной социолингвистики и культурологии.

Литература

1. Thomason, Sarah G. *Language Contact: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
2. Pakendorf, B. Paradigm Copying in Tungusic: The Lamunkhin Dialect of Even and Beyond. // *Paradigm Change: In the Transeurasian Languages and*

Beyond. / Eds. M. Robbeets and W. Bisang. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 287 – 310.

3. Thomason, S. G. 2003. Social Factors and Linguistic Processes in the Emergence of Stable Mixed Languages. // *The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances.* / Eds. Y. Matras and P. Bakker. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 21 – 39.

4. Головкин, Е. В. Медновских алеутов язык. // *Языки мира. Палеоазиатские языки.* / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Индрик, 1996. С. 117 – 125.

5. Bakker, P and Papen Robert A. Michif: A Mixed Language based on Cree and French. // *Contact Languages. A Wider Perspective.* / Ed. Sarah G. Thomason, 1997. 295 – 363.

6. Muysken, P. Media Lengua. // *Contact Languages. A Wider Perspective.* / Ed. Sarah G. Thomason, 1997. 365 – 426.

7. Bakker, P. A language of Our Own. The Genesis of Michif, the Mixed Cree-French Language of the Canadian Métis. New-York: Oxford University Press. 1997.

8. Иохельсон, В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука. 2005 [1926].

Научные подходы к понятию «этническая культурная идентичность»

Середкина Наталья Николаевна,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

В научной литературе, посвященной этнической проблематике, принято использовать понятия «этническая идентичность» и «культурная идентичность» как самостоятельные категории. В антропологическом словаре, изданном в 1986 году, данные понятия впервые представлены в словарной статье к понятию «идентичность» и имеют достаточно короткое пояснение: «In the social sciences, the term (identity) has also been extended to encompass *social identity, cultural identity and ethnic identity, terms which refer to the identification of self with a specific social position, cultural tradition, or ETHNIC GROUP*» [1, с. 145]. Этническая и культурная идентичности определяются в данном определении как процесс идентификации индивида с определенной этнической группой или культурными традициями соответственно. В это же время, с возросшим интересом к исследованию культуры в аспекте этнической проблематики, в научный оборот входит понятие «этническая культурная идентичность», анализ содержания которого составляет цель данного исследования.

Первые попытки обоснования взаимосвязи этнической идентичности и культуры наметились в 80-90-е годы XX века в области культурной антропологии. На основе психокультурного подхода Дж. Де Вос разработал понятийную структуру, связывающую воедино понятия «Я», «этническая идентичность», «культура» [2]. Важным моментом в концепции Де Воса является теоретическая разработка форм проявления концепции «я». Форма в данном случае понимается как ориентация человека на временной период развития общества. Это может быть ориентация на настоящее (как индивида с определенным социоэкономическим статусом), на будущее (как приверженца какой-либо идеологии в светской или религиозной форме), на прошлое, т.е. на какую-либо определенную форму этнической идентичности. Рассуждая об ориентации на прошлое, Де Вос обращается к феномену культуры этнической группы, которая выступает в качестве неотъемлемой части настоящего и будущего. Образы прошлых эпох становятся средством конструирования «идеала будущего». Эти образы воплощены в культурных традициях, к которым относятся народные религиозные верования и обря-

ды, язык, чувство исторической преемственности, общее родство и место происхождения. Этот комплекс традиций, его содержание уникален для каждой отдельной этнической группы и он придает смысл существованию человека. Де Вос таким образом обосновывает почти тождественность содержания понятий «этническая идентичность» и «культура».

Особое место среди различных форм культуры этнических сообществ занимает художественная культура. Произведения национального искусства воплощают такие образы, которые способны влиять на формирование у индивида и общества в целом определенное отношение к данной этнической группе. Как правило, это обращение к изображению мотивов, связанных с традиционными мировоззренческими представлениями этноса, в том числе религиозным. Кроме того, художники обращаются к изображению представителей своего этноса, традиционных видов деятельности, мифологических и исторических сюжетов. Учитывая широкие конструктивистские возможности национальной художественной культуры, исследователи обращаются к анализу различных форм культуры (произведений декоративно-прикладного искусства [3], национального изобразительного искусства [4, 5], фольклора [6]). Культура в данном случае понимается как знаковая система, воплощающая первичные этнокультурные ценности и потому способствующая формированию у индивида той или иной формы этнической идентичности — позитивной или негативной. Среди различных социальных функций, которые несет в себе художественная культура, произведение искусства в частности, особенно «актуальной является функция производства, сохранения и трансляции культурных ценностей, особо сложное эмоционально-рациональное отношение к которым, формирует национальную и локальную идентичность» [6, с. 1]. Сфера культуры, таким образом, приобретает новую интерпретацию своего предназначения. Она «превращается в пространство, где складывается, возрастает или уменьшается культурная идентичность данного конкретного социального организма» [там же].

В последние десятилетия широко применяются практики конструирования и репрезентации этнической идентичности с помощью содержания и форм советских и постсоветских культурных практик [7]. Актуальными являются такие общественно-культурные «поля», как организация национальных празднеств, поддержка национального телевидения, использование интернет технологий, социальных сетей, которые представляют собой символическое пространство манифестации образа этнокультурной группы. Посредством данных форм культуры воспроизводится и манифестируется этническая идентичность. В результате контент-анализа социальной сети «ВКонтакте» выявлено, например, что большинство групп коренных народов Сибири идентифицируют себя в сети посредством самоназвания (46%), а также подчеркивая в названии группы сопричастность к террито-

рии проживания или же места своего происхождения (31%). Одной их стратегий манифестации этноса служит также представление личности из числа этнической группы, внесшей определенный вклад в развитие культуры, и являющейся таким образом неким культурным героем. Меньшее число групп позиционирует себя как носители родного языка (3%). Одним словом, можно заключить, что понятие «этническая культурная идентичность» подчеркивает влияние различных форм культуры, как традиционных, так и современных, на формирование у индивида и общества этнической идентичности.

Отечественный ученый А. А. Белик разделяет позицию Де Воса относительно связи культурной этнической идентичности с сознательным и бессознательным факторами индивида. Основой культурной этнической идентичности, таким образом, признается аффективно-замещающая связь (привязанность) человека с культурой и образом малой родины. Привязанность к культуре закладывается у человека в процессе энкультурации, вхождения индивида в культуру в детстве. Иногда данный процесс может затрагивать и юность. Именно данный процесс дает человеку базовую идентичность. Дальнейший выбор идентичности осуществляется в зрелом возрасте и может быть представлен в разных формах: при переходе в другую конфессию (обращение в другую религию), при переезде в другую страну, при полном принятии новой культуры или возможном сохранении старой в диаспоре вместе с освоением новой, при изменении повседневной культуры (при переезде из деревни в город и, наоборот, из города в деревню) [2]. В данном случае этническая культурная идентичность трансформируется во множественную этническую идентичность, демонстрируя приверженность индивида к двум и более этническим культурам.

Таким образом, понятие «этническая культурная идентичность» отражает взаимосвязь культуры и этнической идентичности индивида, как на бессознательном, так и сознательном уровнях. На основе имеющихся научных подходов к пониманию феномена «этническая культурная идентичность», можно предложить следующее авторское определение данному понятию: *этническая культурная идентичность — это особый ментальный конструкт, формирующийся индивидом под влиянием различных практик, как традиционной этнической культуры, так и современной, и способствующий идентификации индивида себя как члена конкретной этнической культуры или культур.*

Литература

1. Seymour-Smith, C. Macmillan dictionary of anthropology / C. Seymour-Smith. — London and Basingstoke: Macmillan Press Ltd, 1986. — 305 с.
2. Белик, А. А. Культурная (социальная) антропология / А. А. Белик. — Москва: РГГУ, 2009. — 613 с.
3. Либакова, Н. М. Формирование позитивной этнической идентично-

сти индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) / Н. М. Лобакова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — №1—1. — С. 1887.

4. Павлова, Е. Ю. Этническая тема в современном искусстве и народные промыслы Западной Сибири / Е. Ю. Павлова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2007. — №3. — С. 74–77.

5. Копцева, Н. П. Национальное изобразительное искусство в процессе формирования и сохранения этнической идентичности коренных малочисленных народов (на примере хакасского изобразительного искусства) / Н. П. Копцева, Н. Н. Неволько // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2012. — Т. 5. — №8. — С. 1179–1198.

6. Копцева, Н. П. Формирование этнической культурной идентичности в современной России с помощью произведений национального искусства (на примере эвенкийского эпоса и декоративно-прикладного искусства) / Н. П. Копцева, Н. Н. Неволько, К. В. Резникова // Педагогика искусства. — 2013. — №1. — С. 1–15.

7. Копцева, Н. П. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири / Н. П. Копцева // Социодинамика. — 2014. — №6. — С.1–27.

К вопросу о возможности существования отдельной отрасли миграционного права в правовой системе России сегодня

*Гришин Виктор Сергеевич,
Юридический институт Сибирского федерального университета*

Российское миграционное законодательство имеет достаточно продолжительную историю. На протяжении многих лет история миграции на территории российского государства была незначительной. Миграционного права как такового не существовало, а отдельные миграционные нормы были слабо развиты. Существующие на то время нормы, регулирующие миграцию значительно ограничивали свободу передвижения, как внутри страны, так и за ее пределами. В Российской империи до отмены крепостного права в 1861 году большая часть населения и вовсе была лишена свободы передвижения, а для другой существовали определенные ограничения. Жить повсеместно и свободно позволялось лишь определенным сословиям, например, жалованная грамота городам 1785 года предоставила купечеству монополию на торговую деятельность. Купцы первой гильдии могли вести заграничную торговлю, владеть морскими судами, и имели право свободного передвижения по стране — так называемую «паспортную льготу». Таким образом, большинство миграционных процессов того времени являлись вынужденным бегством в пределах государства или отдельных административно-территориальных единиц и носили вынужденный и ничем не регулируемый характер.

После Октябрьской революции 1917 года в Советском союзе получил свое развитие институт «прописки», если говорить юридически верно, то институт регистрации по месту постоянного проживания — государственная система контроля миграции населения, сложившаяся в Российской империи, получившая развитие и широкое применение в СССР, основной принцип которой заключается в жёсткой привязке граждан к их постоянному месту жительства. Установленный порядок прописки требовал на усмотрение административных органов разрешение на проживание и, соответственно, устройство на работу и учёбу, регистрации актов гражданского состояния. Эмиграционные процессы и вовсе были осложнены. Выехать за пределы страны формально можно было свободно, но в действи-

тельности получить все необходимые документы и разрешения для выезда за границу было затруднительно.

Новый этап развития миграционного законодательства начался после прекращения существования Советского союза в 1991 году.

На сегодняшний день в юридической науке нет единого мнения о месте и роли миграционного права в системе российского законодательства. Нет и определенной точки зрения о наличии или отсутствии миграционного права как отдельной отрасли права. Некоторые ученые уже сегодня признают существование такой отрасли российского законодательства, как миграционное право. Такими учеными выступают Баранов В. М. и А. С. Шириков, которые выделяют миграционное право в качестве самостоятельной отрасли права [1].

Об актуальности и необходимости серьезной работы и анализа миграционного законодательства говорит и Н. Н. Троицкий, который утверждает, что непрерывное увеличение числа мигрантов, усложнение правоотношений, в которые они вступают, расширение круга их участников, а также увеличение совершаемых мигрантами правонарушений вынуждают ставить вопрос о разработке в рамках системы российского законодательства самостоятельной отрасли — миграционного права [2]. Подобную точку зрения разделяет и М. Р. Вокулеев, в свое диссертационном исследовании он выделяет миграционное право в качестве самостоятельной отрасли права [3].

Но не все ученые разделяют вышеуказанную точку зрения, например, Сандугей А. Н. говорит о том, что миграционное право есть лишь подотрасль административного права [4].

Но существует и третья, промежуточная точка зрения, которая является не столь категоричной как вышеизложенные. Данной точки зрения придерживаются такие ученые как Л. В. Андриенко и И. В. Плюгина. Кроме того, данную точку зрения лучше всего выразила Т. Я. Хабриева, которая убеждена, что миграционное право есть не отдельная отрасль права, а комплексный межотраслевой институт, который регулирует миграционные процессы и связанные с ними организационные отношения, возникающие в связи с осуществлением контроля и надзора над перемещения мигрантов через границу государства или в пределах территории Российской Федерации, а также статус мигранта, отношения, связанные с осуществлением государственных услуг в сфере миграции, иные взаимоотношения между мигрантами и государственными органами [5]. Обосновывая свою точку зрения, Т. Я. Хабриева говорит о том, что на сегодняшний день миграционное право представляет собой своеобразный комплекс норм различных отраслей права, но в то же время автор не отрицает, что формирование миграционного права активно продолжается и в ближайшем будущем не исключено, что различные, разрозненные нормы миграционного права станут единым

комплексом правовых норм одной, отдельной и обособленной отрасли права — миграционного права. Также не отрицается тот факт, что сегодня идет процесс создания новой отрасли права — миграционного права, и признают, что в перспективе есть все предпосылки создания новой отрасли права [6]. Такого мнения придерживаются М. Г. Арутюнов, Н. А. Воронина, М. А. Демидов, Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев, Е. И. Филиппова, А. Ю. Ястребова и другие [7].

Таким образом, становится очевидным, что сама возможность появления отдельной отрасли права — миграционное право в значительной степени остается дискуссионным вопросом. Даже вопрос о формировании новых структурных образований в отечественной юридической науке является дискуссионным.

Проблемы системы права всегда составляли фундаментальную часть теории права, имеющую не только теоретическую значимость. Юридическая доктрина призвана предопределить задачи нормотворческой деятельности, с тем чтобы российское право функционировало в качестве органичного целого. В соответствии со строением права проводится систематизация и кодификация законодательства, устраняются несогласованности и противоречия в нем, решаются многие вопросы применения права, совершенствуется юридическая техника.

На современном этапе наука о теории государства и права определяет, что отрасль права — это система принципов и норм, регулирующих однородные общественные отношения. Отрасль — это наиболее крупное подразделение системы права. Каждая отрасль права имеет свой круг регулируемых общественных отношений, иначе говоря предмет регулирования, что дает возможность отличать одну отрасль от другой.

Другим критерием, позволяющим выделять отрасли в системе права служит метод правового регулирования. Под методом понимается совокупность приемов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [8].

Предмет правового регулирования является первоочередным, но не единственным фактором, который предопределяет возможность формирование отдельной отрасли права. Кроме того, весьма важен и особый метод правового регулирования. Сегодня миграционное право не обладает своеобразными методом и механизмом правового регулирования. При детальном анализе миграционного законодательства становится очевидным, что оно в большей степени ориентировано на императивный метод регулирования общественных отношений. С ним связан и сам механизм правового регулирования миграционных правоотношений.

Сейчас нельзя обнаружить и механизм регулирования, который был бы специфичным именно для миграционного законодательства, а в перспективе отдельной отрасли — миграционного права. Миграцион-

ное законодательство на сегодняшний день не имеет собственных средств охраны и защиты регулируемых отношений, защита и охрана осуществляется при помощи ответственности, предусмотренной уголовным и административным правом. Ответственность за нарушение миграционного законодательства установлена в Уголовном кодексе в ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ. Кроме того, ответственность за нарушение норм миграционного законодательства содержится и в административном праве, в КоАП РФ такая ответственность закреплена в главе 18, которая содержит в частности ст. 18.8, 18.9, 18.10, 18.11 КоАП РФ.

В заключении справедливо будет отметить тот факт, что на просторах бывшего СССР не в одной стране за исключением Азербайджанской Республики нет единого кодифицированного нормативного правового акта, который регулировал бы миграционные правоотношения и миграционное право в целом. 01.08.2013 вступил в силу единый Миграционный кодекс Азербайджанской Республики. В остальных странах, в частности Республиках Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, а Туркменистане и Киргизской Республике нет единого Миграционного кодекса, а сфера миграционных правоотношений регулируется различными нормативными правовыми актами различных уровней [9].

Исходя из вышеизложенного становится предельно ясно, что миграционное законодательство развивается достаточно хаотично, характеризуется сложностью и неоднозначностью нормативных положений, отсылочными нормами, большой долей подзаконных актов. На сегодняшний день признанию миграционного права в качестве отдельной, обособленной отрасли права препятствуют объективные обстоятельства, а именно неполноценность комплекса системообразующих для отдельной отрасли права факторов. Из этого можно сделать вывод о том, что миграционное законодательство на сегодняшний день не выступает отдельной отраслью российской правовой системы, но имеет все предпосылки для формирования в отдельную отрасль права, которая будет регулировать миграционные процессы и миграционную политику государства. Исследования проблемы обособления миграционного права в системе права Российской Федерации должны продолжаться, и только в этом случае возможно формирование новой, обособленной, полноценной отрасли российской права — миграционного права России.

Литература

1. Баранов В. М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты: Сборник статей / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2004. С. 48. А. С. Шириков выделяет как самостоятельную

отрасль права иммиграционное право (см.: Права беженцев и перемещенных лиц и их обеспечение по международному гуманитарному праву: Сборник тезисов. Волгоград, 2001). С. 28 — 30;

2. Тоцкий Н. Н. Введение в миграционное право / Отв. ред. Н. А. Михалева. М., 1999. С. 9 — 10. См. также: Федосеева Н. Н., Филимонова Е. В. Становление и основные проблемы миграционного права в Российской Федерации. URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?art=949&id=25>;

3. Вокуев М. Р. Миграционное право современной России: теоретико-правовой анализ: Дис. ... к.ю. н. Ростов н/Д, 2006;

4. Сандугей А. Н. Некоторые теоретические вопросы миграционного права России в отечественной правовой системе // Российский следователь. 2008. N 23. С. 37 — 39;

5. Хабриева Т. Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. N 11;

6. Хабриева Т. Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. 2006. N 7; Хабриева Т. Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. N 11; Хабриева Т. Я. Миграционное право России: теория и практика. М., 2008. С. 3 — 14;

7. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Динамика развития миграционного законодательства в современной России // Журнал российского права. 2010. N 10. С. 12 — 24;

8. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник — М.: РИОР: ИНФА-М, 2015 — 559 с. С — 298—303;

9. Международное право и миграционное законодательство стран СНГ (историко-правовой анализ): монография / институт государства и права РАН. — М.: Издательский дом ГУУ, 2015. — 303 с. С — 110—255.

Правовой аспект саморегулируемых организаций

Иванова Яна Эдуардовна,

Сибирский института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

С принятием Федерального закона «О саморегулируемых организациях»¹ существующий вот уже 15 лет институт саморегулирования в предпринимательских отношениях обрел легальный статус.

Список саморегулируемых организаций достаточно широк и охватывает многочисленные сферы и отрасли народного хозяйства страны. Перечислять их не имеет смысла, поскольку список довольно внушительный. Фактически, исходя из законодательного определения, саморегулируемым является весь многочисленный круг некоммерческих организаций (ассоциаций, союзов, некоммерческих партнерств и т.п.), созданных в соответствии с целями закона и объединяющих в качестве своих членов не менее двадцати пяти субъектов предпринимательской деятельности или не менее ста субъектов профессиональной деятельности определенного вида. Основная цель их создания — регулирование и обеспечение деятельности профессионалов в том или ином сегменте предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что российская юридическая наука достаточно скептически настроена по отношению к саморегулируемым организациям и возможности защиты ими прав предпринимателей.² Многие специалисты считают саморегулируемые организации дополнительным барьером при осуществлении предпринимательской деятельности. Полагают, что они вряд ли вскоре заменят государственное регулирование экономики и тем более государственный судебный порядок разрешения споров и защиты

---

¹ Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [Электронный ресурс]: [веб-сайт]. — Электрон. дан. — URL: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/]

² Петров, Д. Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства / Д. Петров // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. — 2009. — N 3 / Под ред. д.ю. н. В.Ф. Попондопуло. СПб.: Юридическая книга, 2010. — Доступ из информационно — аналитической системы научного цитирования «ScienceIndex» — Режим доступа: [<https://elibrary.ru/item.asp?id=15192340>], свободный из локальной системы Сиб. ин-та управления РАНХиГС (дата обращения: 03.09.2018 г.).

прав предпринимателей.

Другие авторы, напротив, отмечают слишком широкий объем полномочий, сконцентрированных у саморегулируемых организаций. Они полагают, что передача отдельных функций федеральных органов исполнительной власти саморегулируемым организациям без отработки надлежащей системы контроля со стороны государства несколько преждевременна и приводит не только к ущемлению прав профессиональных участников — членов организаций, но и к снижению эффективности государственного контроля.¹

С такой позицией следует согласиться. Как показала правоприменительная практика, ряд саморегулируемых организаций, членство в которых является для предпринимателей обязательным, превратили реализацию своих первейших функций — контроль за деятельностью своих членов и содействие им в реализации предпринимательской деятельности — в своеобразную вотчину. Занимаясь «трудоустройством» приближенных «к телу» членов, руководство ряда саморегулируемых организаций сделало из этого де-факто бизнес.

Внесение поправок в действующее законодательство давно назрело. Если государство заинтересовано в дальнейшем расширении этого крайне необходимого по своей сути и содержанию института, уходе от формализма и бюрократии в работе саморегулируемых организаций, требуется направить деятельность саморегулируемых организаций (прежде всего по отношению к их членам) в очень жесткие рамки закона. Принцип независимости членов саморегулируемых организаций и ее участников должен строго соблюдаться и реализовываться в повседневной профессиональной деятельности СРО. При этом законодатель должен четко определить круг полномочий саморегулируемой организации и установить постоянный и действенный контроль за их деятельностью со стороны регулирующих органов.

Закон должен исходить из того, что членство в саморегулируемых организациях должно быть выгодно предпринимателям, предоставлять целый ряд преимуществ, содействовать развитию бизнеса. В этом случае сами предприниматели будут заинтересованы в создании организаций, саморегулирование будет инициироваться «снизу», а не «насаждаться» сверху по указке законодателя.

Поэтому вступление в саморегулируемую организацию, за редким ис-

---

¹ Петров, Д. Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства / Д. Петров // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. — 2009. — № 3 / Под ред. д.ю. н. В.Ф. Попондопуло. СПб.: Юридическая книга, 2010. — Доступ из информационно — аналитической системы научного цитирования «ScienceIndex» — Режим доступа: [<https://elibrary.ru/item.asp?id=15192340>], свободный из локальной системы Сиб. ин-та управления РАНХиГС (дата обращения: 03.09.2018 г.).

ключением (адвокаты, нотариусы), не должно быть обязательным. В противном случае участие в саморегулируемых организациях превращается в принудительный акт. В порядке исключения в отдельных видах деятельности, связанных в основном с осуществлением публично-правовых функций, в соответствии с действующим законодательством членство в саморегулируемой организации может носить характер допуска к профессии, как это имеет место в отношении регистраторов и специализированных депозитариев. Однако и в этом случае целесообразно дать право не вступать в саморегулируемую организацию, а осуществлять профессиональную деятельность самостоятельно.

Никто не отрицает тот факт, что жизнеспособность саморегулируемых организаций всецело зависит от того, в какой мере они смогут отстаивать и защищать интересы предпринимателей, не сливаясь с государственными органами. Главенствующим принципом их создания должен стать не принцип контроля и регулирования деятельности членов организации, не «допуск к профессии» наиболее лояльных к руководству их участников, а принцип содействия в предпринимательстве и защиты прав и законных интересов своих членов.

Следует отметить, что зачастую предприниматель не проявляет должной принципиальности в защите своих прав из-за понимания собственной уязвимости и ощущения своего бессилия перед безжалостной чиновничьей машиной. Разобщенность предпринимателей не позволяет им эффективно отстаивать свои интересы в реализации предпринимательской деятельности и действительно бороться с чиновничьим произволом. Именно в этой связи очень важна роль саморегулируемых организаций в защите прав предпринимателей. Стимулы для осуществления подобной деятельности СРО должны быть установлены законодательно — не только «контроль», «дисциплинарное воздействие», «отчеты» (ст. 6 Закона)¹, но и поддержка, защита, содействие.

В структуре саморегулируемых организаций должны быть созданы так называемые отделы правовой защиты, оказывающие предпринимателям услуги в вопросах получения лицензий, заключений, осуществления экспертиз и т. п. Эти центры смогут давать правовую оценку действиям проверяющих органов, осуществлять судебную защиту, досудебное урегулирование споров, пресекать случаи возможных попыток, так называемого, рейдерства.

Необходимо проводить первоначальный анализ нормативно-правовой базы на основании обращений предпринимателей. Если очевидна чрезмерность требований данной нормы и невозможность ее соблюдения

---

¹ Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [Электронный ресурс]: [веб-сайт]. — Электрон. дан. — URL: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/]

при ведении законной предпринимательской деятельности, возможно осуществление обращений в вышестоящие инстанции федеральных органов исполнительной власти, вплоть до Межведомственной комиссии Правительства Российской Федерации по ограничению административных барьеров. При наличии злоупотреблений со стороны должностных лиц, осуществляющих проверки, вымогательств со стороны «псевдопотребительских» организаций, использующих свой статус в целях получения «отступных», по обращению саморегулируемых организаций такие прецеденты должны рассматриваться ведомствами, допустившими злоупотребления. А при их нежелании пресечь нарушения со стороны своих сотрудников вопрос должен выноситься на разрешение судебных органов. В этой связи важно предоставить саморегулируемой организации право знакомиться со всеми материалами дел, которые ведут ее члены, с одновременным возложением на организацию ответственности за разглашение сведений.

К сожалению, основная масса предпринимателей, а особенно представителей малого бизнеса, не проводит мониторинга законодательства и зачастую просто не осведомлена о своих правах и обязанностях. Эффективной системы ознакомления с действующим законодательством (ввиду неразвитости самоорганизации бизнеса и невнимания чиновников к проблемам и интересам предпринимателей, порой не заинтересованных в том, чтобы субъекты бизнеса больше пользовались своими правами) в России пока не существует. В этой связи очень актуально регулярное и своевременное ознакомление членов саморегулируемых организаций с принимаемыми законами и отраслевыми нормативно-правовыми актами, регулирующими соответствующую профессиональную сферу. Постоянные контакты с предпринимателями — членами СРО, проведение консультаций и семинаров должны стать обычным стилем работы руководства саморегулируемых организаций.

Действующий Федеральный закон «О саморегулируемых организациях»¹, хотя и регламентирует, но не предусматривает действенных механизмов защиты прав и интересов предпринимателей — членов саморегулируемых организаций. На практике коллизионность норм Закона зачастую создает лишь дополнительные трудности в развитии саморегулирования. Расширение функций саморегулируемых организаций в вопросах представления интересов своих членов позволит снять множество административных барьеров с предпринимателей, сократит коррупционное давление на бизнес, создаст наиболее благоприятные условия для самоочищения бизнеса.

---

¹ Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [Электронный ресурс]: [веб-сайт]. — Электрон. дан. — URL: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/]

Литература

1. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [Электронный ресурс]: [веб-сайт]. — Электрон. дан. — URL: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/]
2. Петров, Д. Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства / Д. Петров // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. — 2009. — N 3 / Под ред. д.ю. н. В.Ф. Попондопуло. СПб.: Юридическая книга, 2010.— Доступ из информационно — аналитической системы научного цитирования «ScienceIndex» — Режим доступа: [<https://elibrary.ru/item.asp?id=15192340>], свободный из локальной системы Сиб. ин-та управления РАНХиГС (дата обращения: 03.09.2018 г.).

Привлекательность художественных музеев города Красноярска для современной молодежи

Грищенко Анастасия Петровна,

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

Основными направлениями государственной политики в сфере музейного дела в Красноярском крае являются: повышение объема и качества услуг, оказываемых музеями, разработка и реализация специальных программ, проектов и методик работы с разными категориями и группами посетителей. Для развития данных направлений необходимо проанализировать современное состояние художественных музеев. Основными «западающими» категориями среди музейных посетителей выступает молодежь — люди окончившие образовательные учреждения и вступившие в свою профессиональную деятельность. Развитие данной категории посетителя способствует не только развитию музейной институции, но и общему развитию всего региона в целом. Актуальность данной темы связана с проблемой развития региональных художественных музеев. Региональный музей — это прежде всего образовательная площадка для жителей определенного региона, а развитие регионального музея — основа формирования целостной личности.

Актуализация использования современных художественных практик на региональном уровне способствует определению направления развития региональных музеев. Более того, на сегодняшний день в художественных музеях используется огромный спектр различных практик взаимодействия с «организованными группами» посетителей: школьниками, студентами, различными общественными и государственными организациями. Однако остро встает вопрос привлечения к общению с произведениями изобразительного искусства молодежи, категории жителей города и края, которые свободны в самостоятельном выборе проведения своего досуга по причине отсутствия у них принадлежности к определенной организации. Данная категория потенциальных посетителей художественных музеев нуждается в дополнительном стимулировании, так как данный возраст — люди в возрасте от 25 до 35 лет, хоть уже и являются сформированными в профессиональном и личностном плане людьми, но также открыты новым горизон-

там своего развития. Это дает возможность художественному музею влиять на личность и воспитывать у современной молодежи художественно-эстетические компетенции, способствующие формированию целостной, разносторонней развитой личности.

Для определения положения современных художественных практик в региональных музеях города Красноярска, необходимо проанализировать их деятельность с точки зрения потребностей и интереса современной молодежи.

В основе представленного анализа деятельности музеев лежит анализ сайтов и социальных сетей музеев и той информации, которая есть в свободном доступе в сети Интернет. Исходя из портрета современной молодежи, у которой основным источником информации выступает глобальная сеть, необходимо обратить внимание на представленную информацию с точки зрения интереса к ней современной молодежи согласно следующим критериям:

- Общее впечатление от сайта и социальных сетей учреждения, так как современный молодой человек использует все возможности глобальной сети для получения информации;

- Частота смены экспозиций и выставок в музее, что отвечает потребности современной молодежи в новизне;

- Наличие «интерактивных мероприятий», отвечающие потребности в саморазвитии и развлечении;

- Наличие использования современных технологий в деятельности музея, способствующих появлению интереса у молодежи;

- Развитость рекламных коммуникаций музея.

Предложенные критерии отвечают основным потребностям современной молодежи в новизне, развлечении и саморазвитии, следовательно, положительные ответы на данные вопросы — будет основным показателем интереса к молодежи к данному учреждению.

На сегодняшний день в городе Красноярске насчитывается 24 музея, из них всего 4 имеют художественный профиль: Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова, Музейный центр «Площадь мира», Музей художника Б. Я. Рязова и Музей-усадьба В. И. Сурикова. Следует более подробно рассмотреть специфику каждого из представленных музеев.

Музей-усадьба Василия Сурикова.

Музей-усадьба В. И. Сурикова основан в 1948 году на основе коллекции Красноярского краеведческого музея. Собрание Музея-усадьбы складывалось из предметов, находившихся в доме при жизни Суриковых, а также произведений и личных вещей художника, подаренных его родными. Фонды музея включают живопись, графику, скульптуру, книги, предметы декоративно-прикладного искусства, документы и фотографии. На официальном сайте музея есть описание проходящих выставок и мероприятий.

Рассмотрим деятельность музея-усадьбы на основе применения практик используемых для работы с молодежью. Опираясь на официальный сайт музея можно выделить несколько важных аспектов: используемые педагогические средства направлены в основном на школьную аудиторию и опираются на исторический материал. В описании были обнаружены только игровые просветительные материалы. Особый раздел сайта «проекты музея» посвящен трем проектам: ежегодные празднования масленицы и пасхи во внутреннем дворе музея погружающие посетителей в жизнь конца 19 века — проект «Живой дом». Интерес представляет проект «Усадьбные записки» — музейный блог, посвященный исследованиям, историям, музейным тайнам. Так как современная молодежь много времени проводит в сети Интернет, такой вид подачи информации может быть вполне интересен. Однако, пройдя по ссылке, можно заметить, что информация выкладывается достаточно редко, а последний пост был более года назад. Последний проект «Актуальная история» заключается в расположении QR кодов с информацией об экспонатах. Такой интерактивный прием вполне актуален и приемлем, способствует доступности информации для молодежи.

В разделе акции и конкурсы последним стал конкурс-квест по городу Красноярску «Суриковские версты», музей вышел за рамки своего пространства и представил своим посетителям возможность познакомиться с «суриковскими местами» по всему городу. Данный проект проходил в формате квеста по карте-путеводителю: каждый участник, посещая предлагаемые на карте места, делал свою фотографию и выкладывал ее в социальные сети со специальным хэштегом. Данное мероприятие отвечает потребностям молодежной аудитории в развлечении, саморазвитии и направлено на привлечение интереса к известному красноярскому художнику.

Что касается выставочной деятельности, то судя по официальному сайту музея-усадьбы, новые выставочные проекты очень редки, а кураторских проектов практически не происходит, что противоречит необходимости в постоянном обновлении экспозиции при работе с молодежной аудиторией.

Музей-усадьба В. И. Сурикова присутствует в социальных сетях ВКонтакте, Инстаграмм, Фэйсбук. Следует отметить, что подача информации в каждой социальной сети отличается. Если в ВКонтакте и Фэйсбуке информация подается официально, присутствуют результаты научных изысканий, то в Инстаграмм — в более легкой форме, информация затрагивающая только деятельность музея, ориентированной на посетителей. Такой подход в настоящее время актуален и востребован: инстаграмм сейчас наиболее «молодежная» социальная сеть.

Музей художника Бориса Рязова.

Музей открыт в 2005 году в самом центре города Красноярска. На официальном сайте учреждения представлена информация о создании музея и творчестве художника Б. Я. Ряузова. В разделе «события» представлена информация о мастер-классах по керамике, что согласно описанному в первой главе портрету, будет интересно современной творческой молодежи. В разделе выставки можно проследить, что музей имеет как постоянную экспозицию произведений художника Б. Я. Ряузова, так и проводит временные выставки, в том числе и современных художников, что отвечает потребности современной молодежи в новизне.

В музее проводятся лекции, мастер-классы, театральные читки и интерактивные мероприятия в рамках различных выставок. Такой разнообразный подход позволяет привлечь молодежную аудиторию. Однако на официальном сайте, представлена ссылка только на одну социальную сеть, ВКонтакте, где представлена информация о выставках и мероприятиях музея в доступной простым подписчикам форме в сопровождении фотографий с событий. На официальном сайте нет ссылки на другие социальные сети, однако у музея имеется также аккаунт в социальной сети Инстаграмм, где используются все возможности данной платформы: фотографии, видео, сторис. В инстаграмм публикуется не только информация о выставках и мероприятиях, но также «игровые» интерактивные посты, где призывают подписчиков угадать художника, предложить багет для картины и многое другое. Такой прием, ориентирован на включение потенциальных зрителей в художественную среду и, как и сама социальная сеть, на молодежную аудиторию.

Музей художника Бориса Ряузова является образцом небольшого художественного музея, который представляет возможности для молодежи в саморазвитии и самореализации, отвечает потребности в новизне и творчестве. Однако, являясь классическим художественным музеем с небольшой экспозиционной площадью, музей не ведет активную работу только с молодежной аудиторией, основной контингент посетителей — школьники и люди пожилого возраста.

Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова

Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова основан в 1957 году, как Красноярская художественная галерея на правом берегу города по адресу: проспект имени газеты «Красноярский рабочий», 68. В 1883 году галерея была переименована в музей и передано еще два здания в центре города, один из которых в старинном особняке. Сегодня фонды музея составляют около 16 000 единиц хранения, в которых собраны произведения от 18 века до 2000х годов, представляющих собой классические образцы изобразительного искусства.

Сайт музея, не смотря на то, что устарел, содержит в себе всю необходимую информацию: мероприятия, режим работы, выставки. Определенную

сложность составляет определение здания, в котором проходит определенная выставка или мероприятие — музей сегодня ассоциируется со зданиями в центре города, особенно со старинной усадьбой, что представляет определенную сложность для посетителей.

Выставки периодически меняются: имеются как привозные из других музеев и галерей России, так и выставки из собственных фондов. Используются современные технологии: в экспозиции включаются мультимедиа, фотозоны, интерактивные площадки. Выставочные проекты анонсируются в сети Интернет, на страничках в социальных сетях и местными СМИ.

Раздел «Новости» на сайте музея разбит на категории: «Всем», «Детям», «Школьникам», «Студентам», «Взрослым», «Пенсионерам», однако информация дублируется, что не соответствует заявленному разделению. Среди мероприятий, интересных для молодежи можно выделить дискуссионные: «Диалоги об искусстве», «НЕЛЕКЦИЯ». Привозные выставки «Сальвадор Дали. Сюрреализм — это Я» с мультимедиа зоной, «Сибирь. Преображение» с разнообразными видами искусства (скульптура, ювелирное искусство и авторские куклы Даши Намдакова) представляют особый интерес, так как эти проекты впервые представлены в городе Красноярске.

Различные мастер-классы, проводимые сотрудниками музея, дают возможность современному молодому человеку найти для себя наиболее интересную технику или вид творчества. Образовательный проект «Факультет искусств» является целостной программой направленной на знакомство с историей изобразительного искусства с древних времен. Такой подход, с одной стороны знаком молодым людям, с другой, предлагает альтернативный вариант обучения изобразительного искусства, как дополнительной дисциплины.

Музей представлен в социальных сетях: ВКонтакте, Фейсбук, Инстаграмм. Не смотря на то, что информация дублируется в каждой социальной сети, ее подача отличается от представленной на сайте, имеются постоянные рубрики, как познавательные (например «термины искусства», «наши фонды») так и развлекательные (игры «Угадай картину», «звуки картины»). Представлена информация о деятельности музея: мероприятиях и выставках.

Музей проводит рекламные акции, сотрудничая с журналами и местными СМИ, имеет свой официальный хэштег #ИщиМенявМузее.

Музейный центр «Площадь Мира»

Музейный центр «Площадь Мира» был основан, как 13-й филиал Центрального музея Ленина, в 1991 году был преобразован в Красноярский Музейный Центр. В настоящее время носит название Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Музейный центр «Площадь Мира» и является презентационной площадкой современного искусства. Как указано на сайте музея: «Сегодня музейный центр ориентируется

на исследование и представление смыслов и ценностей современной культуры», что позволяет учреждению являться площадкой эксперимента и творчества.

В музее есть как постоянные экспозиции, так и временные кураторские проекты, как сообщается на сайте учреждения — 26 постоянных экспозиций и инсталляций и около 38 временных выставок ежегодно. Раз в два года проводится Красноярская международная Музейная биеннале — уникальный фестиваль арт-работ в музейном контексте, куда включены проекты экспозиционные и паблик-арты, образовательные программы и спецпроекты. Музейный центр 2 раза в год проводит музейную ночь, превращая ее в особое представление в лабиринтах больших залов.

Работа учреждения с современным искусством способствует привлечению молодежной аудитории, которой интересно все новое и необычное. Музейная экспозиция выходит за рамки здания: паблик-арты на площади рядом с музеем привлекают молодых людей проводить время именно на этой площади, превращая зрителей потенциальных в актуальных вне музейных стен. «Площадь Мира» — это постоянная творческая лаборатория, площадка эксперимента, отвечающая всем запросам поколения «миллениумов». Здесь можно найти современное искусство, образовательные и просветительские проекты, современные экспозиции, развлекательные программы и даже ночные экскурсии. Разработаны специальные дискуссионные площадки — особая коммуникативная среда для обсуждения произведений искусства «Толковые клубы», музей активно участвует в общегородских проектах, разрабатывает специальные программы досуга для жителей города в летний период.

Музей активно работает в интернет пространстве: современный сайт и ребрендинг, проведенный в 2015 сформировали активное и яркое информационное поле музея. Имеются официальные аккаунты в социальных сетях: фейсбук, ВКонтакте, твиттер, ю-тьюб и инстаграм, где публикуется информация о музейных событиях, в том числе и о музейном «закулисье».

Исходя из представленного обзора художественных музеев города Красноярска, можно сделать следующие **выводы**:

— Художественные музеи города стремятся быть ближе к своим посетителям: каждый имеет свои официальные сайты и страницы в социальных сетях, разрабатывает специальные проекты, направленные на информирование своих потенциальных посетителей о собственной деятельности;

— Художественные музеи города Красноярска открыты новым тенденциям в своей деятельности, однако определенная специфика каждого из учреждений открыто подчеркивается и постулируется, что приводит к консервации отношения к музею среди потенциальных посетителей;

— Среди используемых практик доминируют педагогические приемы

и методы взаимодействия с посетителем: лекция, дискуссия, мастер-классы;

— Используются «игровые» практики, как во внутримузейной среде, так и в социальных сетях, направленные на развлечение как потенциального, так и актуального зрителя;

— Среди художественных музеев города Красноярска наиболее соответствующим запросам современной молодежи представляется Музейный центр «Площадь Мира».

Протест в искусстве XX—XXI вв. на материале анализа стрит-арта и живописи

Дмитриева Татьяна Азеровна,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

Исследования в области изобразительного искусства последних десятилетий наиболее актуальны, поскольку изучают практически происходящий на наших глазах художественный процесс. В этом смысле важно осмысление новых тенденций, замеченных в искусстве, новых тем, новых жанров. Кроме того, актуальность связана еще и с массовостью современного художественного процесса, иначе говоря, с обилием художественных фактов и течений, сам факт появления которых необходимо хотя бы своевременно отмечать и описывать.

С другой стороны, не менее актуален другой аспект выбранной проблематики — это протест в художественном творчестве, точнее, художественное выражение протеста того или иного мастера или течения. Казалось бы, тема вечная, однако ее актуальность, на наш взгляд, связана с тем, что именно этот аспект творчества более всего проявляет авторское начало художника.

С другой стороны, именно из протеста часто рождаются новые аспекты творчества, на которых базируются новые течения в искусстве. А поскольку в изобразительном искусстве конца XX-начала XXI века таких течений чрезвычайно много, то, на наш взгляд, актуально изучить истоки их формирования прежде всего в протестной составляющей творческих манифестов художников и в их творческой практике

Протест можно рассматривать как своеобразную реакцию на события происходящие в обществе, который отражает уровень осознания необходимых перемен в базовых и инструментальных ценностях общества. Протест с одной стороны носит образовательную функцию — обратить внимание, с другой побудительную — призыв к действию. Протест — это не просто реакция, а определенное заявление, демонстрация определенной позиции. В акциях протеста всегда задействованы несколько групп — это непосредственно участники, зрители, которые выражают свое согласие или несогласие. Отсюда, протест всегда интерактивен, направлен на определенную от-

ветную реакцию, или дискуссию.

Существуют различные виды протеста. Самое большое распространение получил политический протест, который выражается в форме акций, митингов, формировании внеинституциональных объединений и т. д.

Протестные направления получили свое развитие не только в различных политических акциях, но они так же воплощаются в различных формах современного искусства, которое выводит протест на новые более глубокие уровни. Так как протест всегда нацелен на интерактивность, на диалог, то произведения искусства один из лучших способов, предоставляющий возможность коммуникации со зрителем. Актуальность данной работы строится на актуальности протестных движений и актуальности выражения протеста в современном мире.

Артивизм или арт-активизм — это относительно новые понятия в искусстве. Тем не менее протестное искусство занимает важное место в истории искусства уже очень долгое время. Например, если рассматривать искусство в контексте политического протеста, то еще в середине 19- начале 20 века существовали политически заряженные произведения в творчестве таких именитых художников как Гойя, Пикассо и т. д. С XX в. искусство протеста выдвигается на передний план, эволюционировав в одну из важнейших стратегий в современном искусстве. Современные визуальные произведения искусства все чаще характеризуются ориентацией не на удовлетворение эстетических потребностей различных социальных групп, а на определенные прогрессивные общественные изменения; все чаще определенная политическая или социальная ситуация влияет на творчество художников, продвигая его в определенном направлении.

Появившись как бунтарское и провокативное искусство, оно продолжает быть таковым, начиная от модернистов XX в и заканчивая современными художниками. Являясь внеинституциональными, первые произведения искусства протеста зачастую демонстрировались вне музейных и галерейных стен, размещались на городских улицах, тем самым привлекая более широкую общественную аудиторию. Такие практики используются и по сей день.

Однако, произведения искусства протеста неоднородны. От самых простых и понятных произведений, ориентированных на широкую аудиторию до более глубоких, более сложных для осмысления. Ведь существуют различные виды протеста: политический, социальный, культурный (эстетический) и философский. Произведение искусства может включать как один, так и несколько из них, но с доминированием одного.

Несмотря на то, что протест в искусстве не новое явление, артивизм в большинстве трудов исследуется как одна из составляющих протестной культуры.

Литература

1. Абрамов, Р. Н. Политические граффити в России 1990-х гг.: опыт ретроспективного анализа / Р. Н. Абрамов // Вестник удмуртского университета, 2013.- №4.- С.25- 33
2. Акунина, Ю. А. Арт-активизм как актуальная форма протеста / Ю. А. Акунина // Вестник московского государственного университета культуры и искусств, 2014.- Т.1,№57. — С. 79—85
3. Руденко, В. Н. Политические граффити / В. Н. Руденко // Социологические исследования, 1997.-№10.-С.50—55
4. Столяров, А. А. Практики современного перформанса в российских уличных протестах: индивидуальные и коллективные арт-перформансы 2011—2012 / А. А. Столяров // Политическая лингвистика, 2014.- №3.- С.166—172
5. Тейлор, Б. Актуальное искусство 1970—2005 / Б. Тейлор / М.: Слово, 2006.- 265
6. Тер-Оганьян, А. Школа для современных дураков или назад к искусству! // Гулаг расходящихся тропок. Семь текстов о будущем российского современного искусства — СПб.: Асебия, 2018. — 54 с.
7. Теория контркультуры Ницше [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.woldculture.ru/woculs-245-1.html>
8. Интервью Анатолия Осмоловского [электронный ресурс]. Режим доступа: http://osmopolis.ru/interview/pages/id_399
9. Betterton, R. Unframed: Practices and Politics of Woman's contemporary painting- R. Betterton.- Taurus, 2003.- 224 p.
10. Cotter, H The Contemporaries, Painting Now and More [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2015/06/28/books/review/the-contemporaries-painting-now-and-more.html>
11. Jonson, L. Art and Protest in Putin's Russia — L. Jonson. — New York: Routledge, 2015. — 266 p.
12. Mitchell, W.J.T. The Violence of Public Art: Do the Right Thing Critical Inquiry, Vol. 16, №4. p. p. 880—899.

Подготовка специалистов с этнокультурными компетенциями: арт-менеджмент

Лаптев Станислав Андреевич,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

Несмотря на продолжающееся бюджетное финансирование государственных учреждений культуры, все более явной становится тенденция вынужденного «вхождения» в рыночные отношения, а именно поиск предприятий социокультурной деятельности новых способов заработать денежные средства, привлечь спонсоров, инвесторов. Это означает, что социокультурная деятельность не может успешно развиваться без профессионального арт-менеджмента, компетентного управления и регулирования в сфере искусства; совокупности принципов, методов, средств по реализации возможностей предпринимательства сферы искусства. Проблема статьи в определении места арт-менеджмента в современном рынке искусства, а также в вопросе изучения специфики технологий арт-менеджмента в сфере образования и культуры.

В настоящее время менеджмент стал неотъемлемой частью существования социокультурных учреждений, направление деятельности которых, как и государственных, частных институтов, направлено на рыночные отношения, предъявляющие совершенно новые и жесткие требования к деятельности и управлению на всех уровнях — от небольшого провинциального заведения до федеральных органов управления культурой. Несмотря на продолжающееся бюджетное финансирование государственных учреждений культуры, все более явной становится тенденция вынужденного «вхождения» в рыночные отношения, а именно поиск предприятий социокультурной деятельности новых способов заработать денежные средства, привлечь спонсоров, инвесторов. Это означает, что социокультурная деятельность не может успешно развиваться без профессионального арт-менеджмента, компетентного управления и регулирования в сфере искусства; совокупности принципов, методов, средств по реализации возможностей предпринимательства сферы искусства. И здесь прослеживается вопрос, который оставался до последнего времени наиболее обсуждаемым среди специалистов. А именно, является ли арт-менедж-

мент новой академической дисциплиной или же просто определенным концептом, где арт-менеджмент рассматривался либо как образовательный курс, либо как научная дисциплина, или же просто как область профессионального интереса некоторых специалистов. И что же представляет собой менеджмент в сфере культуры и искусств? Где определить здесь специфику управления организациями этой сферы?

Для выявления наиболее значимых особенностей сферы культуры и искусства, определяющих специфику менеджмента в этой сфере обратимся к анализу следующих ключевых аспектов, определяющих функционирование культурных организаций:

- область арт-менеджмента, как социальный концепт;
- технологии арт-менеджмента в сфере образования и культуры;
- профессиональная подготовка специалистов социокультурного и художественного профиля;
- современный рынок искусства;

В качестве методов исследования были использованы теоретический анализ научной, методической литературы зарубежных и отечественных авторов по исследуемой теме, изучение опыта использования технологий арт-менеджмента в управлении в сфере искусств.

Обзор научной литературы. Арт — менеджмент

Многочисленные исследования как зарубежных, так и отечественных авторов посвящены рассмотрению вопроса роли и важности функционирования арт-менеджмента и арт-индустрии в целом, в условиях рыночных отношений. Рассматриваются основные составляющие управления в сфере искусства, определяются цели и задачи арт-менеджмента, структура, закономерности, принципы, функции, методы. Анализируется место арт-менеджера в целостной системе социально культурных отношений.

В то же время прослеживается явная необходимость, обратится непосредственно к понятию «Арт-менеджмент», проанализировать те сложности, которые возникают при прямом заимствовании теоретических и практических знаний менеджмента для их применения в организациях сферы культуры и искусств, связанных с особенностями этой сферы. А также выявить чёткую и последовательную связь искусства с арт-менеджментом.

За последние тридцать лет наблюдалось устойчивое увеличение числа публикаций в области арт-менеджмента. Вдобавок к созданию нескольких специализированных журналов в 1991 году была организована крупная научная конференция (Международная конференция по менеджменту искусства и культуры). Более того, в учреждениях по всему миру предлагаются около 400 учебных программ в области арт-менеджмента. Все эти признаки указывают на существование значительной исследовательской деятельности и на высокий интерес к практике арт-менеджмента в сфере искус-

ства и культуры. Возможно ли то, что стоя на пороге нового тысячелетия, мы являемся свидетелями рождения новой дисциплины? И какой вклад вносит арт-менеджмент в понятие самого управления? [18].

Вопросу изучения арт-менеджмента посвящена статья «Арт-менеджмент — наука третьего тысячелетия», где рассматриваются особенности сферы культуры и искусства, определяющих специфику менеджмента в организациях этой сферы, а также предмет арт-менеджмента как самостоятельной дисциплины. Авторами обозначены наиболее важные аналитические направления для изучения в рамках предмета арт-менеджмента. В статье рассмотрены особенности рынка культурных продуктов, организаций сферы культуры и искусств, культурных продуктов. Изучая наиболее значимые особенности сферы культуры и искусства, определяющих специфику менеджмента в этой сфере, можно предположить, что теоретическая база новой дисциплины сформировалась с помощью исследований и публикаций, а полученные новые знания распространяются и передаются посредством образовательных программ.

Расширение и накопление таких знаний позволяет рассматривать арт-менеджмент как полноправную научную дисциплину. Как и многие другие сферы, искусство и культура испытывают на себе влияние всеобщей глобализации, которая представляет собой проблему для учредителей культурных организаций, так как сильно влияет на внутренний рынок. В то же время, поддержка государства привела к созданию множества фирм и усилению конкуренции между ними, которая отнюдь не сопровождается резким увеличением предложения качественной культурной продукции. Ситуация требует пересмотра средств и методов управления в организациях культуры. Ответом на такие требования и стали учебные программы, затем исследования, поддерживаемые государством, а впоследствии и международные научно-исследовательские сообщества. Анализ публикаций в средствах массовой информации, и количество статей по арт-менеджменту, напечатанных с 1970 года, свидетельствует, что их число к середине 90-х утроилось. Проведенный анализ позволил сделать авторами вывод о рождении науки третьего тысячелетия, арт-менеджмента. [4]

Арт-менеджмент, как удивительно яркий феномен, концепт современного гуманитарного знания и социокультурного хаосмоса, есть целостная совокупность гармоничного сочетания и использования различных принципов, подходов и моделей управления для решения разного уровня креативных и бизнес-задач. Которые приводят к успеху (получению наибольшей прибыли при наименьших затратах) в артосфере (то есть в сфере художественной культуры и искусстве как ее квинтэссенции), или арт-индустрии как ее качественно-количественном варианте бытия в условиях рыночной экономики

Ключевой задачей менеджмента, а также арт-менеджмента была, есть

и будет необходимо обеспечить совместную работу людей через единые цели и общие ценности. Сформировать для этого наиболее подходящую структуру организации и создав такие условия для обучения и повышения квалификации работников, которые позволят им эффективно выполнять свои обязанности и своевременно реагировать на изменения производственной среды. [13].

Более детально С. В. Костылевым рассматривается ряд параметров категории «арт-менеджмент», раскрывающих особенности данного явления и одновременно позволяющих обрести целостное представление о его сущности, специфике, функциях и механизмах в статье «Реализация технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства Красноярского края». К таким параметрам и направлениям относятся: анализ внутренней и внешней среды; миссия и видение; целеполагание и планирование; субъект управления; объект управления; система управленческой деятельности; содержание и организационные формы; персонал-менеджмент и кадровая политика; информационно-коммуникационный комплекс; стратегирование; принципы: основные и руководящие правила деятельности; функции: управленческой деятельности; этика и организационная культура: сотрудников учреждения; инфраструктура и ресурсы: направленные на достижения краткосрочных и долгосрочных целей управления; методы и технологии организации и реализации: поставленных целей и задач; арт-маркетинг; критерии эффективности: действенности и эффективности арт-менеджмента.

Все эти основные направления арт-менеджмента тесно взаимосвязаны между собой и реализуются как составляющие единого процесса на основе комплексного использования преимуществ и особенностей каждого из них.

Таким образом, можем констатировать, что арт-менеджмент на современном этапе развития представляет собой систему целей, принципов, функций и технологий в социально-культурной деятельности, обеспечивающую разработку и реализацию комплекса мероприятий тактического и стратегического характера в соответствии с философией и миссией учреждений культуры и искусства. [5]

Технологии арт-менеджмента в сфере образования и культуры

Вопрос двойного лидерства в организациях сферы культуры и искусства остается наиболее острым. Извечный вопрос в учреждении культуры, кто главный? Художественный руководитель, или генеральный директор?

Исследуются случаи, когда формальное соглашение двойного лидерства, равное положение в верхней части организационной структуры иерархии двух человек, внедряется в управление организацией, с целью решение кризиса управления. Хотя в управленческой литературе извест-

ны примеры двойного лидерства, обычно считается, что один человек доминирует и что формальная структура организации не позволяет двум лидерам иметь равное положение. Показывается, что художественные организации часто имеют двойное управление без равного ранга — художественного руководителя и организационного директора. Предполагается, что в кризисных ситуациях может помочь временное равнозначное положение руководителей. [20].

Термины «лидерство» и «менеджмент» могут создавать мощный и противоречивый отклик в контексте художественных организаций. Существуют разные ожидания и понимания о «конструкции лидерства» и «конструкции управления» как в искусстве, так и в других местах. Утверждается, что в художественных организациях «лидерство» обеспечивается художественным руководителем или художественным директором, а «управление» обеспечивается администратором или генеральным директором. Но так ли это на самом деле? Не руководит ли всем художественный руководитель, а генеральный менеджер только направляет? А как насчет всех остальных в организации культуры? другие художники, администраторы и члены правления, содействуют ли они художественному лидеру, или руководству организации? В этой статье утверждается, что для всех, кто участвует в художественной организации, важно понимать и брать на себя ответственность за ее руководство и управление, для обеспечения продолжения выживания и успеха организации. [21].

Исследуя человеческий фактор в деятельности арт-менеджера, Т. Н. Сумина выделает как интеллектуальный ресурс (интеллектуальный капитал), так и интеллектуальную собственность. На первое место здесь выходят именно нематериальные ресурсы. Несмотря на наличие разнообразных технологий современного арт-рынка, автор полагает, что существенную роль в генерации идей, их «раскручивание» и «запуск в жизнь» играет интеллектуальный ресурс/ капитал данных компаний, олицетворением которого являются не просто указанные автором составляющие интеллектуального капитала, а именно арт-менеджеры как совокупность интеллектуальной собственности, рыночных, человеческих и инфраструктурных активов. Автор считает, что задача всех арт-менеджеров России заключается в том, чтобы интегрировать системы управления в единое целое и координировать действия их составляющих. В качестве непосредственной обязанности арт-менеджеров выступает обеспечения согласованности и единства системы управления как целостного «организма» во благо развития как экономики культуры и искусства, так и собственно сферы художественной культуры и искусства как её квинтэссенции. [12].

Среди наиболее актуальных проблем современного арт-менеджмента выделяется особая группа, которую составляют исследования методов

и технологий арт-менеджмента в сфере образования и культуры. Используя зарубежный опыт критического обзора учебных программ в области арт-менеджмента, необходимо начать процесс упорядочивания методологической путаницы в этой области. Исследователи данной области арт-менеджмента различают программы, которые базируются непосредственно на основах бизнес управления. Это программы, ориентированные на технологический процесс создания художественных работ (обычно выполняемых на практике); те, которые связывают культурный менеджмент и культурную политику (подчеркивая роль государственного управления как высшего звена); и программы, которые ориентированы на предпринимательский подход в арт-менеджменте, связывая его с проблемами творчества и инноваций. Специалисты требуют постановки четких целей для обучения администраторов, искусствоведов или менеджеров сферы культуры. Предположение это сделано для того, чтобы следовать синдрому Януса: в первую очередь смотреть на управленческие и экономические реалии, а уже после фокусируясь на искусстве — эстетическом и социальном аспектах этой области. Возникает закономерный вопрос о позиции искусства в учебных программах арт-менеджмента, а также о подготовке студентов и аспирантов на местах. [19].

Эти аспекты, весьма значимые для развития отраслевого образования всесторонне рассматриваются на страницах научно-исследовательских работ С. В. Костылева.

Так им исследуется проблема эффективного использования методов и технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства Красноярского края, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития социокультурного образовательного пространства. Целью данного исследования является научное обоснование методов и технологий арт-менеджмента в системе профессиональной подготовки специалистов социально-культурной сферы как составной части социокультурного образовательного пространства, обеспечивающей успешное освоение компетенций, позволяющих осуществлять разработку, подготовку и осуществление художественно-творческих планов и культурно-просветительских программ.

По мнению автора одним из средств решения этой проблемы является технологический подход, применение понятия «технология» к сфере культуры, искусства и образования. Использование данного подхода предполагает точное инструментальное управление процессом профессиональной подготовки специалистов социокультурного и художественного профиля и гарантированное достижение поставленных целей и ожидаемых результатов. В данной научной статье предложена авторская классификация технологий и методов арт-менеджмента, включающая в себя совокупность организационно-распорядительных, маркетинговых, обра-

зовательных, профессионально-ориентированных, коммуникативных, event технологий.

Автор предлагает нам в виде таблицы классификацию современных технологий и методов арт-менеджмента, где определенный вид технологии и методов арт-менеджмента раскрывается с помощью определенной сущности и характеристики, доказывая тем самым эффективное и результативное использование методов и технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства Красноярского края. [6]

Вопрос творческо-производственной деятельности и творческо-производственного процесса в учреждениях культуры рассматривается с позиции изучения таких направлений деятельности, как информационно-просветительское, культурно-охранное, художественно-творческое, культурно-досуговое, физкультурно-оздоровительное, социально защитное и реабилитационное. Каждое из этих направлений, обладающее огромным потенциалом, изучается всесторонне. Раскрываются существующая проблема разработки и создания интересных, глубоких по содержанию, острых по тематике, находящих живой отклик в сердцах участников, ярких форм творческо-производственной деятельности, что становятся мерилом профессиональной компетентности современных специалистов.

Предполагается, что технологии творческо-производственной деятельности имеют как общие этапы создания конечного продукта, так и общие рубежи воспитательного воздействия. Выделить эти узлы и найти пути решения поставленных воспитательных задач с использованием наработанных технологических приёмов и творческого подхода в зависимости от конкретных условий и имеющихся возможностей становится приоритетной задачей менеджеров культуры. [9]

Вопросу исследования технологий культурно-досуговой деятельности при подготовке профессиональных и научных кадров уделено много внимания А. Д. Жарковым. На протяжении многих лет руководя кафедрой Московского государственного института культуры, автор формирует отвечающую современным требованиям образовательную концепцию ценностно-ориентированного, активно-деятельностного подхода к целостной технологии учебно-творческого процесса на кафедре культурно-досуговой деятельности как последовательному и систематическому воплощению на практике смоделированного характера коллективных действий субъектов и объектов. На его взгляд, эта концепция интегрирует основные социальные индикаторы для целей масштабного моделирования, а включаемые в неё параметры являются теоретически обоснованными с позиций философии и одновременно могут быть операционализируемыми и квантифицируемыми.

Данная научная концепция является универсальной и в то же время до-

статочной гибкой, позволяющей модифицировать её для конкретных задач, решаемых при построении модели дальнейшего развития кафедры. В этом случае главным в учебно-творческом процессе становится не задача запоминания понятий теории и технологии культурно-досуговой деятельности, а подлинное знание, подкреплённое практической дисциплиной «Технология культурно-досуговой деятельности», которая автором представлена в программе 5-летнего курса обучения студентов. [3].

Обращаясь к зарубежным источникам, мы можем увидеть, что там также рассматриваются официальные представления о творческих отраслях со ссылками на такие определения, как культура и творчество. На основе концепции творческих отраслей, сохраняется экономика знаний, не имея конкретного культурного содержания и игнорируя отличительные признаки культурного творчества и культурной продукции. Как таковая, отменяет важные общественные положительные аргументы для государственной поддержки культуры, относя сектор культуры и культурных целей в рамки экономической повестки дня, к которому он плохо подходит. Исследователи данного вопроса занимают позицию против такого поворота в государственной и культурной политике, при котором рассматривается предложенный предмет не только как форма культурного производства, но и как промышленные, и ремесленные формы. Ставятся под сомнение долгосрочные мотивы и последствия для культурной политики творческих индустрий, стоящие на повестке дня. [17].

Профессиональная подготовка специалистов социокультурного и художественного профиля

Поднимая вопрос управления организацией искусства, нельзя не отметить, что руководителю организаторской деятельности в некоммерческих организациях художественных искусств уделяется слишком мало внимания в специальной литературе, изучающих деятельность данных организаций. Эта критика также относится и к музеям. Принято считать, что руководители художественных некоммерческих организаций соотносят интересы различных источников финансирования и рыночные возможности для формирования своих потребностей в доходах. Обычно просматривается проблематичность в некоммерческих художественных организациях: взаимосвязь между ограниченным финансированием и последующей необходимостью действовать инициативно и решительно, для освоения различных источников финансирования. Используя продольный срез анализа годовых отчетов, в документе раскрывается взаимосвязь, важная для этого вида предпринимательства. Следовательно, оперативным вмешательством и характерными проблемами подчеркиваются то, что используются лидерами некоммерческих организаций. Сравнения проведены с некоммерческими художественными музеями, которые, как показали предыдущие исследования, имеют одинаковые

проблемы в финансировании. [26].

Организации искусства, неуверенные в уровне нестабильного государственного финансирования сталкиваются с необходимостью каких-либо улучшений, ищут новые идеи, на которых они могут сосредоточиться. В то же время, когда руководство и управление в художественных организациях изменилось в соответствии с культурными ожиданиями, как оценивается их нравственная позиция? Как их позиция с точки зрения этики влияет на их репутацию? Традиционно задача создания положительной репутации лежит на уровне руководителя организации; в частности такой вид деятельности был сосредоточен в художественных музеях. Традиционно рассматриваемые как храмы искусства, современные музеи бросают вызов быть образцом этики для общества и строить свою репутацию. В качестве решения предлагается создание совместной модели культурной этики, которая попытается обеспечить основу создания нравственных артефактов, которые будут повышать репутацию организации, а не умалять ее. [27].

Можно рассмотреть пример успешной деятельности некоммерческих организаций в шести небольших городах и их столичных центрах в Соединенных Штатах. Города расположены в так называемом «поясе ржавчины США», и они не очень ценят индекс творчества Флориды. Тем не менее, они входят в число 30 из примерно 400 североамериканских культурных городов. Основываясь на интервью, которые дали 63 режиссера направления художественных искусств, выясняется, что локализация экономики, а также творческие теории капитала объясняют привлекательность средних городов для индустрии художественных искусств. В то время как факторы урбанистической экономики были сведены на нет, это может быть объяснено непрофильной отраслью промышленности, значительная доля межфирменных или межорганизационных связей является добровольной, волонтерской или неформальной. Результаты исследований также показывают, что некоммерческие организации плотно встроены в сектор местной городской экономики и в значительной степени полагаются на местные сообщества для меценатства, исполнительства и репутации. [28].

Вопрос профессиональной подготовки арт-менеджеров в вузах культуры и искусств, является наиболее востребованным в условиях существующего положения сферы культуры и искусства в России. Утверждается, что в контексте творческой/креативной экономики, «экономики переживаний», одной из ключевых фигур арт-индустрии как коммуникативной системы выступает фигура посредника, субъекта деятельности, экономического агента — арт-менеджера (продюсер, антрепренер, импресарио, промоутер, дилер и т.д.). Общая, профессиональная и энциклопедическая культура арт-менеджера позволяет ему эффективно осуществлять работу по генерации арт-проектов, открытию и продвижению новых

имен на арт-рынок, формированию сегментов сферы искусства, вкусов, предпочтений, потребностей, культуры и нравственности представителей социума, а также символического пространства арт-текста. Арт-менеджмент — это, прежде всего, философия и культура управления в сфере искусства/арт-индустрии. Профессиональная подготовка арт-менеджеров как интеллектуального капитала/ресурса экономики сферы культуры и искусства — это одна из важнейших задач вузов культуры и искусств, осуществляющих формирование конкурентоспособной личности Мастера с несколькими уровнями культуры — общая, профессиональная, энциклопедическая. Это позволяет арт-менеджеру участвовать, используя различные инструменты маркетинга, в процессах создания, продвижении и продажи арт-проекта/арт-продукта/арт-услуги как товара, а также влиять на сознание масс и формирование трендов современного арт-рынка. [14]

Среди наиболее актуальных проблем С. В. Костылевым выделяется процесс подготовки кадров высшей квалификации социокультурного и художественного профиля, который нуждается в диверсификации образовательных услуг и согласовании требований к качеству и содержанию образования со стороны рынка труда. Анализируя систему культуры Красноярского края автор отмечает ряд противоречивых тенденций на региональном уровне, таких как отсутствие развитой системы непрерывного художественного образования; не соответствия кадрового потенциала современному уровню возникающих проблем в социально-культурной сфере; присутствия недостаточно сильной направленности на развитие и позиционирование современного искусства, развитие творчества и креативности, производство новых культурных символов, знаков, смыслов и ценностей.

Определяющая роль в этом преодолении указанных проблем должна отводиться технологиям арт-менеджмента, направленным на формирование конкурентоспособного работника, востребованного социально-экономической сферой региона. В качестве результата эффективной реализации данных технологий рассматривается личность будущего специалиста, владеющего общими и профессиональными компетенциями: способностью совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень; проявлять инициативу, в том числе в ситуациях риска, брать на себя всю полноту ответственности, применять культурологическое и художественно-искусствоведческое знание в профессиональной деятельности и социальной практике; свободно владеть теориями, категориями и методами, связанными с изучением культурных форм, процессов, практик и др. [7]

Определяя разделение понятий «технология менеджмента», и «технология управления» автор проводит классификацию методов современного менеджмента с позиции классификационного признака, а также с позиции

определения группы методов управления. Исходя из социокультурных оснований менеджмента в сфере культуры и искусства, автор предлагает следующие виды в классификации технологий арт-менеджмента: организационно-распорядительные; маркетинговые; образовательные и профессионально-ориентированные; творчески развивающие, формирующие; коммуникативные; рекламы и общественных связей; event-технологии; publicity-технологии.

Выделяются определенные факторы эффективности управленческой технологической деятельности арт-менеджера современности. Это способность управлять собой (self-management) и своим временем (time-management). Четкое определение цели выполняемой работы и собственной цели; постоянный профессиональный рост и развитие; умение гибко реагировать на изменение социокультурной ситуации. Косвенное воздействие и влияние на окружающих без использования прямых приказов; применение новых современных управленческих приёмов и технологий в отношении подчинённых. Умелое использование кадровых, организационных, материальных, финансовых ресурсов; помощь сотрудникам в быстром изучении новых методов и освоении практических навыков; создание и воспитание команды единомышленников, способной быстро становиться изобретательной и результативной в работе.

Обобщение опыта свидетельствует о том, что эффективность управленческой деятельности арт-менеджера может быть обеспечена благодаря определенным условиям и принципам. Это создание комплексной системы управления, в которую входит целеполагание, планирование, организация, регулирование, учёт, контроль, мотивация и анализ работы учреждения; целесообразное и чёткое распределение обязанностей работников учреждения, установление их ответственности за конкретную работу; упорядочение потоков необходимой управленческой информации, включая документооборот и делопроизводство; создание благоприятного морально-психологического климата в коллективе. Анализируя предложенный материал, С. В. Костылевым делается вывод, что эффективность управленческой деятельности арт-менеджера зависит от многих условий, среди которых умелое использование трудовых ресурсов, чёткое распределение обязанностей среди сотрудников учреждения, постоянный и систематический рост уровня профессиональной компетентности и мастерства управляющих и управленцев. Таким образом, современный технологический комплекс арт-менеджмента позволяет в полной мере эффективно и результативно способствовать разработке, апробации и внедрению в социокультурное образовательное пространство информационных, коммуникационных, культурно-просветительных, художественно-творческих технологий. [8]

Современный рынок искусства

Мантрой настоящего времени стала интерпретация «искусства как бизнеса» [21]. Организации искусства склоняются к тому, чтобы строить свою деятельность на основе структуры управления корпоративным стилем, принятым в деловом бизнесе. Зарубежными исследователями рассматривается и обосновывается развитие этого явления, а также его влияние на деятельность организаций культуры, в частности в Австралии. Это рассматривается в контексте исследования смысла этих терминов в искусстве, а также дискуссии о руководстве и управлении организациями искусства. Наконец, рассматривается, как данное направление может повлиять на меняющуюся парадигму основ ведения бизнеса в организациях искусства. [21].

Также этот вопрос рассматривается на примере концепции развития экономического рынка Вьетнама. С момента создания в 1986 году программы социальных, экономических и политических реформ, известной как *doi moi* («обновление»), вьетнамские руководители культуры оказались в новой и суровой среде. Заработная плата и пособия для ключевых сотрудников государственных культурных агентств остаются, но до сих пор щедрые операционные бюджеты были сокращены и в некоторых случаях полностью отменены в соответствии с новой политикой «социализации» (*хачой-хаа*), которая требует, чтобы культурные кадры разнообразили свои источники Финансовой поддержки.

Признавая, что немногие вьетнамские руководители культуры имеют опыт использования возможностей растущей рыночной экономики, Министерство культуры и информации приступило к четырехлетнему проекту финансируемого Фондом Форда, по разработке учебных программ в области управления искусством и культурным наследием во Вьетнаме.

Visiting Arts, национальное агентство Великобритании по информационному развитию культурных связей через искусство, выступает в качестве советника министерства по этому проекту. [25].

Сегодня принято считать, что «современный рынок искусства = арт-рынок имеет дело с символической продукцией, символическим обменом внутри системы потребления символических благ». Это означает, что произведение искусства не может быть «просто товаром», а является «эксклюзивным» или «элитарным» продуктом. «В силу уникальности происхождения и особого положения в культуре произведение искусства предполагает обязательное наличие специфических значений (художественных, эстетических, культурно-исторических), указывающих на возможность бескорыстного (несобственнического) потребления». [1]

Вопрос развития региональных арт-рынков рассматривается Н. Н. Вильчик на примере арт-рынка Алтайского края. Автор утверждает, что галерейное движение пока еще не получило своего активного развития в сибирском регионе, в силу чего провинциальный арт-рынок «приспосабливает»

к себе уже сложившиеся структуры, определяющие художественную жизнь региона в целом. Особенности провинциального арт-рынка на примере Алтайского края исследуются и на основе нескольких моделей культурного предпринимательства, построенных на различных типах мотивации и отношении к творчеству. Известно, что сердцевиной маркетинга является стратегическое планирование, которое можно рассматривать как единство диагностики, прогнозирования и программного планирования деятельности. А выбор модели планирования во многом зависит от менеджера. Поэтому автор выделяет плановую модель, соответствующую традиционному образу мышления и стилю поведения менеджера-администратора. Модель предпринимательского типа, обусловленной мотивацией инициативы и успешно осваиваемой многими художниками Алтайского края. Ии модель обучения на опыте, которую следует рассматривать пока лишь как желаемую перспективу, так как примеры ее реализации в области изобразительного искусства Алтая еще только зарождаются.

Таким образом, формированию арт-рынка Алтайского края и Сибирского региона в целом способствуют представители моделей предпринимательского типа и «обучения на опыте», основанные на определяющих критериях творчества и инициативы. [2].

Вопрос анализа проблемы привлечения инвестиций на российский арт-рынок через призму основных теорий управления некоммерческим сектором рассматривается М. В. Пашкус. На основе исследования концепции фандрейзинга, делается вывод о ее применимости на российских арт-рынках.

К основным подходам поведения субъектов арт-сферы автор относит *«Теорию производства общественных благ»*. В соответствии с этой теорией обосновывается неэффективность коммерческих структур в производстве общественных благ, основными отличительными свойствами которых являются неконкурентность и неисключаемость, т.е. отсутствие соперничества в потреблении и невозможность воспрепятствовать к потреблению данного блага. *Теория «невыполненного контракта»*, где предполагается ряд случаев, в которых механизм рынка не может позволить эффективно реализовать систему контроля деятельности производителей (распространителей). И *теорию «контроля стейкхолдеров»*, которая предполагает, что общественный контроль содействует доверию организации, определяет социальную значимость ее работы и необходимость ее финансирования. В качестве стейкхолдеров могут выступать благотворители, фонды, профсоюзы и т. д. Их контрольные, управленческие и финансовые функции реализуются через попечительские советы в некоммерческих организациях культуры.

Также рассматривается фандрейзинг как способ привлечения инвестиций на российский арт-рынок.

Ранее технологии привлечения инвестиций были практически не известны в российских организациях сферы культуры. Однако под влиянием требований рынка стала развиваться и сама концепция фандрейзинга в России, что позволило разработать собственные инструменты привлечения арт-инвестиций данного типа. Как таковой фандрейзинг применяется только небольшой долей наиболее крупных и известных музеев России. К таким музеям, например, относится Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. [11].

Учитывая особенности рынка культурного продукта, необходимо добиться четкой формулировки понятий предпринимательство и лидерство в сфере маркетинга искусства. Процесс рыночных отношений в искусстве начинается с творческого процесса; менеджер не может изменить данный основной продукт. Таким образом, процесс рыночных отношений в искусстве концептуально отличается от сходного процесса в других областях. В то же время потенциальный клиент сталкивается с огромным количеством и разнообразием вариантов, поскольку культурный сектор характеризуется очень фрагментированным и конкурентоспособным рынком, состоящим из разных категорий продукта потребления. Если рынок будет выходить за пределы его нынешних пределов, фирмам, имеющим специализацию в секторе изящных искусств, придется увеличивать свои познания о вопросах поведения потребителя данного продукта. Им также необходимо будет активизировать усилия по брендингу и позиционированию своего продукта и лучше использовать информационные технологии для рыночных целей. [15].

В то время как область искусства более динамична, чем когда-либо, художественные организации движутся через различные успехи на потребительском рынке, а также на рынках меценатства, филантропии и государственной поддержки. Рост на мировом уровне указанных трех источников дохода подошел к концу, но, к счастью или нет, увеличение количества организаций, конкурирующих за такую поддержку, не прекратилось. В настоящее рыночное время считается, что жизненный цикл данного сектора не только достигает зрелости, но и полностью насыщен, а предложение превышает спрос. Следовательно, перед нынешними организациями художественного искусства и наследия должны стоять три задачи: позиционирование их «бренда»; качество их обслуживания клиентов; и информационные технологии, ожидаемые более подкованными потребителями. Эта позиция концентрирует внимание не только на потребительском рынке, как национальном, так и международном, но также параллельно и на рынке спонсорства, филантропии и государственной поддержки. Даже если диагностика выглядит пессимистичной, позиция ни в коем случае не является тупиковой. Корректировки в маркетинговой стратегии специалистов могут помочь преодолеть эту ситуацию без ущерба для художественной

целостности. [22].

Выводы:

При проведении исследования на тему: «Арт-менеджмент как предмет самостоятельной дисциплины» был осуществлен анализ наиболее значимых ключевых аспектов, определяющих функционирование организаций сферы культуры и искусства. Рассматривая арт-менеджмент, как социальный концепт можно предположить, что арт-менеджмент воспринимается по-разному, например, как: 1) искусство (то есть высокая степень умения и мастерства) управлять искусством; 2) искусство управлять интеллектуальными, финансовыми и материальными ресурсами; 3) науку, имеющую свой объект, предмет, совокупность концепций, теорий, принципы проблемы и методы их решения. 4) деятельность, базирующуюся на системе принципов, функций, методов и организационной структуре управления организацией, соответствующую социокультурным условиям, а также экономико-правовой реальности.

Анализируя технологии арт-менеджмента в сфере образования и культуры можно выделить проектный вид деятельности, как наиболее определяющий особенности успешного менеджмента в социально-культурной деятельности. Реализация проектной деятельности в сфере культуры и искусства позволит привлечь внимание к проблемам отрасли.

При этом будет задействован как человеческий ресурс (созданы огромные возможности для улучшения и оптимизации профессионального роста юных музыкантов города), так и материальный (обеспечит содействие некоммерческих фондов и международных благотворительных программ, спонсоров и меценатов).

Освещая вопрос профессиональной подготовки специалистов социокультурного и художественного профиля, можно сделать вывод, что технологии арт-менеджмента в сфере образования, искусства и художественной практики представляют собой, с одной стороны, способы и средства управления процессом профессиональной подготовки, стажировки, повышения квалификации, а с другой — целостный механизм, нацеленный на анализ эффективности существующей системы подготовки кадров, разработку и обоснование предложений по ее модернизации и совершенствованию.

Рассматривая современный рынок искусства можно сделать вывод, что организации искусства склоняются к тому, чтобы строить свою деятельность на основе структуры управления корпоративным стилем, принятым в деловом бизнесе.

На основании вышесказанного можно заявить, что успешное развитие социокультурной деятельности не осуществимо без развития профессионального арт-менеджмента, направленного на компетентное управление и регулирование в сфере культуры и искусства. Данная концепция выстраивается на совокупности принципов, методов, средств по реализации воз-

можностей предпринимательства сферы искусства.

Литература

1. Барабанов Е. Искусство на рынке или рынок искусства? // URL: xz.gif.ru/numbers/46/rynok
2. Вильчик Н. Особенности развития арт-рынка Сибирского региона. Art-менеджер. — №2 2003
3. Жарков А. Д. Технологии культурно-досуговой деятельности. — М.: МГУКИ, 2000.
4. Колбер Ф., Эврар И. Арт-менеджмент — наука третьего тысячелетия // Арт-менеджер. — М., 2002. — №3. — С. 3–7.
5. Костылев С. В. Реализация технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства Красноярского края // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. — Красноярск, 2013. — С. 184.
6. Костылев С. В. Сущность и специфика технологий арт-менеджмента в региональной системе социо-культурного и художественного образования // Молодежь и наука: сб. мат-лов IX Всерос. науч.-техн. конф. студ., асп. и мол. ученых с междунар. участием, посвящ. 385-летию со дня основания г. Красно-ярска. — Красноярск, 2013. Вестник К расГАУ. 2014. №1
7. Костылев С. В., Копцева Н. П. Применение методов и технологий арт-менеджмента в социокультурном образовательном пространстве Красноярского края [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — №4.
8. Костылев С. В., Технологии арт-менеджмента в структуре социоструктурного технологического комплекса. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — №3.
9. Новикова Г. Н. Основные направления творческой производственной деятельности менеджера социально-культурной деятельности — М.: Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2006 — №3. — С. 92–95
10. Новикова Г. Н. Социокультурные концепции управления в арт-менеджменте / Г. Н. Новикова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2005. — №2. — С. 83–88.
11. Пашкус М. В. Особенности привлечения инвестиций на российский арт-рынок: от использования концепций управления общественным сектором до фандрейзинга. / М. В. Пашкус // Журнал Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. — 2014. — №2. — С. 161–188.
12. Суминова Т. Н. Арт-менеджер как интеллектуальный ресурс/капитал экономики сферы культуры и искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2008. — №3. — С. 98–102.

13. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент как социокультурный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — №3. — С. 117–23.
14. Суминова Т. Н. Профессиональная подготовка арт-менеджеров в вузах культуры и искусства— М.: Академический Проект, 2012. — 76 с. — (Технологии культуры)
15. Colbert F. Entrepreneurship and leadership in Marketing the art // International Journal of Arts Management. — 2003. — С. 30–39
16. Caust J. Does it matter who is in charge? The influence of the business paradigm on arts leadership and management // Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. — 2005. — С.153 — 165
17. Galloway S., Dunlop S. A critique of definitions of the cultural and creative industries in public policy //International journal of cultural policy. — 2007. — Т. 13. — №. 1. — С. 17–31.
18. Evard Y., Colbert F. Arts management: a new discipline entering the millennium? //International Journal of Arts Management. — 2000. — С. 4–13.
19. Brkić A. Teaching arts management: Where did we lose the core ideas? // The Journal of Arts Management, Law, and Society. — 2009. — Т. 38. — №. 4. — С. 270–280.
20. Voogt A. «Dual Leadership as a Problem-Solving Tool in Arts Organizations» // Cultural Trends. —2012. — Т. 21. — №. 3. — С. 249–257.
21. Caust J. «Does the art end when the management begins?» The challenges of making «art’ for both artists and arts managers // Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. — 2010. — С.570 — 584/
22. Colbert F., «Beyond Branding: Contemporary Marketing Challenges for Arts Organizations». // Consumption, Markets and Culture. — 2003. — Т. 6. — №. 3. — С. 155–181.
23. Antonio C. (Antonio Christopher) Cuyler. «Affirmative Action and Diversity: Implications for Arts Management» // The Department of Art Education. — 2013. —С. 6 -14
24. Bussell H., Forbes D. « Volunteer Management in Arts Organisations: A Case Study and Managerial Implications» // The Department of Art Education. — 2014. —С. 6 -12
25. Doling T. «Arts Management Curriculum Development — A Case Study of Viet Nam in a Market Economy» // Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. — 2003. — С. 35 -41.
26. Rentschler R., Geursen G. «Entrepreneurship, Marketing and Leadership in Non-Profit Performing Arts Organizations» // Journal of research in marketing and entrepreneurship. — 2004. — С. 1–10.
27. Wood G. « Ethical behavior: the means for creating and maintaining better reputations in arts Organizations»// Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. — 2007. — С. 12 -31.

28. Poon J., Lai C. «Why are Non-profit Performing Arts Organizations Successful in Mid-sized US Cities?»// Urban Studies Journal. — 2015. — C. 33 –45.

Этнокультурные компетенции: роль образовательных и драматургических проектов Красноярского ТЮЗа

Никитина Мария Александровна,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

Современный Красноярский театр юного зрителя по данным публичных отчетов¹ активно сотрудничает с общественными организациями, другими учреждениями культуры и коммерческими структурами. Театр принимает участие в организации и проведении ряда творческих и социокультурных проектов. Под основными целями деятельности театра понимаются «удовлетворение духовных нравственных и эстетических потребностей детей, молодежи и взрослой аудитории; пропаганда достижений театрального искусства в Красноярском крае, в других регионах страны и за рубежом; развитие и внедрение новых форм культурно-просветительной деятельности, связанных с театральным искусством и творчеством».²

Методы исследования

В процессе изучения и исследования проблематики региональных театральных практик были использованы общенаучные методы: описание, анализ, сравнение, аналитический обзор. Методологическими основами исследования являются принципы историзма, функционализма и системности, позволяющие раскрыть внутреннюю логику развития процессов в современной культуре театров юного зрителя в ракурсе причинно-следственных связей; различные подходы в изучении специфики театра: семиотический, гуманистический, культурологический, системный, институциональный³, социокультурный⁴.

---

¹ Публичный отчет об итогах деятельности Красноярского театра юного зрителя за 2014 год. [Электронный ресурс] // офиц. сайт учреждений Красноярский ТЮЗ. — Режим доступа: <http://www.ktyz.ru/yearly-report/>

² Публичный отчет об итогах деятельности Красноярского театра юного зрителя за 2015 год. [Электронный ресурс] // офиц. сайт учреждений Красноярский ТЮЗ. — Режим доступа: <http://www.ktyz.ru/yearly-report/>

³ Ерьсько М. Н., Коркина О. А. Роль новых театральных практик в социокультурных преобразованиях России. — 2015..

⁴ Коханая, О. Е. Театр для детей и молодежи: традиции и современность [Текст]: монография / О. Е. Коханая. — М., 2004.

Методологически значимыми для данного исследования являются принципы социокультурного контекста, то есть представление о социокультурной обусловленности любых видов человеческой практики.

Обзор литературы

Театральные практики, культурологические и социокультурные исследования театра. Общее представление о парадигме развития театра представлено в трудах Б. Брехта, Е. Гротовского, С. С. Хоружего. Социокультурный анализ и определение границ понятия «театральные практики» приведены в трудах Ересько М. Н., Коркиной О. А., Крутых А. В., Поповой М. А. Возгрявцева К. И. и Орлова О. Е. определяют и уточняют понятие «театральное пространство» в его культурологическом аспекте. Потенциал дополнительных образовательных программ, связанных с театром, для повышения культурного уровня школьников исследуется Meyer M.J., Macmillan R.B., Robinson K., Heathcote D. Тенденции современной драмы, характерные приемы и специфику исследует Болотян И.

Современные тенденции детско-юношеского театра. Алпатов И. А., Юрьева А. В. Современные запросы детско-юношеской аудитории исследуются Bedard R.L.

Результаты исследования

Одним из проектов является Социальная лаборатория ClassAct (ноябрь 2013 — январь 2014)

ClassAct — это драматургическая лаборатория, где пьесы создавались совместными усилиями профессионалов и детей. Как основа используется шотландская методика, но скорректированная к российским реалиям. Это совместный проект Красноярского ТЮЗа и творческого объединения «Культпроект» при поддержке Министерства культуры РФ.

Руководили проектом известные в Красноярске и РФ театральные деятели, такие как М. Зелинская и В. Дурненков (драматурги), Р. Феодори, О. Рыбкин, А. Крикливый (режиссеры).

В целях проекта было создание нового материала и привлечение новых авторов, развитие и социализация детей, знакомство с процессом создания спектакля на всех уровнях, начиная с написания пьесы.

Участие принимали воспитанники детского дома №1, ученики лицея №11 и дети с особенностями в развитии.

Партнерами являлись молодежные и социальные центры, проект получил широкий отклик общественности.

Результатом проекта стало написание 14 пьес, в последствие объединенные в спектакль «ПравоПисания»

Выводы по проекту были сделаны как самими руководителями, так и прессой: отличие мировоззрения красноярских детей от мировоззрения московских (красноярские более опытные и открытые, по мнению М. Зелинской); совместная работа разных социальных групп (гимназистов, дет-

домовцев и детей с особенностями в развитии) способствует социальной толерантности и развитию коммуникативных навыков; основные волнующие темы: отношения подростков и взрослых, виртуальная реальность, комедии, душные переживания несовершенства мира; главная ценность детских опытов в драматургии — искренность.¹

Следующим проектом стала IV Лаборатория актуальной драматургии и режиссуры «Киновешалка» 2014 г.

«Вешалка» была организована с подачи известного театрального критика И. Лоевского, автора идей многих театральных и околотеатральных лабораторий по все России.

Основная задача лаборатории — посредством совместной работы красноярской труппы и приглашенных постановщиков вводить в репертуар современного ТЮЗа новые пьесы, тем самым способствуя преодолению кризиса драматургии детских театров.²

Задача решается следующим образом: на первом этапе режиссеры и труппа отбирают пьесы, затем идут три репетиционных дня и наконец эскизы представляются публике.

Зрители обсуждают плюсы и минусы увиденного и голосуют за идеи, которые следует внести в репертуарный план театра. Отобранные эскизы отправляются на доработку.

«Вешалка» 2014-го года получила приставку «кино-» по причине опорного материала — были отобраны не пьесы, а киносценарии, а в качестве партнера лаборатории выступил первый артхаусный кинотеатр Красноярска «Дом кино».

По окончании работы лаборатории в репертуарный план вошли два спектакля: «Дорога» Ф. Феллини (реж. Т. Баталов) и «Горькие слезы Петры фон Кант» Р. Фассбиндера (реж. Ю. Ауг).

Социальный проект «Человеческий голос» (сентябрь-декабрь 2014) по причине медленного развития культурной индустрии для детей, в особенности для детей с особенностями в развитии³, осуществлялся Красноярским ТЮЗом совместно с Фондом М. Прохорова для включения слабослышащих детей в театральную культуру.

В рамках проекта проходили различные мастер-классы хореографа Е.

---

¹ Публичный отчет об итогах деятельности Красноярского театра юного зрителя за 2015 год. [Электронный ресурс] // офиц. сайт учреждений Красноярский ТЮЗ. — Режим доступа: <http://www.ktyz.ru/yearly-report/>

² Будулак. О. Талгат Баталов «Мы готовим терапию для красноярского ТЮЗа» [Электронный ресурс] / О. Будулак // Интернет-газета NewsLab, 2014 — Режим доступа: <http://newslab.ru/article/597937>

³ Траусдейл, Д. Ж. Может ли пантомима, используемая в театральной практике, открыть возможности для подростков с проблемами в обучении? / Д. Ж. Траусдейл, Р. Хейхау // Сибирский вестник специального образования — Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2014. — №1. — С.14–24.

Слободчиковой и артистов московского театра неслышащих актеров «Недослов». В проекте принимали участие как дети с особенностями в развитии, так и обычные школьники.

В результате был поставлен пластический перформанс «В ритме сердца», рассказывающий о детских мечтах языком тела, и спектакль-комикс «Волшебные пальцы».

Использование перформанса в современном театре является одной из ступеней эволюции театрального искусства¹, а включение учреждений культуры в процесс социальной адаптации — одним из перспективных проектов развитию «мягкой силы» региона.²

Перед драматургами М. Зелинской и В. Дурненковым, уже успешно завершившим одну драматургическую лабораторию, стояла задача написать пьесу одинаково понятную и слышащему подростку, и неслышащему.

Проекты, поддерживаемые частной инициативой, рассматриваются современными теоретиками российской культуры с позиции позитивной трансформации российского общества — по мнению Жукова Г.В.³, Федоровой Т. С.⁴ и Рукавишникова В.⁵ возрастание активности фондов позволит создать более благоприятный имидж РФ на мировой арене.

У Лаборатория «Вешалка#театркинодок» 2015 г.

Центральная тема пятой по счету лаборатории драматургии — документалистика и любовь к родине. «Любовь к родине не знает границ».

КрасТюз расширил площадку проекта, показы документального кино проводились на базе выставочного центра «Сибирь». В качестве участников приняли участие молодые режиссеры, обучающиеся в школе документального кино в Санкт-Петербурге.

Данная лаборатория была самой экспериментальной с момента возникновения практики, режиссеры не опирались на готовые пьесы или сценарии, а работали непосредственно с материалом документальных интервью и анкет в технологии «вербатим».⁶

---

¹ Барбой Ю. М. К теории театра [Электронный ресурс] / Ю. М. Барбой — Изд-во Петербургской гос. академии театрального искусства, 2008. — Режим доступа: http://royallib.com/book/barboy_yuriy/k_teorii_teatra.html

² Незамаева, М. А. Потенциал региональных культурно-досуговых учреждений в адаптации детей-инвалидов / М. А. Незамаева // Успехи современного естествознания. — 2007. — № 5.

³ Жуков, Г. В. Благотворительность как инструмент фандрейзинга в социокультурном пространстве современного общества: дис. ... к. культурологии: 24.00.01/ Жуков Григорий Владимирович. — Краснодар, 2002.

⁴ Федорова, Т. С. Статус учреждений культуры: эволюция (по зарубежным материалам) [Электронный ресурс] / Т. С. Федорова // Информкультура. — 2010. — №4. — Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/04/2010-04_r_dek-s10.htm

⁵ Rukavishnikov, V. Russia's «Soft Power» in the Putin Epoch / V. Rukavishnikov // Russian foreign policy in the 21st century. — Palgrave Macmillan UK, 2011. — С. 76—97.

⁶ Котович Т. В. Технологии verbatim и язык сцены: особенности и специфика встречи. /

«Вербатим» (verbatim — лат. дословно) — разновидность театрального представления, состоящая полностью из реальных монологов и диалогов обычных людей.⁷

Результатом стали полные глубины и подлинности читки от документалистов, более зрелищные эскизы от театральных режиссеров и одна массовая зарисовка Р. Феодори.

Репертуарный спектакль в качестве итогов лаборатории не планировался с самого начала, поэтому на основе собранного материала было принято решение поставить один общий спектакль, объединенный мотивом любви к родине.

Лаборатория театральной педагогики «Развитие культуры восприятия» (январь 2015)

В рамках расширения педагогического потенциала ТЮЗа в январе 2015 г. был проведен двухнедельный семинар по театральной педагогике под руководством театрального критика А. Б. Никитиной.

На данном семинаре были представлены к изучению основные приемы и техники педагогического театроведения, проанализирован ряд детских и подростковых спектаклей Красноярского ТЮЗа (например, «Алиса», «Королева Гвендолин» и др.), а также проведены открытые обсуждения с детьми с использованием методик Ершовой А. П. и Никитиной А. Б.

Дискуссия

Основные цели подобных проектов — в расширении культуротворческих возможностей школьных педагогов. Техники театральной педагогики развивают уровни эмоционального восприятия, повышают планку интеллектуальных и творческих запросов, порождают аффективные потоки: эмоциональный и созидающий.⁸

Задачи современного образования заключаются не только в передаче знаний, но и в формировании «культурной включенности»⁹, т.е. воспитании гармоничной, толерантной, понимающей вербальной, художественный и научный языки культуры¹⁰, а также способной к «культуротворче-

---

Т. В. Котович // Искусство и культура. — 2013. — №1 (9). — С. 17—24.

⁷ Болотян, И. О драме в современном театре: verbatim / И. Болотян // Вопросы литературы. — 2004. — № 5. — С. 23—42.

⁸ Букатов, В. М. Театральные технологии в гуманизации процесса обучения школьников: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. 13.00. 02 / Букатов Вячеслав Михайлович. — Москва, 2001. — 35 с.

⁹ Григорьева О. А. Школьная театральная педагогика. СПб.: «Лань», 2015г. 256с.

¹⁰ Косинец Е. И., Климова Т. А., Никитина А. Б. и группа специалистов Московского общественного центра Школьной театральной педагогики «Возможности театральной педагогики в контексте образовательных стандартов» и «Театр как урок». Вестник московского образования №11, 2013 год. Официальное издание Московского Департамента Образования. (Стр. 119- 259)

ству»¹ личности.

Современное лабораторное движение в театральной деятельности способствует активации ресурсов², развитию современной драматургии

«ПравоПисания» — спектакль из восьми пьес, которые были написаны в рамках драматургической лаборатории «ClassAct». Первоначально «ПравоПисания» состоял из 14 пьес и был показан в качестве финальной части драмлаборатории в декабре 2013, получив множество лестных отзывов как критики, так и общественности. Одобрялось все — сюжетные темы, образы героев, социальные пародии, остроумие подростков.

В феврале 2014 г. спектакль решили ввести в репертуар, убрав один блок пьес. В результате получился комплекс примитивных театральных приемов — сказывался малый жизненный и культурный опыт подростков-драматургов, примитивность сюжетных построений, незаинтересованность актерской реализации и т. д.

Как образовательное и документальное явление лаборатория себя показала с положительной стороны — теперь в арсенале театра имеется база проблем и предпочтительные способы их решения, которые видят подростки. По мнению критика Е. Мельникова, «спектакль не безынтересен любому взрослому человеку, который хочет разобраться в своих детях»³. «ПравоПисания» — это особый срез мировоззренческих позиций и представлений подростков, причем весьма позитивный — все сюжетные конфликты, в отличие от профессиональной «взрослой» драматургии получают гармоничное разрешение. А как считают специалисты в области театральной педагогики, наличие «здорового и доброго» завершения любой проблемы есть необходимое условие детской драматургии, на что и наталкивают мысли самих детей, как оказалось идущие вразрез с мнением профессиональных критиков.

«Снежная королева» (Г. Х. Андерсен)

Премьера «сНежной сказки», как характеризует постановку официальный сайт КрасТЮЗа, состоялась в 2012 г. в качестве репертуарного новогоднего спектакля. Однако в 2014 г. «Снежная королева» была включена в конкурсную программу «Золотой маски» — престижной российской национальной театральной премии и ежегодного фестиваля.⁴ Изначально

---

¹ Валицкая, А. П. Культуротворческая школа: концепция и модель образовательного процесса / А. П. Валицкая // Педагогика. — 1998. — №. 4. — С. 12—16

² Алпатова, И. А. Лабораторное движение в современном театре: достижения и проблемы [Электронный ресурс] / И. А. Алпатова // онлайн-журнал Театрал, 2014 — Режим доступа: <http://yarcenter.ru/articles/culture/theater/laboratornoe-dvizhenie-v-sovremennom-teatre-dostizheniya-i-problemy-62172>

³ Мельников Е. «ПравоПисания» в Красноярском театре юного зрителя [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://newslab.ru/article/568506>

⁴ Мельников, Е. «Снежная королева» в красноярском театре юного зрителя [Электронный ресурс] / Е. Мельников // Интернет-газета NewsLab, 2012 — Режим доступа: <http://>

спектакль не позиционировался как фестивальный, но уровень постановки довольно высок — продуманная до мелочей сценография, точный подбор актерского амплуа, включение современных театральных приемов (элементы кинематографии, интерактивность), раскрытие глубины сюжета по Шварцу и передача сказочности атмосферы Андерсена.

Примечательно ощущение режиссером Р. Феодори характеров главных героев через архетипы мужского и женского. Так в его понимании нарциссизм, холодность, расчетливость — мужские черты, что и отражает образ Кая в исполнении А. Князя; а стойкость и выносливость Герды (Н. Розанова) — женские. Данный подход интересен в контексте наблюдений Савостьянова А. И., театрального педагога московской школы искусств, обнаружившего, что современные абитуриенты актерских курсов тяготеют к исполнению нетрадиционных для их половой принадлежности ролевых моделей в этюдах.⁵

«Снежная королева» спектакль о воспитании настоящих чувств, аллегория этапов взросления. И даже если все смыслы не способны сознательно считываться детским восприятием, то во всяком случае зрелищность пробуждает потребность сопереживать, погружаться и осмыслять происходящее на сцене.

В рамках образовательного проекта «Театр для всех» проводятся обсуждения спектаклей в различных техниках театральной педагогики. «Снежная королева» как спектакль для детсадовского и младшего школьного возраста обсуждается в формате «обсуждения-рисования» (6—7 лет) и тренинга (10—12 лет).

Первый метод проходит в три этапа: тренинг-разминка (актуализация чувств, впечатлений), рисование (выражение мыслей, эмоций, чувств, воспоминаний в художественной форме, определение отношения ребенка к увиденному) и представление рисунка (обсуждение на уровне малой группы, обмен впечатлениями).

Следует упомянуть, что «отзывы» в формате рисунков собирались еще с самого раннего периода существования ТЮЗов⁶ — в силу возрастной специфики, аудитория театров легко делилась мнениями именно в художественном формате. «Обсуждение-рисование» как метод театральной педагогики позволяет более полно раскрыть и обогатить представление ребенка о спектакле, а также получить более четкий и концентрированный отклик, позволяющий сориентировать труппу — что показалось важным,

---

newslab.ru/article/597937

⁵ Савостьянов, А. И. Общая и театральная психология / А. И. Савостьянов. — СПб.: Каро, 2007. — 256 с.

⁶ Барбашова, Е. В. Сравнительный анализ театральной педагогической практики. Театральная педагогика вчера и сегодня [Электронный ресурс] / Е. В. Барбашова — 2011. — Режим доступа: <http://dshi-6.ru/metodika/barbashova.html>

что впечатлило, а что не вызвало эмоций и инсайтов.

В качестве примера можно привести рисунки учеников первого класса лицея №1 г. Красноярска — мальчик изобразил пустой зал и мотоцикл (данный предмет обыгрывается в «Снежной королеве» как транспорт Северного оленя). (Приложение А. Рисунок А.1) Когда его спросили, что для него значат эти образы, ребенок ответил: «Как он там один? Ведь все ушли, а Он (Олень) остался». Если учитывать, что для детей предметы обретают одушевленное значение в контексте сказки, то какая удивительная чуткость и глубина сопереживания свойственна этому мальчику. А именно в этом заключается смысл театральных обсуждений — вывести на уровень сознания важные переживания и дать им творческую разрядку, ведь через актуализацию и реализацию происходит присвоение новых качеств. Другой рисунок (Приложение А. Рисунок А.2), первые полчаса выглядел как черное полотно — ребенок закрасил весь лист А3 черной гуашью. А затем нарисовал Ангела — персонажа, пусть и появляющегося на сцене лишь на несколько минут, но при этом воплощающего одну из главных идей спектакля — вера в чудеса и умение не сдаваться перед трудностями найдет отклик в мире и человеку обязательно помогут.

Обсуждение-тренинг — это интерактивная двигательная игра, нацеленная на «прочувствование» постановки посредством тела. Здесь актуализируются в основном сенсорные и аудиальные ощущения, применяется техника глубинного выражения эмоций и впечатлений через ассоциативные движения и звуки.¹

В литературном лицее г. Красноярска был проведен тренинг по «Снежной королеве», в рамках которого дети «проживали» спектакль с закрытыми глазами, вслушиваясь в звуки зимнего леса, самостоятельно и в группах отыгрывали разные динамические и статические сцены из спектакля. Подобные уроки позволяют преодолеть границу сцены, осознать собственный творческий потенциал и актуализировать индивидуальные ценности.

Сюжет «зимней» сказки Андерсена в драматургической адаптации Е. Шварца не сходит со сцен детских театров уже более полувека. Но с течением времени меняются детали постановок — например, в интерпретации Р. Феодори «Снежная королева» получается вечной историей взросления, преодоления трудностей и победы искренности и жизни над замкнутостью и холодностью, при этом обогащенной современными приемами видеоарта.

Основные приемы, специфика и методы постановки Р. Феодори «Снежная королева» (Г. Х. Андерсен): визуальные эффекты (видео-арт²,

---

¹ Бутенко, Э. А. Сценическое перевоплощение: теория и практика / Э. А. Бутенко. — М., 2005. — 476 с.; Развитие культуры восприятия [Электронный ресурс]: метод. рекомендации / А.Б.Никитина [и др.] — Режим доступа: <http://alexandranikitina.wix.com/alexandranikitin>

продуманная сценография), драматизм, внимание к тексту, отсутствие иллюстративности, контрастирующие приемы и динамизм (энергичная театральность и выхолощенная визуальность), цирковые приемы и карнавальная эстетика (костюмы, танцы), христианский мотив (важный аспект сказки Андерсена, отложенный в советские годы), минимализм средств (использование ограниченного набора ресурсов).

Исходя из приведенных выше наблюдений предполагается перспективной для расширения образовательного и развивающего потенциала Красноярского ТЮЗа дальнейшая разработка обсуждений в различных техниках.

«Кеды» Л. Стрижак

Спектакль поставлен по нашумевшей пьесе молодого московского драматурга петербургской школы театроведения Л. Стрижак выпускником ГИТИСа И. Орловым в Красноярском ТЮЗе в 2013г. Географическое уточнение происхождения творческих идей важно в контексте критических откликов, которые получил спектакль в красноярской прессе.

Сюжет постановки сконцентрирован вокруг представителя так называемого «поколения постподростков» (или «хипстеров», но это более ограниченное понятие) — двадцатилетнего Гриши, его друзей, девушки и родителей. В самом начале обозначаются отличительные особенности «поколения, застрявшего в детстве»: высокие материальные запросы, удовлетворяемые через родителей, потребность в постоянных клубных увеселениях с употреблением легких наркотиков и любовь к модной в хипстерской среде обуви — кедам. Как характеризовали постановку в столичной прессе «спектакль о тех, кому важны такие свойства обуви, как фирма, цена и модель». Разумеется, в мире Гриши есть место и любви, и обязательствам, и волонтерской помощи — однако место это где-то на периферии, а главной ценностью является свобода, а мечтой — уехать как можно дальше от России, желательно в Лондон, писать музыку и, главное, «не жить, как родители».

В аспекте значимости для культуры Красноярска данный спектакль показал противоречия между запросами и проблемами молодежи столицы и региона. Как оказалось, в силу социокультурных различий «московская» пьеса не может найти полноценного отклика ни среди зрителей, ни даже среди актеров, поэтому выглядит карикатурно и неорганично на сцене Красноярского ТЮЗа. Если для критиков Москвы и Санкт-Петербурга «Кеды» являются прямым отражением бессмысленности, «вязкости» повседневности, то для Красноярска подобные сюжеты интересны только в качестве ознакомления с культурой «хипстеров», о которой говорят, которую

---

² Попова М. А. Методы взаимодействия видео и драматургического текста в пространстве спектакля Новый университет. / М. А. Попова. — Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2013. — №.5 (26).

исследуют, но которая не присутствует в региональной реальности, а поэтому чужды и фальшивы на глубинном уровне восприятия.

В качестве формы обсуждения для постановки «Кеды» была выбрана форма дебатов — обсуждение, проводящееся в форме аргументированного и четко структурированного обмена мыслями по заранее заданным противоположным позициям. Тематами, вынесенными на обсуждение, стали «Гражданская позиция», «Вредные привычки» и «Конфликты с родителями».

Основные приемы, специфика и методы постановки И. Орлова «Кеды» (Л. Стрижак): оригинальная сценография (использование «задника» из велосипедов, разбросанные автомобильные шины, кеды), карикатурные «слоу моушн» сцены, актуальная и популярная проблема современного «потерянного поколения» — подмена безыскусными развлечениями духовного развития.

«Королева Гвендолин» Х. Дарзи (по мотивам сказок братьев Гримм)

Красноярский ТЮЗ является площадкой для драматургической лаборатории «Вешалка», в рамках которого был представлен эскиз спектакля «Королева Гвендолин» осенью 2012 г.

«Волшебные пальцы». В 2014 году финансовыми силами Фонда Михаила Прохорова осуществлялся социокультурный проект «Человеческий голос», который был направлен на социальную адаптацию и привлечение к театральному искусству слабослышащих детей, воспитанников коррекционной школы-интерната.

Спектакль «Волшебные пальцы» был создан в рамках данного проекта. Драматургами В. Дурненковым и М. Зелинской, общавшимися на открытых встречах со слабослышащими участниками, была написана пьеса «Волшебные пальцы», при учете особенностей восприятия театрального действия слабослышащими детьми. Главная тема спектакля — «преодоление дисконнекта», отверженности подростка со слабым слухом. Для этого используется излюбленный и востребованный прием магической силы и помощника-супергероя.

В результате на сцене Красноярского ТЮЗа появилась супергеройская история, театральный комикс, который поставил главный режиссёр театра Р. Феодори и хореограф Е. Слободчикова. Композитор — Евгения Терёхина, художники — Виктория Попова и Василина Харламова.

Основная аудитория — зрители младшего и среднего школьного возраста, которым должна быть понятна и интересна постановка вне зависимости от особенностей развития слуха.

Как прием используется язык жестов, который в критических ситуациях приравнивается к волшебной силе.

Комиксность спектакля выражается в четкой фреймовой структуре сцен и художественном оформлении (ядовитые цвета, типажные костюмы,

необычная атрибутика) и спецэффекты (партнер спектакля — интерактивный музей науки «Ньютон парк»).

Темы: первая любовь, ответственность, отверженность коллективом

Спектакль «Волшебные пальцы» учит детей терпимости, толерантности и уважению к людям с особенностями в развитии, обращаясь к вечно актуальным темам (превращение неудачника в героя) и используя средства распространенных продуктов культуры среди подростков (комиксы).

Отдельным обзорным блоком следует поместить информацию о спектаклях Красноярского ТЮЗа, направленных на аудиторию старше восемнадцати лет.

«Окна в мир», трагедия А. Вислова по роману Ф. Бегбедера.

Спектакль, как и роман, является откликом на одну из самых серьезных трагедий начала XXI века — теракт во всемирном торговом центре в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.

Постановка представляет собой смесь приемов европейского синтетического театра, перфоманса, мелодрамы, трагедии и комикса.

Сводная характеристика театральных приемов Красноярского Театра юного зрителя:

Театральные аттракционы и wow-эффекты, видеоарт, продуманная сценография и ответственная работа художественного руководителя.

Нарративность уступает место визуальности и клиповости, но специфическая условность театральных приемов балансирует со зрелищностью, а сочетание шоу, визуальных эффектов и глубокого содержания — главные тренды и запросы современного профессионального театра для детей.

Современная детская аудитория требует закрытого, ограниченного, индивидуального сюжетного пространства и отношений героев (наиболее характерный пример — школа закрытого типа)

Спектакль «Алиса»

В ноябре 2014 года прошли предпремьерные показы фэнтези спектакля «Алиса» по мотивам сказок Л. Кэрролла. Спецификой постановки является упор на визуальные эффекты, так называемый «визуальный театр». Официальная премьера — в январе 2015 года.

Над постановкой работали: Даниил Ахмедов (режиссёр-художник), Роман Феодори (художественный руководитель постановки), Евгения Терёхина (композитор), Денис Бородицкий (балетмейстер). В спектакле главными выразительными средствами (за отсутствием вербальных) являются визуальные образы, музыка, пластика и хореография, используются видеоэффекты и элементы клоунады.

Спектакль «Алиса» считается многомерным проектом, так как подразумевает создание тематических интерактивных пространств — ряда арт-объектов и инсталляций в театральных фойе на тему сказок Кэрролла про Алису (дизайн пространства — Василина Харламова).

Так как спектакль поставлен без слов, пластическая выразительность используется наравне с видеоартом, этим же обусловлено и обращение к цирковым приемам, которые можно встретить в большой концентрации, особенно во втором акте.

В декабре 2014 г. были проведены предпремьерные показы спектакля, сопровождаемые обсуждениями с участием детей. Впоследствии спектакль дорабатывался с учетом особенностей детского восприятия постановки, то есть в режиме *work in progress*.

Выводы

На основании проведенного анализа некоторых театральных постановок для детско-юношеской аудитории и социокультурных программ Красноярского ТЮЗа за 2014–2016 гг. можно сделать следующие выводы:

— Современный Красноярский театр юного зрителя обращается к разноплановым темам, представляет собой репертуарный театр, а также является платформой образовательных программ для детей, подростков и взрослых.

— Основные средства выразительности: театральные и цирковые аттракционы и wow-эффекты, видеоарт, художественная сценография, смесь приемов европейского синтетического театра, перформанса, мелодрамы, трагедии и комикса. Используются документальные приемы (*verbatim*)

— Главные тренды и запросы современного профессионального театра для детей в г. Красноярске: нарративность спектакля уступает место визуальности, клиповости («комиксности»), условность театральных приемов балансирует со зрелищностью; сочетаются элементы шоу, визуальных эффектов и глубокого содержания

— Сохраняется и развивается практика обмена творческим опытом с креативным классом Центрального округа — Санкт-Петербургской театральной школой.

— На платформе театра проводятся мероприятия, спонсируемые как государством, так и частными инициативами. Мероприятия направлены на развитие детского творчества и пропаганду театрального искусства: лаборатории, обсуждения, тренинг.

Литература

1. Мельников Е. «ПравоПисания» в Красноярском театре юного зрителя [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://newslab.ru/article/568506>

2. Мельников, Е. «Снежная королева» в красноярском театре юного зрителя [Электронный ресурс] / Е. Мельников // Интернет-газета NewsLab, 2012 — Режим доступа: <http://newslab.ru/article/597937>

3. Публичный отчет об итогах деятельности Красноярского театра юного зрителя за 2015 год. [Электронный ресурс] // офиц. сайт учреждений

Красноярский ТЮЗ. — Режим доступа: <http://www.ktyz.ru/yearly-report/>

4. Барбой Ю. М. К теории театра [Электронный ресурс] / Ю. М. Барбой — Изд-во Петербургской гос. академии театрального искусства, 2008. — Режим доступа: http://royallib.com/book/barboy_yuriy/k_teorii_teatra.html

5. Незамаева, М. А. Потенциал региональных культурно-досуговых учреждений в адаптации детей-инвалидов / М. А. Незамаева // Успехи современного естествознания. — 2007. — №. 5.

6. Жуков, Г. В. Благотворительность как инструмент фандрейзинга в социокультурном пространстве современного общества: дис. ... к. культурологии: 24.00.01/ Жуков Григорий Владимирович. — Краснодар, 2002.

7. Федорова, Т. С. Статус учреждений культуры: эволюция (по зарубежным материалам) [Электронный ресурс] / Т. С. Федорова // Информкультура.— 2010. — №4. — Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/04/2010-04_r_dek-s10.htm

8. Rukavishnikov, V. Russia's «Soft Power» in the Putin Epoch / V. Rukavishnikov // Russian foreign policy in the 21st century. — Palgrave Macmillan UK, 2011. — С. 76—97.

9. Попова М. А. Методы взаимодействия видео и драматургического текста в пространстве спектакля Новый университет. / М. А. Попова. — Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2013. — №.5 (26).

Историографический обзор коренных исследований за 2014—2018 гг.

Шиманская Ксения Игоревна,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

На сегодняшний день коренные народы являются объектом пристального интереса не только со стороны современного научного сообщества, но и с позиций общества в целом. Этот интерес со времен своего появления не оставался неизменным, о чем свидетельствует сравнение первых и современных определений понятия «коренные народы»: он прошел путь от патернализма, сопутствовавшего модернизационным планам колониализма, до обратному ему процесса деколонизации, признания права на сохранение уникальной самобытной культуры, неприкосновенности ценностей, практик и институтов этих народов. Все это обуславливает внимание к коренным народам ученым — представителей самых разных сфер научного знания. В статье дается обзор коренных исследований за 2014—2018 гг. с целью выявить основные тенденции в изучении коренных народов Севера. Обзор позволил выявить главные темы, волнующие современных исследователей. На первом месте находится проблема сохранения этнокультурной идентичности, механизмами формирования которой ученые называют искусство, традиционные социальные практики и промыслы, мифологию, а также ландшафт. Следом идут проблемы социального характера, с которыми коренные народы столкнулись в результате глобальных трансформаций их традиционного жизненного уклада, — посвященные им статьи затрагивают в первую очередь такие темы, как здравоохранение и социальное неравенство. Особое внимание исследователей привлекают проблемы экономико-правового регулирования, касающиеся как традиционной экономической деятельности коренных народов Севера, так их диалога с правительством и добывающей промышленностью. Наконец, немаловажной является проблема влияния климатических изменений не только на жизнь коренных народов, но и на их физическое и психическое здоровье. Среди отечественных исследований в качестве доминанты выступают проблемы сохранения уникальной культуры коренных народов и их взаимодействия с государством и бизнес структурами, зарубежные исследователи больше озабочены социальным благополучием коренных народов, а именно проблемами здравоохранения (Канада)

и социальных притеснений (США).

Ключевые слова: коренные народы, деколонизация, этнокультурная идентичность, социокультурные практики, традиционные экономические практики, совместное управление ресурсами, климатические изменения.

За последние десятилетия жизнь коренных народов даже в самых отдаленных уголках земного шара претерпела колоссальные изменения, вновь сделав объектом пристального внимания ученых уникальные миры этих народов. Они являются представителями разных рас, культур, языковых групп, религий и живут фактически на всех обитаемых континентах; они находятся на разных этапах социального, экономического и культурного развития, в связи с чем обладают различными потребностями и интересами. Античные автохтоны, загадочные «люди той земли» — туземцы, коренные народы, как принято называть их сейчас, — несмотря на несметное число различий, сегодня все они одинаково уязвимы перед процессами глобальных трансформаций XXI века. По образному выражению канадских исследователей Мурдены и Альберта Маршалл, коренным народам приходится сейчас смотреть «в оба глаза», чтобы уследить за течением жизни сразу в двух мирах: «в своем родном сообществе и господствующем обществе белых переселенцев» (Marshall, Marshall, Bartlett, 2015). Это ученые называют «руководящим принципом» для жизни в этих двух мирах, сочетающим опору на сильные стороны каждого и объединение различных способов познания на общее благо (Leeuw, Lindsay, Greenwood, 2015). Однако такой позиция по отношению к коренным народам была не всегда.

Интерес к проблеме коренных народов как к самостоятельной научной проблеме возник в 20—30 годах XX века (Sokolova, 2012), однако это был интерес патерналистский, полностью укладывавшийся в рамки модернизационной концепции и оправдывавшийся задачей интеграции коренных народов в политическое, экономическое и культурное пространство «титупной» нации якобы ради приобщения к благам цивилизации и прогресса, улучшения условий жизни и труда. На самом деле, это был сугубо экономический интерес, которые отличает и появившееся в те годы первое определение понятия «коренные народы»: население колоний, проживающее на своей исторической родине и выходцы из колоний, проживающие в метрополии (Recruiting of Indigenous Workers Convention).

Однако с тех пор ни наука, ни общество не стояли на месте. Сегодня уже не оставляет сомнений ценность и значимость всех культур мира, право на самостоятельный выбор собственной исторической судьбы и форм жизнедеятельности, все чаще звучат слова «деколонизация», «позитивная этнокультурная идентичность». Современная трактовка коренных народов связана с Конвенцией МОТ «О коренных и племенных народах в независимых странах». Настоящий международный правовой акт признал вклад этих народов «в культурное разнообразие, социальную и экологическую

гармонию человечества и в международное сотрудничество и взаимопонимание» (Indigenous and Tribal Peoples Convention) и обозначил принципиально иной курс по отношению к ним, направленный на сохранение самобытной культуры и признание неприкосновенности их ценностей, практик и институтов. Сами же коренные народы определяются Конвенцией как народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями или специальным законодательством.

По данным ООН, коренное население планеты составляет 370 миллионов человек, живущих более чем в 70 странах по всему миру (United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues). Среди них важное место занимает Россия, где, как в США, Канаде и скандинавских странах ЕС, велико число коренных жителей Севера.

На сегодняшний день коренные народы Севера представляют серьезный интерес для исследователей — как отечественных, так и зарубежных. Для науки Север — общий: несмотря на принадлежность его территорий различным государствам, все их объединяют одни и те же проблемы, требующие порой незамедлительного решения. Этот интерес объясняется важнейшими изменениями, происходящими в арктических землях и затрагивающими все сферы жизни их коренных жителей. Причиной их являются не только социально-культурные и экономические процессы (и в первую очередь — глобализация со всеми ее положительными и отрицательными последствиями), но также и изменение климата, которое нельзя оставлять незамеченным. Все это оказывает колоссальное влияние на традиционный уклад жизни людей, с одной стороны, помогая решать накопившиеся проблемы, с другой — создавая новые. Таким образом, перед современной наукой ставится сразу несколько задач: сохранение уникального прошлого коренных народов, анализ их настоящего, а также прогнозирование развития в будущем.

Целью нашего исследования является проследить основные тенденции в современных научных исследованиях коренных народов Севера, принятых за 2014—2018 гг. и затрагивающих самые разные стороны их жизни.

Так же многообразны, как коренные малочисленные народы Севера: якуты, тувинцы, ненцы, ханты, манси, эвенки, эвены, чукчи, долганы, селькупы — и научные подходы, используемые исследователями для их изучения. Сегодня коренные народы привлекают внимание не только антропологов и культурологов, но также экологов, экономистов, политологов, юристов и даже генетиков.

Используя метод историографического обзора, выделим главные темы,

привлекающие наибольший интерес исследователей.

Формирование этнокультурной идентичности

Среди проанализированных нами научных публикаций, особое место занимают работы, посвященные проблеме поддержания идентичности коренных народов за счет сохранения их уникальной культуры.

Как отмечают исследователи, вопрос о формировании позитивной этнокультурной идентичности особенно актуален для представителей коренных народов, поскольку в настоящее время под воздействием «больших культур» всё сложнее сохранять уникальность культур традиционных. Однако здесь кроется любопытнейший парадокс: дело в том, что механизмы, позволяющие формировать и поддерживать этническую и культурную идентичность, существуют внутри самой культуры, и одним из таких механизмов является искусство. Его возможности в деле сохранения традиционных ценностей культуры исследуется в статье Н. М. Лобаковой и Е. А. Сертаковой «Формирование этнической идентичности коренных народов Севера с помощью искусства и ремесл на примере резьбы по кости». Авторы обращаются к анализу произведений декоративно прикладного искусства, созданных косторезами Таймыра на севере Красноярского края: визуализируя знаки и символы, выражающие ценности традиционной культуры, они «творят картину мира, определяя в нем место человека, актуализируют отношения современных людей и их предков» (Libakova, Sertakova, 2015). Тем самым, они «не только хранят духовный опыт предыдущих поколений, но также олицетворяют коллективную культурную память всего этноса» (Libakova, Sertakova, 2015), конструируя его этническую идентичность.

Представление о том, что «одним из ведущих средств сохранения культурного ядра народов Севера» является декоративно-прикладное искусство (Kistova, Pimenova, 2017), разделяет целый ряд работ, по-своему его дополняющих и развивающих. Так, в статье А. В. Кистовой и Н. Н. Пименовой «Современное состояние декоративно-прикладного искусства коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского автономных округов (экономические и социокультурные практики)» актуальные формы существования декоративно-прикладного искусства коренных народов края рассматриваются с точки зрения возможности их сохранения. Как было установлено, «среди существующих экономических и социально-культурных практик сохранения культурного наследия коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае преобладают формы академического подхода — музеефикация, консервация, научное исследование и реконструкция» (Kistova, Pimenova, 2017). Наравне с такими классическими форматами, как экспозиция, научное описание и изучение источников, публикации в сборниках и каталогах, сегодня мы вправе говорить также о вовлечении наследия коренных на-

родов края в современные постмодернистские музейные практики, такие как тематические выставки, образовательные мероприятия в музейной среде, интерактивные экспозиции, дающие возможность опробовать на практике музейные экспонаты, моделирование этнокультурной среды. Что же касается таких эффективных средств трансляции этнокультурного наследия этнических групп как виртуальный музейный тур или онлайн-выставка, то они по-прежнему необоснованно недооцениваются большинством музейных центров.

Статья К. В. Резниковой, Н. Н. Середкиной и Ю. С. Замараевой «Перспективные форматы развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края» делает следующий шаг, ставя перед собой цель «выявления перспективных форматов развития данной практики культуры» (Reznikova, Seredkina, Zamaraeva, 2017). В результате исследования были выделены основные тенденции современного декоративно-прикладного искусства коренных народов края, «связанные, с одной стороны, с частичным сохранением традиционных видов деятельности (пошив одежды, обуви, вышивка бисером), появлением новых практик декоративно-прикладного искусства (выделка щучьих голов), а с другой стороны, с утратой знаний, мастерства, традиции передачи умений по изготовлению изделий декоративно-прикладного искусства от поколения к поколению» (Reznikova, Seredkina, Zamaraeva, 2017). Исследователи также выявили ряд перспективных форматов развития декоративно-прикладного искусства, среди которых: организация учебных занятий для детей и мастер-классов для людей старшего возраста, обмен опытом между мастерами, сочетание традиций и современных технологий, создание новых направлений, не противоречащих традиционной культуре, организация частных производств, проведение этнических праздников и конкурсов, открытие этнопарков и др.

Однако сохранения и развития требуют не только художественные традиции коренных народов, но также их уникальные социокультурные практики, играющие ту же роль в воспроизводстве культур. Авторами статьи «Текущее состояние традиционной социокультурной практики коренных народов Севера (на примере селькупов, ненцев и якутов)» — К. В. Резниковой, Ю. С. Замараевой, А. В. Кистовой и Н. Н. Пименовой — было проведено исследование современного состояния традиционных культур этих этнических групп с акцентом на их погребальные обряды. Это позволило им выявить факторы, способствующие сохранению традиционной культуры, а именно функциональность и гордость. Как оказалось, «этнические группы, обладающие национальной гордостью, способны намного лучше сохранить свою этническую культуру» (Reznikova, Zamaraeva, Kistova, Pimenova, 2014), чем те, что к своему происхождению равнодушны. В то время как гордость помогает сохранить традиционную культуру в целом,

фактор функциональности способствует сохранению отдельных ее компонентов — примером того может послужить традиционная ненецкая одежда, как нельзя лучше подходящая для экстремально низких температур севера.

В качестве «механизма установления и поддержания этнической целостности людей» (Libakova, Sitnikova, Sertakova, Kolesnik, Ilbeykina, 2014) другая группа исследователей — Н. М. Лобакова, А. А. Ситникова, Е. А. Сертакова, Е. А. Колесник, М. И. Ильбейкина — рассматривают мифологически-поэтическое, эпическое наследие коренных народов, питающее их искусство и социокультурные традиции. В статье «Современные практики региональной и этнической идентичности якутов (Северная Азия, Россия)» они применяют методы лингвистического и культурного анализа к традиционному якутскому эпосу Олонхо. Такие его свойства, как фиксирование особого места этой этнической группы в истории человечества, наличие героев всемирного значения с высшими физическими и духовными качествами, данными богами, и сакральная связь с традиционными особенностями повседневной жизни и формирует, что доказывают авторы, особое интегрированное самовосприятие якутов.

Мифологии коренных народов Севера как одному из основополагающих культурных компонентов посвящена также статья «Огонь в мифологии народов Сибири: общие черты и особенности». Используя сравнительно-сопоставительный метод исследования мифологии тюрко-монгольских (якуты, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты) и тунгусо-маньчжурских народов Сибири (эвенки, эвены), Л. С. Ефимова и Н. В. Афанасьев смогли определить, чем схожи и чем различны их представления об огненной стихии. Так, авторы пришли к выводу, что «мифология всех упомянутых народов характеризуется схожими представлениями о трех мирах, что объясняет идентичные представления об огне двух основных видов: огонь небесный, связанный с верхним миром, и огонь нижнего (или подземного) мира» (Efimova, Afanasev, 2017). Что же касается особенностей, то они связаны с образом Духа Огня. В мифологии алтайцев, тувинцев, хакасов, большинства бурят, эвенов и эвенков характерно женское изображение Духа Огня, и только для якутов и западных бурят для него характерен мужской образ.

Культура немислима без ландшафта, в котором она существует, который является для нее одновременно средой, сферой и ценностью (Kaganskii, 1997). Именно ландшафт в статье Т. М. Херрманн и Л. Хейнамаки «Изучение и сохранение Священной Арктики: священные природные объекты, культурные ландшафты и права коренных народов» рассматривается исследователями как одна из важнейших составляющих идентичности народов Севера. «Пейзаж — это прежде всего культура, а уже потом природа; конструкции воображения, проецируемого на лес, воду и скалы» (Schama, 1995). Констатируя тот факт, что родная земля

считается священной в традиционном мировоззрении многих коренных народов, исследователи выделяют среди «живых ландшафтов» Арктики Священные природные объекты, «связанные с сильными духовными или культурными нематериальными ценностями» (Herrmann, Heinämäki, 2017). Они «находятся на границе между природой и культурой, материальными и нематериальными ценностями и выражают взаимосвязь коренных народов с естественной и духовной средой» (Herrmann, Heinämäki, 2017), а их сохранение было и есть чрезвычайно важно для поддержания их идентичности и средств к существованию.

От вопроса идентичности интересно перейти к вопросу самоидентификации коренных народов Севера, которому посвящена статья Н. П. Копцевой и В. И. Кирко «Этническая самоидентификация долган и кумандинцев: коренные народы восточной Сибири». Как сообщают исследователи, «ассимиляция в русскоязычной среде и угроза исчезновения их родных языков» (Koptseva, Kirko, 2017) оказывают различное влияние на этническую самоидентификацию тех или иных коренных народов Сибири. Авторы подтверждают это анализом современного положения долган и кумандинцев. Так, этническая самоидентификация долган увеличивается, в то время как этническая самоидентификация кумандинцев уменьшается. Как заключают исследователи, «на эти процессы влияют политический менеджмент, экономические и правовые механизмы, а также субъективная ценность этнического проявления различных культурных групп Восточной Сибири» (Koptseva, Kirko, 2017).

Социальные проблемы

Многие зарубежные исследователи посвящают свои статьи поиску описанию и поиску решения тех социальных проблем, которые встают перед представителями коренных народов в современном мире. Среди них можно выделить в первую очередь проблемы здравоохранения и социальное притеснение.

Самый полный список социальных вызовов, брошенных коренным народам эпохой глобальных изменений, упоминают в своей статье «Здоровье коренного населения» С. Р. Валежья и Дж. Дж. Снодграсс. Как отмечают исследователи, на сегодняшний день коренные народы во всем мире испытывают социальные, культурные, демографические и психоэмоциональные изменения, которые оказывают глубокое влияние на их здоровье. Независимо от географического положения или социально-политической ситуации показатели здоровья для коренных народов всегда хуже, чем для остального населения. Как свидетельствуют данные, коренное население страдает от более низкой ожидаемой продолжительности жизни, высокой младенческой и детской смертности, высокой материнской заболеваемости и смертности, тяжелых инфекционных заболеваний, недоедания, замедления роста, повышения уровня сердечно-сосудистых и других

хронических заболеваний, злоупотребления психоактивными веществами и депрессии. Такие причины этого, как «разрушительные последствия колонизации, выразившиеся в первую очередь в утрате исконной земли, а также в языковых и культурных барьерах при доступе к медицинскому обслуживанию» (Valeggia, Snodgrass, 2015), являются одними из наиболее важных тем, характеризующих плохую ситуацию в области здравоохранения коренных народов.

Проблеме неравенства в правах между представителями коренных народов и бывшими колонистами посвящены работы, акцентирующие свое внимание на том, слышен ли голос представителей коренных народов в информационном пространстве старой «метрополии».

Язык — важная часть культуры любого народа, также играющая не последнюю роль в формировании его идентичности. Статья Л. Сидоровой, Дж. Фергюсон и Л. Валликиви «Признаки непризнания: колонизированные лингвистические ландшафты и коренные народы в Черском (Северо-Восточная Сибирь)» ставит перед собой цель проанализировать наличие (а скорее, наоборот, отсутствие) местных языков в визуальной среде Черского — небольшого поселка, расположенного на крайнем северо-востоке Якутии (Нижнеколымский район). Как отмечают исследователи, лингвистический ландшафт, т. е. элементы языка, присутствующие в публичном пространстве, «можно рассматривать как отражение устойчивости языка и, как следствие, культурной идентичности группы» (Sidorova, Ferguson, Vallikivi, 2017). Однако оценка лингвистического ландшафта Черского приводит к неутешительным выводам: несмотря на то, что в регионе проживают носители русского, якутского, эвенского, чукотского и юкагирского языков, не все они присутствуют в местном ландшафте. Коренные эвенский, чукотский и юкагирский языки исключаются из языкового ландшафта в пользу русского, якутского и даже английского языков. Как полагают исследователи, дело в том, что эти местные языки «включены в дискурс, подчеркивающий принадлежность региона не только Республике Саха (Якутия), но и Российской Федерации в целом» (Sidorova, Ferguson, Vallikivi, 2017).

Схожую ситуацию «непризнания» мы находим в статье «Проявления судьбы: представление коренных народов в стандартах учебной программы по истории США». Автор задается вопросом, как государственные стандарты представляют историю коренных народов и их культуры, а именно: а) Какова частота упоминания коренных народов (их истории, культуры, текущих проблем)? б) Существует ли разница между частотой упоминания коренных жителей до и после 1900 года? с) Как стандарты учебной программы представляют коренные народы в истории США? Стандарты учебной программы по истории США из всех 50 штатов и округа Колумбия были проанализированы с применением метода контент-анализа. Выводы

показывают, что стандарты «в подавляющем большинстве представляют коренные народы в контексте до 1900 года, отбрасывая важность и присутствие коренных народов в далекое прошлое» (Shear, Knowles, Soden, Castro, 2015).

Однако на сегодняшний день еще важнее, чем быть представленным в языковом ландшафте своего родного местечка или найти свое место на страницах, повествующих о событиях давно минувших лет — обрести голос в региональном, национальном или даже глобальном информационном ландшафте. Не зря бытует мнение, если о событии не было рассказано в средствах массовой информации, можно считать, что этого события и не было. То же самое можно сказать и о народе, немом для средств массовой информации, не имеющем собственной партии в их многоголосном хоре — и здесь исследователи могут с радостью привести положительный пример. Вопросу представленности национальных меньшинств в информационной повестке дня страны посвящена статья Л. Рота «Цифровое саморазвитие коренных народов Канады». Как отмечает исследователь, в период с 1973 года по настоящее время коренные народы убедили правительство и руководителей средств массовой информации более внимательно отнестись к их интересам, что стоило им «упорных усилий, целого ряда технологических хитростей, знакомства с бюрократией и правилами заключения стратегических альянсов» (Roth, 2014). Эти усилия достигли кульминации в создании национального канала — сети телевидения аборигенов (1999 год). Хотя по-прежнему существует много вопросов, которые необходимо решить с точки зрения инфраструктуры, финансирования программ и проектов, а также доступа к Интернету в небольших и отдаленных северных общинах, коренные народы, как отмечает автор, добились организации для себя пространства в рамках новой канадской медийной политики, обеспечивая себе информационные настоящее и будущее.

В рамках разговора о социальных проблемах в среде коренных народов, необходимо также упомянуть работы, авторы которых рассматривают пути их решения с точки зрения необходимости преодоления культурной травмы, бесповоротно изменившей жизнь коренных народов в результате колонизации и ее последствий.

Культурная травма «как новая парадигма социального изменения» (Pimenova, 2016), пришедшая на смену парадигмам прогрессивного развития и кризиса, рассматривается в статье Н. Н. Пименовой «Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки». Как отмечает автор, в последнее время для описания подобного рода изменений, часто используется термин «травма», «фиксирующий такую категорию перемен в общественной и культурной среде, которые переживаются как потрясение, выступают в качестве реакции на травмирующие события и обстоя-

тельства» (Pimenova, 2016). Исходя из этого, известный польский социолог Петр Штомпка определил культурную травму как какое-то значительное событие (воспоминание о подобном важном событии прошлого), которое «бьет по самым основам культуры, точнее, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости и т.д.» (Sztompka, 2001). Автор рассматривает четыре типа культурных травм: 1) признание какого-либо значительного события несоответствующим, перечашим базовые ценности; 2) нахождение представителей сообщества в ситуации доминирования иной культуры, разновидностями чего являются миграционная и колониционная ситуации (прямой колониализм или культурная глобализация, называемая модернизацией), 3) конфликт обновления образа жизни (под влиянием экономических и политических условий) с традиционной культурой, сопровождающийся конфликтом поколений; 4) несинхронное развитие разных сфер культуры, открытия, несоответствующие прежней культуре или требующее переосмысления ее ценностей (внутрикультурные истоки травмы). Избирая в качестве предмета исследования процессы, происходящие сегодня среди коренных народов вышеназванных регионов, автор применяет концепцию П. Штомпки для анализа их современного этно- и культурогенеза, что выявить различные формы реакции коренных народов Севера на культурные травмы, в том числе: инновация, бунт, ритуализм, ретриатизм. Эти механизмы способны породить два возможных сценария дальнейшего развития: усугубление травматической ситуации или ее эффективное преодоление.

Зарубежные исследователи также уделяют особое внимание концепции культурной травмы, видя в ней причину многих социальных проблем, включая наркотическую зависимость и высокий уровень самоубийств. В статье «Культурные раны требуют культурных лекарств» М. Дж. Чендлер и У. Л. Данлоп сосредоточили свое внимания на культурной идентичности как важнейшем показателе благосостояния коренных народов. Основываясь на своей работе, посвященной самоубийству среди представителей национальных меньшинств, авторы выступают за более широкое и тонкое понимание роли «культурных ран» как главных причин социального неблагополучия среди коренных народов мира. По их мнению, «культурные факторы действуют как настоящие буферы против самоубийств» (Chandler, Dunlop, 2015) — это подтверждается тем, что уровень самоубийств равен нулю в сообществах, характеризующихся самоуправлением, активным участием в восстановлении традиционных прав на землю, сохранением своего языка и культуры, а также традиционной роли женщин в управлении племенем.

Похожие идеи развивают Дж. Наттон и И. Фаст в своей статье «Историческая травма, наркотическая зависимость и коренные народы: семь по-

колений вреда от «большого события». Согласно позиции исследователей, коренные народы во всем мире испытывали ранее и продолжают испытывать сейчас разрушительные последствия колониализма (гибель людей, земли, языка, культуры и самобытности). Коренные народы страдают от многих факторов риска для здоровья, включая повышенный риск развития наркотической зависимости. Авторы используем термин «большое событие», чтобы описать историческую травму, приписываемую колониальной политике, для потенциального пути объяснения высокого уровня употребления психоактивных веществ среди многих коренных народов. В ответ на «большое событие» исследователи предлагают и «большие решения», которые, по их мнению, способны со временем нейтрализовать негативные последствия «большого события», а именно: а) деколонизация, б) развитие идентичности и с) культурно адаптированные вмешательства (Nutton, Fast, 2015).

Экономико-правовое регулирование

С экономической точки зрения коренные народы представляют интерес для исследователей как хранители уникальных традиционных экономических практик, которые тем не менее, в ближайшее время могут быть безвозвратно утрачены.

В своей статье «Текущая экономическая ситуация в Таймыре (Сибирская Арктика) и перспективы традиционной экономики коренных народов» Н. П. Копцева дает оценку экономического положения Таймыра и его коренных народов, таких как долганы, ненцы, нганасанцы, эвенки и энцы. Сегодня Сибирская Арктика, включая Таймыр, может быть названа «реиндустриализированной областью» (Koptseva, 2015), где традиционная экономика коренных малочисленных народов сталкивается с глобальными преобразованиями, а нерыночные экономические отношения, характерные для общин коренных народов, сильно повреждены капиталистическими рыночными отношениями постсоветской России. Дело в том, что традиционная экономическая деятельность в 3–4 раза менее выгодна, чем другие виды бизнеса. Государственные субсидии больше не помогают смягчать последствия процесса обнищания коренного населения, а создание традиционных природоохранных зон, которые могут использоваться исключительно коренным населением, замедляется из-за слабо развитых правовых рамок, необходимых для создания таких районов.

В другой своей статье «Экспертный анализ основных тенденций экономического развития коренных малочисленных народов Северной Сибири» автор ставит перед собой цель «дать долгосрочный прогноз традиционной экономической деятельности, характерный для коренных малочисленных народов Северной Сибири» (Koptseva, 2014), учитывая столкновение интересов традиционных практик и современных потребностей отечественной добывающей промышленности. Дело в том, что минеральные ресурсы все

чаще извлекаются финансово-промышленными группами на исторических территориях поселения коренных народов. В связи с этим подавляющее большинство экспертов прогнозируют крайне негативные тенденции традиционной экономической деятельности коренных народов Северной Сибири. Как отмечает исследователь, политика радикальной модернизации территорий традиционного расселения коренных народов Северной Сибири должна быть радикально модернизирована. «Справедливый диалог между коренными народами Северной Сибири и ресурсодобывающими компаниями из финансово-промышленных групп будет успешным, только если будет строиться на основе партнерства и реализации современных методов деколонизации северных коренных народов» (Koptseva, 2014).

Надо сказать, что тема экономики ресурсов и тех сложных взаимоотношений, которые возникли между коренными народами и добывающей промышленностью различных стран привлекает особое внимание исследователей коренных народов Севера. В этой связи интересным представляется исследование «Смягчение рисков извлечения ресурсов для промышленных субъектов и коренных малочисленных народов Севера». Как отмечает автор, урегулирование отношений между коренными народами и промышленными корпорациями имеет жизненно важное значение как для США, так и для РФ. Он задается вопросом: почему они «не могут сотрудничать в добывающих проектах, даже если надежные соглашения выгодны обеим сторонам?» (Lerner, Koshurina, Chistanova, Wheeler, 2017). Объяснение видится исследователю в том, что, во-первых, коренные народы не обладают обоснованными правами на землю, которые могли бы дать им контроль над ресурсами и сохранением собственной культуры; а во-вторых, нейтральный и объективный посредник — будь то государство или международный орган — часто хранит молчание в процессе переговоров. Налаживание же отношений в этой сфере может помочь обеспечить не только стабильность добывающих проектов, но и защиту коренных народов от «потенциальных экзистенциальных угроз, связанных с территориальными потерями» (Lerner, Koshurina, Chistanova, Wheeler, 2017).

Э. Уилсон в своей статье «Что такое социальная лицензия и как она действует? Местное восприятие нефтегазовых проектов в Республике Коми и на о. Сахалин» обращает свое внимание на то, что нефтяные и газовые компании сегодня все больше осознают необходимость завоевать доверие местных общин и обеспечить «социальную лицензию» на свою деятельность в дополнение к официальным юридическим лицензиям и разрешениям. Автор ставит перед собой цель изучить, что представляет собой эта социальная лицензия и каковы перспективы ее применения в конкретном локальном контексте. Сравнительный анализ двух «кейсов» (Республика Коми и о. Сахалин), позволяет автору сделать вывод, что успех усилий по созданию социальной лицензии, призванной принести пользу всем сто-

ронам конфликта, зависит сразу от нескольких факторов. Среди них Э. Уилсон называет следующие: 1) ожидания местных сообществ, их исторический опыт, а также существующие социально-культурные и политические условия; 2) желание всех сторон, включая правительство, вести конструктивный диалог; 3) способность представителей промышленных отраслей понимать местные потребности и культуру; 3) способность местных заинтересованных сторон активно формировать мнения, отражающие их собственные ценности и ожидания. Наконец, стоит добавить, что анализ «кейсов» натолкнул автора также на мысль о возможности существования социальной лицензии, не образующей доверительные отношения между промышленностью, правительством и коренным населением — это означает, что «термин „социальная лицензия“ может быть лишь частично полезен в качестве аналитической концепции для понимания и определения обязанностей бизнеса по отношению к обществу» (Wilson, 2016).

Климатические изменения

Еще одна важная тема, отмеченная большим количеством посвященных ей статей, — это климатические изменения, оказывающие влияние на традиционное хозяйство коренных народов. Как пишет В. Игнатьева, для многих коренных народов Сибири «изменение климата не является отдаленной перспективой, а непосредственно пережитой реальностью, к которой они в настоящее время пытаются адаптироваться» (Ignat'eva, 2018). В статье «Влияние климатических условий на традиционную экономику малочисленных коренных народов Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района (Красноярский край)» делается важный вывод о необходимости государственной поддержки в сохранении традиционной экономической деятельности коренных малочисленных народов, потому как она в значительной степени «определяет сложный процесс сохранения традиционной культуры как неотъемлемой части мирового культурного наследия» (Avdeeva, Degtyarenko, Pimenova, Luzan, 2017).

Стоит так же обратиться к статье «Изучение взаимосвязи между изменением климата и психическим здоровьем в Приполярном Севере». Дающей новый взгляд на важность анализа последствий необратимых изменений климата. «Коренные жители, проживающие на Севере, в различной степени полагаются на природную среду и ресурсы, которые она предоставляет для своего образа жизни и средств к существованию» (Willox, Stephenson, Allen, Bourque, Drossos, Elgarøy, Kral, Mauro, Moses, Pearce, Wexler, MacDonald, 2015). Как следствие, северные коренные народы могут быть более чувствительны к глобальному изменению климата, что имеет последствия для продовольственной безопасности, культурных практик, здоровья и благополучия в целом. Сегодня, как отмечает автор, большинство исследований изменения климата в Приполярном Севере сосредоточено на биофизических проблемах и их последствиях, таких как измене-

ние режимов таяния льда, влияющих на поездки на охотничьи угодья, или влияние таяния вечной мерзлоты на инфраструктуру. Намного меньше известно о том, как эти изменения в окружающей среде влияют на психическое здоровье и благополучие людей. Причинами этого могут стать: изменения, связанные с землей, льдом, снегом, погодой и ощущением места в целом; воздействие на физическое здоровье; повреждение инфраструктуры. Также авторы говорят о косвенном воздействии через средства массовой информации, исследования и политику, способные усугубить существующие стрессы. Таким образом, изменения климата представляет собой важную проблему для жителей приполярного края.

Заключение

Можно заключить, что коренные исследования, предпринятые учеными за последние пять лет, охватывают все стороны жизни представителей национальных меньшинств в самых разных странах мира. Применительно к тем из них, что проживают в тяжелых условиях крайнего севера в России, Канаде, США и странах Европы, можно выделить следующие направления: 1) процессы этно- и культурогенеза, направленные на формирование этнокультурной идентичности; 2) Социальные проблемы и пути их решения, включающие в себя как вопросы здравоохранения, социального неблагополучия и притеснения; 3) Экономико-правовое регулирование, связанное с сохранением традиционных экономических практик и выстраиванием диалога с добывающей промышленностью; 4) Климатические изменения, влияющие не только на традиционный уклад жизни коренного населения, но и на его физическое и психическое здоровье.

Литература

1. Marshall, M., Marshall, A., Bartlett, C. (2015). Two-eyed seeing in medicine, *In Determinants of indigenous peoples' health in Canada: beyond the social*, 16–24.

2. Leeuw, S., Lindsay, M. N., Greenwood, M. (2015). Rethinking determinants of indigenous peoples' health in Canada, *In Determinants of indigenous peoples' health in Canada: Beyond the social*, xi-xxvii.

3. Sokolova, F. Kh. (2012). Korennye narody: kontsept, sushchnost' i sodержanie [Indigenous people: concept, essence and content], *In Vestnik SAFU. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of NArFU. Humanities & Social Sciences]*, 6, 23–27.

4. Recruiting of Indigenous Workers Convention, 1936 (No. 50). Available at: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C050 (accessed 9 March 2018).

5. Indigenous and Tribal Peoples Convention, 1989 (No. 169). Available at: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169 (accessed 9 March 2018).

2018).

6. Там же.

7. United nations permanent forum on indigenous issues. Who are indigenous peoples? Available at: https://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/5session_factsheet1.pdf (accessed 9 March 2018).

8. Libakova, N. M., Sertakova, E. A. (2015). Formation of Ethnic Identity of the Indigenous Peoples of the North in Arts and Crafts on the Example of Bone Carving, *In Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences*, 8 (4), 750–768.

9. Там же.

10. Kistova, A. V., Pimenova, N. N. (2017). Current Condition of Decorative and Applied Art of the Indigenous Peoples Resident in the Territory of the Evenki and Taymyr Municipal Districts (Economic and Sociocultural Practices), *In Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences*, 10, 1485–1506.

11. Там же.

— Reznikova, K. V., Sereckina, N. N., Zamaraeva, Y. S. (2017). Perspective Formats for the Development of Decorative and Applied Art of the Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Territory, *In Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences*, 10, 1453–1473.

12. Там же.

13. Reznikova, K. V., Zamaraeva, J. S., Kistova, A. V., Pimenova, N. N. (2014). The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts), *In Life Science Journal*, 11 (12), 126–132.

14. Libakova, N. M., Sitnikova, A. A., Sertakova, E. A., Kolesnik, M. A., Ilbeykina M. I. (2014). Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia), *In Life Science Journal*, 11 (12), 133–140.

15. Efimova, L. S., Afanasev, N. V. (2017). The Elements of Fire in Mythology of the People of Siberia: General and Special, *In Nauka i obshchestvo [Science and Society]*, 2, 120–128.

16. Kaganskii, V. L. (1997). Landshaft i kul'tura [Landscape and Culture], *In Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*, 1, 134–146.

17. Schama, S. (1995). *Landscape and memory*. New York, Knopf, 652 p.

18. Herrmann, T. M., Heinämäki, L. (2017). Experiencing and Safeguarding the Sacred in the Arctic: Sacred Natural Sites, Cultural Landscapes and Indigenous Peoples' Rights. *In Experiencing and Protecting Sacred Natural Sites of Sámi and other Indigenous Peoples*, 1–8.

19. Там же.

20. Koptseva, N. P., Kirko, V. I. (2017). Ethnic Self-Identification of the Dolgans and the Kumandins: Indigenous Peoples of Eastern Siberia, *In SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*,

6 (2), 693–700.

21. Там же.

22. Vaggia, C. R., Snodgrass, J. J. (2015). Health of indigenous peoples, *In Annual Review of Anthropology*, 44, 117–135.

23. Sidorova, L., Ferguson, J., Vallikivi, L. (2017). Signs of Non-recognition: Colonized Linguistic Landscapes and Indigenous Peoples in Chersky, Northeastern Siberia, *In Northern Sustainabilities: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World*, 135–149.

24. Там же.

25. Shear, S. B., Knowles, R. T., Soden, G. J., Castro, A. J. (2015). Manifesting destiny: Re/presentations of indigenous peoples in K–12 US history standards, *In Theory & Research in Social Education*, 43 (1), 68–101.

26. Roth, L. (2014). Digital self-development and Canadian First Peoples of the north, *In Media Development*, 2, 5–11.

27. Pimenova, N. N. (2016). Mekhanizmy sotsiokul'turnykh izmenenii korennykh malochislennykh narodov Sibiri i Severa: kontseptsii kul'turnoi travmy P. Shtompki [Mechanism of sociocultural changes of the indigenous people of Siberia and North: concept of cultural trauma by Piotr Sztompka], *In Социодинамика [Sociodynamics]*, 3, 37–45.

28. Там же.

29. Sztompka, P. (2001). Social change as trauma. *In Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 1, 6–16.

30. Chandler, M. J., Dunlop, W. L. (2015). Cultural wounds demand cultural medicines, *In Determinants of Indigenous Peoples' Health*, 78–90.

31. Nutton, J., Fast, E. (2015). Historical trauma, substance use, and indigenous peoples: Seven generations of harm from a «Big Event», *In Substance use & misuse*, 50 (7), 839–847.

33. Koptseva, N. P. (2015). Current economic situation in Taymyr (the Siberian Arctic) and prospects of indigenous peoples' traditional economy, *In Економічний часопис-XXI [Economic Newsletter-XXI]*, 9–10, 95–97.

34. Koptseva, N. P. (2014). Expert analysis of the main trends of Northern Siberia's Indigenous small-numbered peoples economic development, *In Економічний часопис-XXI [Economic Newsletter-XXI]*, 11–12, 93–96.

35. Там же.

36. Lerner, A. M., Koshurina, V., Chistanova, O., Wheeler, A. (2017). Mitigating the Risks of Resource Extraction for Industrial Actors and Northern Indigenous Peoples, *In Arctic Review*, 8.

37. Там же.

38. Wilson, E. (2016). What is the social licence to operate? Local perceptions of oil and gas projects in Russia's Komi Republic and Sakhalin Island, *In The Extractive Industries and Society*, 3 (1), 73–81.

39. Ignat'eva, V. (2018). Sakha Republic (Yakutia): Local Projections

of Climate Changes and Adaptation Problems of Indigenous Peoples, *In Global Warming and Human-Nature Dimension in Northern Eurasia*, 11–28.

40. Avdeeva, Y. N., Degtyarenko, K. A., Pimenova, N. N., Luzan, V. S. (2017). Influence of Climatic Conditions on the Traditional Economy of Small-Numbered Indigenous Peoples of Taymyr Dolgano-Nenets Municipal District (the Krasnoyarsk Territory), *In Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences*, 10, 1282–1293.

41. Willox, A. C., Stephenson, E., Allen, J., Bourque, F., Drossos, A., Elgarøy, S., Kral, M. J., Mauro, I., Moses, J., Pearce, T., Wexler, L., MacDonald, J. P. (2015) Examining relationships between climate change and mental health in the Circumpolar North, *In Regional Environmental Change*, 15 (1), 169–182.

Этнокультурный образ Октябрьского района города Красноярска

Медникова Мария Эдуардовна,

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

Красноярск — современный развивающийся город с населением более одного миллиона. Он является культурным, экономическим, промышленным и образовательным центром Центральной и Восточной Сибири. Несмотря на прогрессивное развитие всех отраслевых функций Красноярска — как города, культурная составляющая является наиболее значимой. Ведь культура города прежде всего определяет нравственные устои населения, а также духовность и менталитет общества. Создается «лицо» Красноярска, которое играет большую роль как для местных жителей, так и для приезжих гостей.

Важным фактором городской среды являются парки, скверы и другие различные места. Так, визуальный образ, который помогает наслаждаться городом не только как функциональным, но и комфортным местом жительства, становится значительным объектом исследования. Помимо досуговой функции такие места отдыха зачастую являются образовательными элементами. Так, во многих парках Красноярска, можно обнаружить памятник того или иного значимого деятеля. Различные скульптуры или монументы обычно изображают значимых для города людей. Но такие объекты содержат в себе не только историческую составляющую, но и художественную, и социальную, и в целом культурную. В данном случае, считается важным разобрать культурные места, как значимого пространства визуального образа города Красноярска.

В 2019 году в Красноярске пройдет Всемирная зимняя универсиада, это еще один фактор актуальности данного исследования. Город посетит множество туристов, которые так или иначе будут оценивать их место временного проживания. Красноярску как городу-хозяину важно предоставить максимально комфортные и уютные условия для гостей. Поэтому столь важным считается визуальный образ города и его районов, ведь как говорят — «встречают по одежке». Данное исследование может помочь в выявлении преимуществ и недостатков общей картины города, которая является значимой не только для приезжих, но и для самих красноярцев.

Город Красноярск, имея территорию в 353 км², образует свой визуаль-

ный образ из сотен культурных достопримечательностей. Данное исследование рассматривает три объекта из визуалобразующего множества и именно в Октябрьском районе. Город административно разделен на 7 районов и Октябрьский является одним из основополагающих районов (Кировский р-н образован в 1934 г., Центральный и Октябрьский р-ны образованы в 1938 г.) для дальнейшего расширения городского пространства. Сейчас это второй по территории и численности административный объект города, уступая лишь Советскому. Как пишут на сайте администрации города Красноярска о районе — это «западные ворота столицы края». И свое значение он оправдывает наличием множества важных объектов здравоохранения, образования, научной отрасли, а также развитой инфраструктурой по различным видам спорта. Важным считается указать, что большая часть района является природной зоной. Говоря о спорте и наличии большой зеленой зоны, именно в этом районе находятся наиболее значительные объекты будущей зимней Универсиады, а также штаб Универсиады и деревня, расположенная на базе Сибирского Федерального Университета. Октябрьский район также является сосредоточением студенчества: на территории находятся два университета Сибирский Федеральный и Красноярский Аграрный. Университетские корпуса, общежития, культурные пространства — все это создает динамику жизнедеятельности молодежи и пульсацию движения студенческой жизни именно в Октябрьском районе. А потому считается важным как постоянно прибывающая молодежь воспринимает место их обитания — каков визуальный образ Октябрьского района, положительно ли он влияет на становление духовного и интеллектуального потенциала нынешнего и будущих поколений студентов.

Данное исследование рассматривает человеческое восприятие внешней городской среды, от которого зависит состояние человеческого организма и его души. Архитектура города, за счёт комбинации прямых и кривых линий, способна создать определённый эмоциональный настрой, что оказывает воздействие на человеческое сознание и формирует соответствующий тип социального поведения. Следовательно, архитектура является инструментом формирования духовно-нравственного облика человека и общественного сознания. Для изучения такой степени влияния архитектурных и скульптурных объектов следует использовать более глубокий метод исследования, заключающийся в философско-искусствоведческом анализе. Именно он дает постичь философские идеи и сакральные смыслы изучаемых объектов, которые конкретнее будут описываться далее в данной работе.

Исследование социокультурного пространства города является междисциплинарным объектом изучения. Специфика его понятия и методологии представляется в большей степени собирательным определением, которое рассматривается в многочисленных трудах ученых из различных

научных отраслей. Данное исследование базировалось на диссертационной работе Е. А. Сертаковой «Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа г. Красноярска)», чьи теоретические положения были взяты за основу в рассмотрении социокультурного пространства. Оно представляет собой процесс идентификации общества через социальные, культурные, региональные составляющие социокультурного образа города. Поэтому данное исследование ставит цели исследовать теоретический аспект социально-философского основания городского пространства, а также прикладным методом выявить сущность этого пространства и его социокультурного образа.

Городское пространство определяется с различных точек зрения — политической, социальной, географической и др. Каждый угол зрения рассматривает преимущества и недостатки определения города, но каждый раз узкое рассмотрение городской специфики требует более широкого обоснования, от чего происходит смешение взглядов разных научных дисциплин. Город рассматривается не точечным определением, крупного населенного пункта, жители которого заняты не сельским хозяйством, а как многогранный феномен, познание которого происходит через разносторонние понятия и методологические обоснования. В данном исследовании на фоне рассмотрения большинства подходов в изучении города, выявляются конкретные взгляды некоторых ученых. Социально-философский подход содержит в себе теорию производства пространства А. Лефевра и Э. Соджа. Ее подробное изучение обуславливается спецификой всего исследования, направленной на интегральное исследование социального, философского и культурного факторов познания социума в городском пространстве.

Отталкиваясь от данных подхода и теории, разрабатывается методология исследования социокультурного пространства. А. Лефевр и Э. Соджа указывают на его изучение через репрезентанты города. Репрезентанты в данном случае являются образующими предметами производства пространства. А принятие данного пространства обществом воспроизводит их собственное пространство своих мироощущений окружающей среды. Таким образом, репрезентанты образуют собой знаковую систему, которую, обладая особым знанием, как текст можно прочесть. Исследователи-искусствоведы, В. И. Жуковский, Н. П. Копцева, С. В. Пирогов и др., предлагают взять за основу данного текста произведения искусства. Так как искусство обладает способностью моделирования картины мира людей, посредством своей созидательной силы, воплощенной в творениях художников. Данное утверждение на практике подтверждается исследованием Е. А. Сертаковой, где автор провела анализ специфики социокультурного пространства города Красноярска через обращение к ключевым архитектурным памятникам города. Поэтому исследование социокультур-

ного образа Октябрьского района города Красноярска происходит через его архитектурные и скульптурные произведения искусства.

К анализу произведений искусства применяется философско-искусствоведческий анализ, разработанный под руководством исследователей В. И. Жуковского и Н. П. Копцевой. Он заключается в рассмотрении знаковой системы произведения искусства через многоуровневую структуру анализа знаков — материальные, индексные, иконические и символические знаки. Данный метод способствует раскрытию смысла произведения заложенного автором, а также создать эталонного зрителя, через его диалог с творением. Так проявляется схема мироздания того или иного художественного явления, которая помогает раскрытию человеческого познания самого себя.

Данный метод исследования был применен к трем архитектурным и скульптурным объектам Октябрьского района: «Силисоид», скульпторы Н. А. Силис, В. С. Лемпорт, 1969 г.; памятник А. П. Степанову, скульптор А. Н. Ковальчук, 2016 г.; Фасад Конгресс-холла СФУ, архитектор И. Н. Крылова, 2016 г.

Выбор именно данного района обозначен наличием скопления большого количества студентов — два университета на территории района, Аграрный и Сибирский федеральный. Район представляет свою некоторую интеллектуальную ценность благодаря наличию главного корпуса СФУ, Института Физики и других образовательных учреждений. Данное сосредоточение академических узлов обеспечивает поток молодых людей, обучающихся в этих местах. Поэтому является важным определение социокультурного образа Октябрьского района, так как происходит постоянное формирование мироотношения молодежи, посредством визуального образа с которым она встречается практически ежедневно.

Обоснование данных произведений основывается на нескольких элементах. Во-первых, это расположение в узлах сосредоточения большой массы людей: «Силисоид» возле ИФ СО РАН, Конгресс-холл является зданием главного кампуса СФУ, а памятник Степанову возведен на пересечении главных улиц Октябрьского района. Во-вторых, интересен факт изображения различных эпох в разное время создания произведений. Скульптура «Силисоид», имея свою формалистскую идею и отличающийся от стандарта того времени внешний вид, была установлена в 1969 году во времена «оттепели». А вот памятник Степанову, наоборот являясь современной скульптурой, воплощает художественный замысел исторической памяти дореволюционного времени. Сопоставление времени создания и стиля изображения сошлось лишь в фасаде Конгресс-холла СФУ, где инновационный взгляд архитектора направлен на современное воплощение образа Сибирского народа.

Проведение философско-искусствоведческого анализа позволило вы-

явить некоторую специфику социокультурного образа Октябрьского района г. Красноярска. Объекты «Силисоид» и фасад Конгресс-холла СФУ своей формой, местоположением и временем их создания образуют гармоничный художественный образ, который своей знаковой системой раскрывает идеальное мироотношение. Зритель, познавая данные произведения, выстраивает для себя структуру бытия, где через интеллектуальную и творческую деятельность существует попытка достичь предела одухотворенности и самопознания личности. Памятник А. П. Степанову, при анализе, показал другой ракурс социокультурного образа. Изображенная личность губернатора является главным достоинством этого произведения, так как являет собой историческую значимость. Установка данного памятника в наше время является потребностью города в обозначении культурных и исторических ценностей, общество должно знать тех, кто способствовал развитию и становлению г. Красноярска. Так происходит процесс самоидентификации населения с историческим прошлым, где проявляется гордость и благодарность за то, что было сделано. Посыл данного произведения понятен, но его воплощение является неоднозначным. Визуальный образ памятника и окружающей его среды, создает образ клетки, проявляется неким подавлением культуuroобразующего элемента инфраструктурой города. Несмотря на свои размеры, изображение А. П. Степанова теряется, тем самым создавая образ неуместности, ненужности и бессмысленности.

Таким образом, специфика социокультурного образа Октябрьского района выявлена. Но она не является полной, так как, во-первых, философско-искусствоведческий анализ не раскрывает весь потенциал исследуемого объекта. А во-вторых, произведения искусства, выбранные для данной работы, представляют лишь малую часть знакового текста Октябрьского района. Тем не менее, исследование определило понятие и методологию социокультурного образа в первой главе работы. Есть существенное обоснование выбора именно такого метода исследования и именно таких произведений искусства. А также в прикладной части работы над социокультурным образом Октябрьского района г. Красноярска проведен сам анализ произведений искусства посредством философско-искусствоведческого метода. На основании данных утверждений, подкрепленных основным текстом работы, можно сделать вывод о частичном определении социокультурного пространства Октябрьского района г. Красноярска. Население создает социокультурный образ, который говорит о развитии человеческого общества, его самоидентификации с местом его проживания и сопоставления его деятельности, направленной на улучшение будущего (наука, культура). Во времена «смотрительного» общества, когда образы имеют больше значения, чем слова, люди жаждут познавать мир через свободные формы, которые не обременены никем и являют собой лишь идею автора. Данный анализ

произведений наглядно показал две стороны восприятия художественных образов, что означает лишь, то, что социокультурный образ Октябрьского района является одновременно прогрессирующим и застопоренным, причем вторая черта проявляется ближе к центру города, где кипит вся жизнь, а развиваются именно окраины (Академгородок, Госуниверситет). Это говорит о том, что пространство города нуждается в доработке своего культурного облика, где социокультурный образ был бы целостным и раскрывал свой потенциал на правильное установление культурного развития общества.

Литература

1. Сертакова А. А. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа г. Красноярск): дис... канд. филос. наук. Сиб. федер. ун-т, Красноярск, 2014 — 172 с.
2. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. — М.: Strelka Press, 2015. — 432 с.
3. Soja E.. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., N. Y.: Verso, 1989. P. 17.
4. Жуковский В. И. Теория изобразительного искусства: тексты лекций. Ч. 1. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004. С.6
5. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции изобразительного искусства: учеб. пособие. Красноярск. 2004. 266с.
6. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства: Учебное пособие. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2004. С. 26.
7. Скульпторы./Фотолетопись ИФ СО РАН. [Электронный ресурс]:Режим доступа: [<http://photo.kirensky.ru/istoriya-stroitelstva/skulptory-1>].
8. Президент СФУ оценил готовность Конгресс-холла к работе./Официальный сайт СФУ. [Электронный ресурс]:Режим доступа: [<http://www.sfu-kras.ru/staff/16518>].
9. Памятник губернатору в Красноярске установят за 16 млн руб./Красноярское общественное деловое издание «Дела.ру». [Электронный ресурс]:Режим доступа: [<http://www.dela.ru/news/187478/>].

Оглавление

Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX — XXI веках: опыт и перспективы	5
Часть 1. Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири: научные подходы к изучению	7
Трудовая миграция в климатическом пространстве Красноярского края	9
Иммиграционная политика и формирование культурной идентичности в полиэтническом и мультилигварном пространстве (на примере Австралии)	14
Этническая миграция и коренные малочисленные народы Красноярского края: обзор научных исследований	20
Миграционная политика в контексте перспективного развития России	27
Проблемы адаптации коренных народов Южной Сибири к городским условиям	31
Часть 2. Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов как фактор современной этнической мобильности	37
«Этнические» рынки в г. Иркутске: взаимосвязь повседневных практик, властной риторики и медийных образов	39
Мессенджер «WeChat» во взаимодействии университета со студентами из КНР	44
Динамика миграционных процессов Республики Хакасия	47
Миграционная политика Португалии по интеграции иммигрантов ..	53
Проблемы социокультурной адаптации и интеграции учебных мигрантов в России (на примеров вузов г. Новосибирска)	55
Часть 3. Педагогические модели обучения русскому языку как иностранному	57
Государственная языковая политика РФ в отношении коренных малочисленных народов Севера: состояние и перспективы	59
Кинодиалог в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции при обучении РКИ	62
Дискурс в условиях межкультурной коммуникации при обучении русскому языку как неродному в средних общеобразовательных школах	68
Практико-ориентированная подготовка будущих педагогов с учетом миграционных процессов в Сибирском регионе	77
Концептуализация образа «Родины» в творчестве Р. Бернса	82

Часть 4. Этнокультурная динамика и этническая мобильность	
в XXI веке	89
Крайние проявления миграционного языкового контакта и их воздействие на этническое самосознание	91
Научные подходы к понятию «этническая культурная идентичность»	96
К вопросу о возможности существования отдельной отрасли миграционного права в правовой системе России сегодня	100
Правовой аспект саморегулируемых организаций	105
Привлекательность художественных музеев города Красноярска для современной молодежи	110
Протест в искусстве XX—XXI вв. на материале анализа стрит-арта и живописи	117
Подготовка специалистов с этнокультурными компетенциями: арт- менеджмент	120
Этнокультурные компетенции: роль образовательных и драматургических проектов Красноярского ТЮЗа	138
Историографический обзор коренных исследований за 2014— 2018 гг.	151
Этнокультурный образ Октябрьского района города Красноярска	168

Коллектив авторов

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX-XXI ВЕКАХ: ОПЫТ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник материалов Второй международной научной конференции

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта: «Проект организации Второй международной научной конференции «Специфика этнических миграционных процессов в Центральной Сибири в XX – XXI веках: опыт и перспективы»